

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

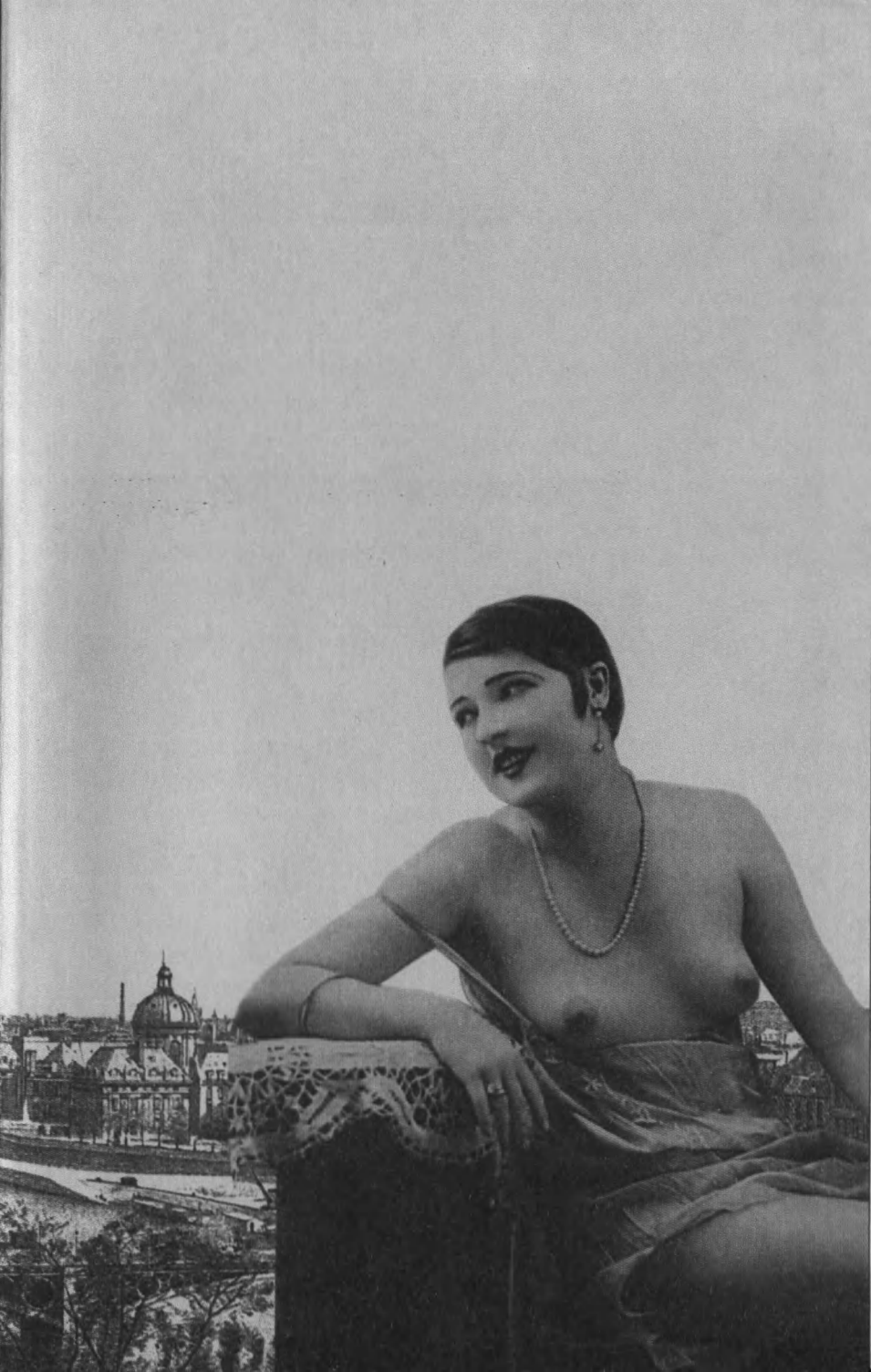
Лаура Адлер

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

ПУБЛИЧНЫХ ДОМОВ ВО ВРЕМЕНА ЗОЛЯ И МОПАССАНА

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Лаура Адлер

Laure Adler
LA VIE QUOTIDIENNE
DANS LES MAISONS CLOSES
1830—1930

HACHETTE

ЖИЗНЬ ПУБЛИЧНЫХ ДОМОВ ВО ВРЕМЕНА ЗОЛЯ И МОПАССАНА

МОСКВА МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ · ПАЛИМПСЕСТ · 2005

УДК 94(44) «15/19»
ББК 63.3(4Фра)-28
А 31

Перевод с французского
И. В. СВЕРДЛОВА

Серийное оформление
Сергея ЛЮБАЕВА

Ouvrage publié avec l'aide
du Ministère français chargé de la Culture —
Centre national du livre.

Издание осуществлено с помощью
Министерства культуры Франции
(Национального центра книги).

Перевод осуществлен по изданию:
Laure Adler. *La vie quotidienne dans les maisons closes, 1830—1930.*
Paris, Hachette, 1990.

ISBN 5-235-02739-6

- © Hachette, 1990
- © Свердлов И. В., перевод, 2005
- © Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2005
- © «Палимпсест», 2005

Они ждут, когда зайдет солнце. Они ждут, заточенные в домах, одетые в прозрачный муслин, похожие на маленьких девочек; они ждут, стоя за закрытыми ставнями, сквозь которые пробивается свет красного фонаря, они ждут, сидя в изящных креслах в салоне. Ночь будет долгой. Туфли на шнуровке, туго затянутые корсажи, покрашенные губы, черные глаза — такими они выходят на улицу; их походка весела и похотлива, ею они завоевывают сердца городов. Они стоят в лужицах света, они сидят в кафе и ресторанах, набитых людьми. Они немного приподнимают свои юбки, бросают загадочные взгляды. Иногда они окликают проходящего мимо мужчину и заговаривают с ним о любви и деньгах; их голос — сама нежность. Их юбки белы как снег, нет ничего прекраснее их лиц. Они осуществляют желания. Они продаются и не стесняются этого. Их плоть будет вашей, если у вас есть деньги. Можно торговаться, цена — дело договора. Она зависит от часа дня, от внешнего вида и поведения клиента, от настроения самой женщины.

В спальне стоит только что застеленная кровать. Ночь уже вступила в свои права. Из ресторана доносятся голоса, шум, звон бокалов. За столом сидят женщины, они обнимаются. Мужчины, отупев от усталости и ви-

на, глядят недовольным взглядом гурманов на эти женские шалости. Среди них есть человек, который уже решил остаться здесь до утра. Он тоже ждет. Он думает о том миге, когда окажется в объятиях вот этой женщины, к ногам которой он очертя голову бросил все — свое состояние, свою честь, свое доброе имя. Ему это нравится. Ему нравится, что о нем говорят в свете — в салонах, на скачках, за картами; ему нравится, что все знают: он потратил все, что накопил за свою жизнь, на любовь одной красавицы, расположения которой так хотели бы добиться его друзья.

В танцевальных залах уже темно. Свет горит только в нескольких кафе — там на скамейках спят женщины. Они уже не могут стоять на ногах — так много они выпили за вечер, столько раз посетили отдельные кабинеты. На соседней улице хозяин трактира закрывает заведение и выставляет за порог последних клиентов — женщину и ее сутенера. Парочка отправляется домой — в плохонькую комнатку в отеле неподалеку. Сутенер едва идет — он уже и не помнит, сколько рюмок абсента заказал за сегодня. Женщина просто утомлена. Она знает, что скоро сможет вытянуться на кровати, где ей не придется играть в любовь. Она нежно обнимет своего любовника, который тут же заснет. На заре она беззвучно зарыдает у него на груди и забудет о страданиях прошлой ночи.

Их зовут по-разному: Дивина, Элиза, Мария Упрямыца, Мария Удар Молнии, Маргарита, Аглая, Олимпия, Пипа Пантера, Короткая Стрижка, Длинная Коса, Распятая, Ирма, Аманда, Октавия, Симпатичная Попка, Девчонка, Изящная Ножка, Полетта, Акробатка, Джина, Нана, Фернанда, Роза...

Их зовут женщинами, дарящими удовольствие, ночными бабочками, женщинами, сводящими с ума, женщинами для пирушек, женщинами для любви, продажными женщинами, кабацкими женщинами,

кокотками, шлюхами, гетерами, подстилками, подкладками, гостьями художников, суками, веселыми холостячками и бог знает как еще.

Проституция — парная игра. Пары могут быть разные — женщина и клиент, женщина и сутенер, женщина и другая женщина, женщина и бандерша; секс и деньги, желание и импотенция, желание и извращение, воображение и реальность; женщина и ночь, женщина и вино, женщина и музыка. Женщина и мужчина, наконец. Об этом нельзя забывать, потому что в большей части книг о проституции активную роль играет только она — проститутка, то есть «обесчещенная». Она делает все — провоцирует, завлекает мужчину в свои объятия, топит его в море разврата и греха. Лишь немногие писатели отважились заговорить о том, в чьем теле живет желание, о том, кого самые смелые называли «корнем проституции», «источником бесчестия». Ведь без него, возможно, и не было бы никакой проституции, никакого секса за деньги, не было бы самого рынка, на котором торгуют телом.

Можно быть уверенным, что проституция существовала всегда, и нет ни одного историка проституции, который бы не посвятил хотя бы главу своего труда рассказу об эволюции этого явления «от Гостомысла и до наших дней». С того самого момента, как на планете возник вид *homo sapiens*, женщины и мужчины торговали своим телом. Но все наблюдатели — врачи, историки, моралисты, полицейские, идеологи, художники, романисты — соглашались в том, что в XIX веке проституция радикально изменила свой облик, свой статус, и даже, не побоюсь этого слова, самую свою природу. Вдруг ни с того ни с сего масштабы проституции стали всем казаться совершенно фантастическими, так что люди, из чувства долга наблюдающие за моральным состоянием общества, стали проявлять сильное беспокойство, чуть ли не впадать в панику. Проститу-

ток и в самом деле стало гораздо больше, однако проблема не стояла так остро, как утверждают некоторые; точные цифры, впрочем, привести невозможно, они разные у разных авторов, и результаты порой расходятся на порядки. Более или менее точной будет следующая оценка — на момент установления июльской монархии во Франции насчитывалось тридцать тысяч проституток, а к 1930 году их число возросло до пятисот тысяч*. Паран-Дюшатле в 1836 году писал, что в Париже живут десять тысяч проституток, в то время как по данным полиции их было на тот же момент тридцать тысяч, а Максим дю Кан утверждал, что в 1872 году только в одном Париже проституток было сто двадцать тысяч.

Проституткой следует называть женщину, которая, по принуждению или по склонности, предпочитает выйти из границ нормы и тем самым оказаться за бортом общества в социальном, эмоциональном и сексуальном аспекте. Она покидает родительский или семейный дом — иногда ее к этому вынуждают, иногда она это делает по собственной воле из иллюзорной «веры в свободу». Она бросает свою привычную работу швеи или служанки и оказывается перед необходимостью зарабатывать на хлеб; поэтому она позволяет содержать себя разным людям — соседу, первому встречному, хозяину кабаре, танцовщику. Сначала они просто живут с ней, а потом приводят ее в кафе, и там... Наконец, такую женщину могут заставить торговать собой ее собственные родители или подруги, которые решают поправить таким путем свое финансовое положение.

Проститутками не рождаются, ими становятся. Проститутки — не сословие, это лишь женщины, имеющие определенную профессию. «Продажные

* Цифру в тридцать тысяч приводит в одном из своих докладов генеральный прокурор Дюко. Лекур говорит о шестидесяти тысячах, а Коньяр утверждает, что во Франции было пятьсот тысяч проституток уже к началу Первой мировой войны!

женщины» в душе совершенно обыкновенные, как бы нас ни пытались убедить в обратном моралисты, которые, возбужденные их «грязью» и «развратностью», видят в них одновременно «сточную канаву общества» и «выгребную яму воображения». Более того, они сами не называют себя проститутками. Их профессия — ни объявление войны обществу, ни признание обществу в любви. Обычно «жрицы любви» не очень-то гордятся своим положением. Они вовсе не настроены кричать на каждом углу о том, чем они занимаются — за них это делают полицейские, врачи и прочие «гаранты общественного порядка». Проститутка — женщина, отказывающаяся повиноваться. Независимо от того, есть ли на проститутку досье в полиции и есть ли у нее медицинская карта, она все равно «непокорна», нелегальна, неподвластна.

Мы привыкли видеть в женщине мать, средоточие семейной мудрости; поэтому проститутка одновременно и притягательна, и отвратительна. По большей части проститутки происходят из рабочих семей, и их тело для них — просто орудие труда. Иные были вынуждены заняться торговлей собой потому, что ничем другим не могли заработать на хлеб. Обычная история: женщину с детьми на руках бросил муж; у нее нет денег, она со своими чадами замерзает от голода и холода в каком-нибудь подвале и, чтобы хоть как-то свести концы с концами, выходит на панель. Эти рассказы — вовсе не плод больного воображения журналистов. В тот момент, когда новые общественные классы только возникают, когда, как это показал Луи Шевалье, рабочий класс становится «классом — источником опасности», когда буржуазия уже накопила достаточно денег, чтобы начать хотеть их тратить так, как это умеет, с ее точки зрения, аристократия, — в этот момент улицы городов наводняют проститутки, они взрывают социальные рамки, будоражат общественное воображение, преступают границы стыда и вежливости. Они не дают возможности, к большому неудовольствию полицейских и санитар-

ных врачей, отнести себя к тому или иному классу; они не дают возможности, к возмущению моралистов, привязать себя к тому или иному месту — к борделю, к дому свиданий, к кафе, — или отнести к какой-либо категории — женщины из номеров, женщины по вызову, женщины без регистрации. Они проходят различные этапы своей карьеры так, как им это больше нравится. Да — они делают карьеру, пусть порой эфемерную. Последние серьезные исследования показывают, что профессия проститутки — профессия для женщины временная. Красота, молодость, задор — без всего этого нет проститутки — со временем увядают, но одним старением не объяснить все, что происходит в ее жизни. Некоторые выходят замуж — это бывает очень редко; еще реже проститутки уходят в монастырь. Но что происходит с прочими? С момента регистрации «продажной женщины» в полиции мы можем проследить ее историю вплоть до того момента, как она снова становится частью общества. А если этого не происходит, мы ничего не находим в архивах...

Так что профессия проститутки — это не судьба, не «дело на всю жизнь», как считают иные романисты. Более того, склонность к проституции не передается по наследству, как думают иные криминологи. С еще большим трудом можно видеть в проституции порок, смертельную болезнь, как в этом нас пытаются убедить иные моралисты. Но что же тогда такое проституция? Путь к ответу на этот вопрос столь тернист, что те, кто решался его преодолеть, порой приходили к прямо противоположным результатам. Например, г-н Фрежье в свою бытность чиновником парижской префектуры считал, что проституция «это порок, порожденный самой сильной страстью, свойственной человеку, от которой весь научный прогресс пока не смог найти противоядие». А когда проституция понимается как необходимое зло, проститутки становятся как бы представительницами особой профессии — профессиональными удовлетворительницами, ассенизатор-

шами любви. Это слово не случайно — на всем протяжении XIX века проституток сравнивали со сточными канавами и выгребными ямами. Пальма первенства в деле четкой формулировки этой ассоциации принадлежит Парану-Дюшатле, который писал так: «Проститутки столь же неизбежны в большом городе, как сточные канавы, свалки и мусорные баки. Соответственно и взгляды властей на проституцию должны быть такими же, как их взгляды на уборку улиц». Сен-Поль выразил ту же мысль еще лаконичнее: «Проституция так же необходима городу, как хозяйке — мусорное ведро». Шарль Альбер видел в проститутках предохранительный клапан для мужских страстей, рану, через которую из тела общества наружу выходит гной. Академический словарь 1855 года издания был менее изобретателен и определял проституцию просто как «распутную жизнь»; эту формулу перенял и Литтре. Некоторые мыслители придерживались мнения, что проституция есть высшая форма рабства в современном им обществе. Так писали Виктор Гюго, Прудон, Виктор Маргерит и даже Маркс, который прямо заявлял, что проституция есть не более чем одна из форм эксплуатации рабочего класса. Экономисты писали о контрактном характере проституции — так, для Долланса проституция — это «обмен товара “удовольствие” на товар “деньги”». Проститутка как бы продает удовольствие, но сама его не испытывает. С точки зрения многих этот «факт» — неперемное условие проституции. Проститутка выходит на панель не в силу инстинкта, не потому, что страдает от какого-то порока, но только ради денег. По мнению Ива Гюйо, любая женщина, для которой финансовые отношения имеют более существенное значение, чем отношения половые, должна быть признана проституткой. Но разве девушка, торгующая своим телом, не может отдаться ради удовольствия кому-то из своих друзей? И если она это делает, продолжает ли она в такой момент быть проституткой? А швея, каждый день работающая в ателье и при этом каждый вечер выходящая

на панель с целью «еще немного заработать»? Проститутка она или нет? А если проститутку арестовывают, то до какого момента она остается проституткой? Каковы условия, при которых она в своих собственных глазах и в глазах общества остается проституткой? Авраам Флекснер прав, когда привлекает наше внимание к нечеткому, негомогенному характеру проституции. Для него «проститутка — та женщина, которая часто или иногда вступает с мужчинами в более или менее несерьезные половые отношения и получает за это деньги или иного рода компенсацию... Женщину можно считать проституткой даже в том случае, если об этих ее делах никому не известно, даже если ее ни разу не арестовывали за проституцию, даже если она одновременно имеет легальную оплачиваемую работу».

Проституцию не запрещают, но терпят, поэтому бордели и называются «домами терпимости». Властям так удобнее — регламентируя проституцию, они в известной мере ее контролируют. Государство никогда не хотело непосредственно вмешиваться в эти «моральные дела», поэтому контроль за проституцией был вменен в обязанность местному самоуправлению и местным полицейским отделениям. В каждом городе с проститутками обращались по-разному*, у каждой мэрии были свои средства делать жизнь «жриц любви» более или менее приемлемой. Первые регламентирование проституции было введено во времена Консульства, но по-настоящему система заработала начиная с первых годов Июльской монархии. Понимание необходимости контролировать проституцию становилось с годами все прочнее, од-

* Обычно регламентирование проституции осуществляло местное законодательное собрание. Были и исключения — в 1851 году в Лионе эти полномочия были переданы префекту. С 1855 по 1867 год префекты осуществляли контроль над проституцией во всех городах с населением больше четырех тысяч жителей; в 1884 году контрольные полномочия были переданы мэриям, однако префекты полиции сохранили право вмешиваться в случаях, когда ситуация выходила из-под муниципального контроля.

новременно росло и беспокойство — эффективна ли эта система «ограничения порока»? Беспокойство отнюдь не беспочвенное — система дала трещину в начале XX века и потерпела окончательный крах в тридцатые годы XX века. Ален Корбен, без которого настоящая книга никогда не была бы написана — настолько масштабный переворот во взглядах на проблему совершен в его трудах по институциональным, политическим и юридическим аспектам проституции XIX и XX веков — выделяет три основные фазы: регламентаризм (начало XIX века), нео-регламентаризм (конец XIX века) и санитаризм (после Первой мировой войны).

Разумеется, разделить на четкие хронологические этапы историю феномена, связанного с особенностями менталитета — вещи, по определению неопределимой, очень сложно, особенно если корни этого феномена, как политические, так и юридические и психологические, уходят в прошлое так глубоко. Но мы не устаем повторять, что хотя проституция и является древнейшей профессией, это вовсе не значит, что у нее нет истории. Взять, к примеру, период с 1830 по 1930 год — взлет и падение публичных домов. До тридцатых годов XIX века у борделя не было отличительной функции как таковой: будучи местом свиданий, он служил и рюмочной, и рестораном, и собственно публичным домом. Затем его роль места, где продаются удовольствия, стала более отчетливой, более яркой. А потом, после своего звездного часа, в восьмидесятые годы XIX века бордель несколько растерял свою привлекательность, свой эротический заряд, свою тайну. В Первую мировую войну бордель на некоторое время очнулся от летаргического сна, но тридцатые годы XX века он фактически пережить не сумел, так что в 1945 году после принятия закона Марта-Ришара, согласно которому держать бордели окончательно запрещалось, не произошло никаких народных волнений.

То, как протекала ежедневная жизнь «продажных женщин», целиком зависело от их статуса, от того, в каком месте они предлагали свой «товар», от удачи, от их собственной красоты, от связей. Куртизанки, «звезды» рынка страсти, менее всего страдали от несвободы. Другие женщины, например бордельные проститутки или девушки по вызову, так или иначе подвергались давлению, впрочем, без того, чтобы грубо унижалось их достоинство. Но разве можно вообразить себе степень несчастья и страдания сотен третьих, которые не знали, как им выжить в этом море разврата?

Шлюха из парижских предместий и куртизанка из элитных кварталов принадлежат к одному слою общества и прошли через одно и то же; и та и другая знают все самое сокровенное, что есть у мужчин. Они выучили наизусть, до зубной боли, все хитросплетения механизма полового влечения; они точно знают, что весь мир — это один гигантский бордель. Пока они молоды и красивы, мужчины ими восхищаются; когда они стареют, те же самые мужчины не скупятся на оскорбления и зуботычины. Они пошли на этот риск, поддерживаемые своей внутренней энергией и идеей любви, которую они сами себе выдумали. Ведь все они — самые великие влюбленные этого мира. Они страстно любят свою сводню, своего сутенера и своего возлюбленного. Клиентов они не любят. Конечно, как они могут любить клиентов — ведь клиент для них не что иное, как воплощенный порок. Клиенты — солдаты этой черной армии пороков, о которых так беспокоятся моралисты; сами же проститутки порой испытывают отвращение ко всей этой мерзости, связанной с сексом. Возьмем, к примеру, девушку по имени Нана из романа Эмиля Золя, которая, несмотря на то, что сделала довольно успешную карьеру в своей профессии, возмущена подлостью порочных людей и изощренностью извращенцев. «Так что же, добродетелей, чистоты больше нет? В разврате погрязли все, от мала до ве-

лика. Ну и что ж, так, вероятно, и должна протекать нормальная парижская жизнь с девяти вечера до трех утра; и Нана смеялась, говорила, что если бы можно было заглянуть во все спальни сразу, то точно можно было бы увидеть что-нибудь забавное; например, как всякие простые люди из кожи вон лезут, чтобы изобрести что-нибудь новенькое, а иногда и сильные мира сего, те, кто глубже других нырнул в пучину греха. Если бы это было возможно, ей не нужно было бы больше учиться».

Обученные навыкам любви, некоторые проститутки, хорошо понимая, какие фантазии они будят в мужчинах, становились и в самом деле воплощениями тайны и страсти. Другие, подавленные положением, в котором оказались, прикованные к «своему» публичному дому, смирялись со своей ролью современных рабынь и постепенно переходили в разряд неодушевленных предметов, утрачивая достоинство личности. Все они развратницы, все они желанные враги, которые своими флюидами развращают и без того развращенное общество — так о них пишут, говорят и думают буржуа. Увы, самим проституткам не дали слова. О них всегда говорят только мужчины. По счастью, мне изредка удавалось находить в архивах истории жизни реальных проститутток, но они все были фрагментарны и зачастую сводились к перечислению пережитых несчастий. Ничего или почти ничего нельзя узнать из их собственных уст о личной жизни, образе мысли, чувствах, повседневной жизни, эмоциях и страстях. Поэтому мне придется начать свой рассказ со слухов, в обилии представленных на суд читателей в книгах о проститутках — написанных, конечно, мужчинами.

Я использовала в работе разные источники: медицинские трактаты, труды санитарных врачей, работы моралистов, архивные документы (в основном

хранящиеся в Исторической библиотеке Парижа), юридические и административные документы, редкие свидетельства самих проституток (из частных коллекций и из библиотеки Арсенала), а также классическую литературу.

В мире проституции все покрыто тайной, там принято говорить лишь ложь или полуправду, поэтому было бы наивно рассчитывать на то, что удастся восстановить подлинную реальность повседневной жизни проституток. Она по определению вещь закрытая, так что реконструировать ее во всей полноте в принципе невозможно.

И все же эта книга выходит в серии «Повседневная жизнь». Меня воспитывали учителя, которые считали, что разнообразие источников и типов речи может лишь обогатить наше представление о прошлом, тем более о таком недалеком прошлом, и поэтому я решила работать с текстами, написанными с самыми разными интенциями и в самом разном стиле. И поэтому я старалась везде, где только возможно, пользоваться литературными источниками, поскольку именно ими питается наше воображение и поскольку именно они сформировали у нас представление об этой таинственной профессии. Кто в годы отрочества не замирал в изумлении, читая роман Золя о девушке по имени Нана? Золя рассказывает, как всякий романист, историю, выдуманную им из головы, но как же реальна эта девушка с ее горячим дыханием, ее духами, ее белой кожей, ее податливым телом! Кого не соблазнила нежная, спокойная, придающая уверенности в себе атмосфера борделя Телье? Нагретое теплом тел логово, где с приходом ночи собираются провинциальные мужики, страдающие от бессонницы, это заведение, с его запахом воска и пирогов с яблоками, стало, благодаря Мопассану, образцом французского борделя.

Тем не менее нельзя забывать, что эти книги сочиняли писатели-романисты, хотя бы они и утверждали, что, приступая к этим своим произведениям, к

столь злободневной и одновременно столь неприличной теме, как проституция, они откладывали в сторону свое воображение и старались создать образ того, что существовало в действительности. Однако вспомним и то, что многие из них — и братья Гонкуры, и Жан Лорен, и Франсис Карко, и Пьер Макорлан, и другие — разбирались в борделях, как никто и действительно знали всю подноготную жизни куртизанок.

В процессе работы с этими трудами о проституции приходится сталкиваться с таким разнообразием мнений, что голова идет кругом, и даже самое чтение источников вызывает самые различные эмоции. Как, в самом деле, не возмущаться холодным и сдержанным тоном, в каком пишут полицейские рапорты, притом что речь в них идет об изнасилованиях, которым регулярно подвергаются в борделях молодые проститутки? Как не взволноваться, читая эротические признания одной девушки (с огромным трудом обнаруженные мной на дне одной архивной коробки), где она описывает свои первые «профессиональные» шаги?

Итак, не стоит искать непредвзятости и объективности в этом моем труде — гетерогенность его источников слишком велика. Я работала, как работают следователи, и могу сказать, что чем дальше я продвигалась в своем расследовании, тем более ускользала от меня истина. Ведь история — это переписывание и освещение темных углов, и здесь историк был вынужден превратиться в рассказчика. Вернее, в рассказчицу, так как не следует упускать из виду, что я — женщина, и это обстоятельство не могло не сказаться на том, какой результат был мной достигнут, ведь я писала не просто историю, но историю женщин. Как говорит Арлетт Фарж, «первая иллюзия, от которой нужно избавиться, — это мысль, что можно достичь истины; исторический дискурс устроен так, что не во всех своих точках он совпадает с дискурсом истины». Это верно и в случае той истории, что рассказываю я. Все истории о проституции сами, как их героини и героини,

пылают страстями, горят в огне плотских желаний, пытаются угнаться за миражами. Даже если прочесть всю эту массу рассказов, тайны все равно не откроешь, и загадка любви и желания все равно останется загадкой, ибо никому не дано ее разгадать.

Итак, за образом проституции как социального явления, о котором за прошедшие века высказались многие видные общественные деятели, я попыталась найти самих проституток — женщин, которые в конечном счете ничем не отличаются от нас.

И в этом поиске реальность и иллюзия оказались переплетены самым тесным образом. Иначе, конечно, и быть не могло.

ЛЮБОВЬ ПОД БАЛДАХИНОМ

Муслин, шелк, атлас, бархат. Обилие дорогих тканей создает опьяняющую атмосферу чувственности и роскоши. В центре комнаты императорским тронном возвышается величественная кровать из черного дерева, инкрустированная перламутром, с позолоченными резными ножками. Она — источник счастья, страданий и богатства, она стоит там, как орудие, готовое к бою. Сама комната — не более чем декорация, а кровать — сцена. Искусно укрытая за занавесями, украшенная амурчиками и целующимися голубками, застланная надушенными простынями и одеялами, она воплощает в себе все — подмостки, трон, алтарь и орудие труда женщины.

Все, что происходит в жизни женщины на содержании, начинается и заканчивается в постели. Она ложится спать поздно, едва ли не ежедневные занятия любовью для нее обязательны, пробуждение — горько. В квартире, где располагается описанная комната, все служит созданию у клиента впечатления, что он оказался в самом центре мира роскоши, роскоши порой кричащей: коврами служат шкуры медведей, все зеркала в золоченых рамах, ручки дверей медные, в подсвечниках стоят свечи, источающие аромат роз. Отовсюду нежно пахнет духами. Кресла удобные, множество диванов, широких кана-

пе, по стенам висят картины, изображающие купание Дианы, бои амазонок или другие подобные сцены. В доме царят величие, праздность, ласка.

Здесь расслабляются тела, звучит смех, соединяются губы. Здесь живет шикарная женщина, женщина, входящая в лучшие дома, женщина, выходящая не на панель, но в свет, женщина на содержании, дама сердца, императрица постели, идол храма любви. Она — на самой вершине иерархии содержанок, подробности ее жизни так интересуют моралистов, ведь она оказывает самое тлетворное влияние на общество, она завоевывает сердца банкиров и деловых людей, она возмущает буржуазию откровенностью своих нарядов и чувственностью поз.

Таких женщин зовут порочными, и в этой порочности заключена их сила: они познали науку любви и искусство тратить деньги миллионами. Они пользуются своим телом, своей красотой, своей молодостью, своими навыками как капиталом. Самое опасное их оружие — презрение, которым они оделяют своих любовников-клиентов, скрытое, но глубокое. Ведь для того, чтобы обладать ими, недостаточно просто заплатить. Впрочем, в первую очередь действительно нужно заплатить — купить женщине особняк, оплатить ее туалеты, ее выезды, ее приемы. Она растратит все деньги любовника, пожрет его, как Сцилла, разорит, затем бросит, затем найдет себе нового, и все начнется сначала.

В этой многочисленной армии куртизанок подвизаются очень разные женщины; впервые эта армия вышла «на поля сражений» после Июльской революции в конце тридцатых годов XIX века. В последующие годы мощь ее батальонов только увеличивалась, и звездный час ее настал во времена Второй империи. Он продолжался примерно с 1850 по 1860 год. Карьера каждой отдельной куртизанки всегда была блестящей, но кончали они чаще всего плохо. Этих женщин следует относить к категории «непокорных», то есть незарегистрированных в полиции — в большинстве своем они никогда не подавали префектам заявлений о своем роде занятий, а сами пре-

фекты смотрели на их деятельность сквозь пальцы. Они жили и работали в своих квартирах или особняках; впрочем, они не стеснялись, в случае необходимости, выходить в поисках клиента на панель.

Легкость, с которой они могли изменить свой социальный статус и положение в свете, не переставала удивлять окружающих. «Куртизанка — это все сразу: и скучающая от жизни кастелянша, и полубуржуазная дама, и презренная комедиантка, и бойкая деревенская девушка... Она вечная неразрешимая загадка, она волнует мужчину, она занимает его», — пишет Пьер де Лано. Вопрос, однако, касается на самом деле именно статуса: как отличить достойную женщину от продажной? Обе заимствуют друг у друга те черты, которые им нравятся, в результате чего получается пестрая смесь, в которой не разобраться. Великие кокетки, чье время пришло в пятидесятые годы XIX века, умели взять у буржуазии все, что необходимо, и превзойти ее; подлинные же женщины света не могли устоять перед очарованием этих первых, которых они встречали в Булонском лесу и на скачках, и перенимали у них моду. Тем самым люди оказывались в крайне затруднительном положении — как им понять, с кем они имеют дело, не с продажной ли девкой?

Вот запись из дневника братьев Гонкуров: «Кабург, 25 августа 1853 года. На морском купании девушку не отличить от приличной женщины, они все на одно лицо. Те же туалеты, та же манера держаться, те же дети, с которыми они прогуливаются и которых, как кажется, любят». Свидетельства братьев Гонкуров очень важны для истории, так как они были знамениты своей страстью к содержанкам и порочным женщинам, но в то же время осознавали, какого труда стоит отличить их от обычных женщин. А Александра Дюма-сына, прославившегося своей незабываемой «Дамой с камелиями», следует почитать особенным знатоком жизни и нравов этих дам. В комедии под названием «Полусвет», премьеры которой прошла с аншлагом в Париже 20 марта 1855 года в театре «Жимназ», он искусно сравнил курти-

занку с персиком! «Одни больше размером, чем другие, одни более плотные, чем другие. Из двух персиков одинакового размера дороже тот, который плотнее. Продавец выбирает наугад персик, и нежно берет его двумя пальцами, осматривает его, и показывает вам — вот, на плоде есть малюсенькое черное пятно, поэтому этот персик дешевле других. Так и здесь, мой друг — мы находимся в обществе персиков за 15 су. У всех присутствующих здесь женщин есть в их прошлом черное пятно, замаравшее их имя; вот они и жмутся друг к другу в надежде, что в этом случае их черные пятна останутся незамеченными; и хотя бы у них было то же происхождение, та же походка, те же предрассудки, что и у дам света, они все равно оказываются отделены от них и составляют вместе то, что мы зовем полусветом, который не является ни аристократией, ни буржуазией и который блуждающим островом плавает по парижскому океану и вбирает в себя всех, кто бежит с этих двух континентов, а заодно подбирает и случайных жертв иных кораблекрушений...

На этом острове куртизанок живут и деклассированные элементы, и лица без класса, и парвеню. Лица без класса, появляющиеся в начале семидесятых годов XIX века — это вдовы или брошенные мужьями жены. Они не любят слишком шикарные туалеты, они не мечтают о миллионных состояниях, они не представляют собой очаги страсти и обычно не привлекают к себе излишнего внимания общественности. Среди них следует числить и экзотических женщин, любимиц некоторых господ, посетителей известных салонов в иностранных колониях и известных семейных пансионатов, расположенных в окрестностях Елисейских Полей. Деклассированные элементы — это женщины разведенные или расставшиеся со своими мужьями в результате громких скандалов*, это гувернантки, которые сумели привлечь к себе

* Разумеется, они появляются лишь после принятия во Франции закона о разводах (27 июля 1884 года).

внимание господ, выгуливая в парках детей, это симпатичные девушки из провинции, которые отчаялись найти себе мужа на родине и отправились в Париж без гроша за душой. Парвеню же были частью армии куртизанок всегда. С самого начала Июльской монархии они пытали в Париже свою удачу. Они вели свое происхождение с театральных подмостков, из кабаре, из танцевальных залов, из мастерских художников. Все они беспечны, милы, обожают ночь, танцы, новые знакомства. Женщина, завоевавшая себе положение в свете или полусвете, «королева порока», живет день за днем, она привлекает к себе внимание своей необычностью и не знает, что с ней будет завтра. Она живет за счет роскоши Второй империи. Ее родная сестра, содержанка, из кожи вон лезет во всем походить на женщину элегантную, но совершенно безупречную. Когда она постареет, ее станут звать «расстегнувшейся»; если она слишком часто падает жертвой чар влюбленных мерзавцев, которые, прежде чем ее бросить, обирают ее до нитки, ее зовут «водяной девой»; наконец, если раньше она была дамой света, а ныне превратилась в профессиональную «жрицу любви», ее зовут «полушлюхой». Если ее вкладчину содержат несколько человек из высшего света, ее называют «осьминожкой» или «кооперативной женщиной».

Иногда (по правде сказать, довольно редко) роли меняются и дамы из буржуазии начинают играть в «великих кокоток». Такая дама встречается со своими клиентами в отдельных кабинетах в ресторанах. По словам Флеви Дюрвиля (специалиста, как и Паран-Дюшатле, по различному сору, который французы не желали выносить из избы, особенно по некоторым парижским непристойностям, в частности проституткам), такие буржуазные дамы были раскрепощены настолько, что заставляли своих мужей ждать за столиком, пока они «отработают» за занавеской. В 1874 году он писал: «Пока глава семьи ковыряет в зубах в главном зале, его мадам развлека-

ется со своим Адонисом в отдельном кабинете того же ресторана». Горон, бывший начальник полиции и службы государственной безопасности, рассказывает, что в 1899 году произошла любопытная история с одной дамой высшего света, женой известного политика: встретив одного симпатичного юношу в магазине, она отправилась с ним в некие меблированные комнаты, где их и задержала полиция, проводившая облаву. Она провела ночь в полицейском участке и подверглась допросу, на котором рассказала Горону, что она в тот момент «была не в себе», так как незадолго до того узнала о порочной связи своего мужа с экономкой, который, во-первых, отказался уволить экономку, а во-вторых, дал своей супруге пощечину на глазах этой же экономки, к несказанной радости последней.

Мечь себе же самому, желание быть униженным, само глубинное противоречие, заключенное в союзе души и тела, — вот исток той непреодолимой силы, которая каждый вечер ведет Северину в дом свиданий, где она превращается в Дневную Красавицу. Книга Жозефа Кесселя об этой женщине, родом из уважаемой буржуазной семьи, вышла в 1928 году и спровоцировала скандал. Северина замужем за человеком по имени Пьер и любит его; однажды ее подруга рассказывает ей о доме свиданий, который посещают — и работают, и получают за это деньги! — молодые женщины, похожие на нее. Эти женщины любят рисковать, в них живет неудовлетворенная страсть — и поэтому они посещают этот дом. И Северина, как наркоман, переживающий синдром отнятия, как проигравшийся игрок, не может устоять перед ужасным требованием своих чувств. Эмансипация тела и интенсивность удовольствия одновременно поработают ее и дают ей очищение. «Тело мадам Анаис, прекрасные груди Шарлотты, сам дом, как бы пропитанный запахом унижения, но унижения легкого, запах, который, как ей показалось, источали однажды вечером его волосы, все это возбудило в Северине воспоминания о ее телесном опыте, возбудило с необыкновенной силой. Сначала она

не находила себе места от отвращения, потом смирилась, потом приняла свою новую жизнь со страстью. Присутствие Пьера и страстная любовь, которую она испытывала к нему, удерживали ее в течение нескольких дней. Но то, что было написано Северине на роду, должно было свершиться».

Но невозможно возбуждать желания мужчин безнаказанно. Северина теперь испытывает удовольствие только с клиентами и не может больше любить своего мужа. У настоящих куртизанок, впрочем, все наоборот: она отдается своим клиентам-любовникам без того, чтобы позволить страсти увлечь себя слишком далеко, она хранит свои порывы для своего возлюбленного и изредка приглашает к себе на одну ночь какого-нибудь незнакомого юношу. «Почему я впервые обращаюсь именно к вам, желая именно с вами разделить радость желания, которую я испытываю? Потому что я поняла — вы любите меня, а не себя, в то время как другие совершенно не любят меня, а любят только себя!» — восклицает Маргарита Готье, героиня «Дамы с камелиями», в свою первую ночь любви. Александр Дюма-сын воспеваеt невинность, красоту и, можно сказать, девственную чистоту парижской куртизанки сороковых годов XIX века. Вынужденная жить своими женскими прелестями, соблазнительница, развратница, но при этом женщина искренняя и далекая от вульгарности, Маргарита умирает в расцвете своей молодости, вся в долгах, познав подлинную любовь с человеком, который больше любил ее душу, чем тело... «Многим это может показаться странным, — писал Дюма в предисловии к роману, — но я испытываю необыкновенную нежность по отношению к куртизанкам, настолько необыкновенную, что я даже не берусь о ней говорить».

Дамы света отдаются мужчинам, «порочные женщины» — тоже. Последние получают за свои «труды» плату, первые — падают жертвой своих слабос-

тей. Разница часто заключается в том, насколько кокетливо обставлено «падение». «Иногда она отдается потому, что этого хочет ее сердце, иногда ради ужина, иногда ради поездки в Булонский лес, иногда ради подарка. Она никогда не выходит искать клиента на панель — достаточно взгляда из-за занавеси в карете, изящного поворота головы, у каждой женщины свой знак, но опытные глаза умеют его распознать».

Они ведут свое происхождение из семей рабочих или ремесленников, но порой также из семей небогатых буржуа. Вовсе не все они родились в трущобах; действительно, про некоторых можно сказать, что они вышли из грязи и что от них пахнет отбросами, но отнюдь не про всех. Возьмем, к примеру, подруг девушки по имени Нана: Люси — дочь смазчика, работающего на Северном вокзале, Каролина — дочь одного из слуг при борделе, Симона — дочь торговца мебелью из района Сент-Антуан, она даже получила образование в пансионе и должна была стать учительницей. Кларисса была экономкой в Сент-Обене, пока ее не соблазнил муж ее хозяйки. Марта из одноименного романа Гюисманса — дочь художника Себастьяна Ландуза и Флоранс Эрбье, работницы на фабрике бижутерии. Ее дядя с материнской стороны, которому была поручена забота о девочке после смерти родителей, — скрипичный мастер; сама же она до своего «падения» работала в ювелирной мастерской. Книга о Марте вышла в 1876 году, за год до «Девки Элизы» Эдмона де Гонкура; тут же раздались возмущенные голоса иных идеалистов — они не хотели ничего знать о жизни этих женщин, которые, как и Марта, вынуждены были зарабатывать на хлеб своим телом, падая все ниже и ниже.

Проститутки ведут свой род также и из так называемой «народной буржуазии» (по выражению Аделины Домар). Такие женщины начинают карьеру танцовщицы, музыкантши или певицы, затем, не

имея возможности полностью обеспечить себя, начинают предлагать желающим свои прелести, прежде всего тем, кто за ними ухаживает. Эти дамы стараются представить все в таком свете, что они сами выбирают своих любовников и что их взаимные отношения основаны на равенстве и свободе.

В 1864 году, согласно отчету парижской полиции, в городе насчитывалось 185 тысяч «жриц любви», предлагавших свои услуги представителям всех слоев общества. Бланш д'Антиньи, одна из самых знаменитых и самых скандальных куртизанок Второй империи, была дочерью Жана д'Антиньи, столера из Эндра*. Вольтесс де ла Бинь, настоящее имя Луиза Делабинь, была дочерью белошвейки и не имела, вопреки своим утверждениям, никаких связей с древним аристократическим родом, основатели которого жили в XIV веке! Все они «попали в оборот» благодаря усилиям продавцов одежды, сутенеров, мамаш, не слишком озабоченных честью дочерей, своден из высшего света, театралов — посетителей бульварных театров.

Во времена Июльской монархии торговля туалетами переживала расцвет: торговцы разыскивали по соседству симпатичных девушек и предлагали им туалеты напрокат. Их-то они затем и предлагали своим клиентам, уже без туалетов, в своих магазинчиках, где «из-под шалей можно было слышать туберкулезный кашель и понять, что одетая в позолоченное платье дама доживает свои последние дни». Именно так белошвейка Ази, похожая на стервятника с клювом, перепачканным кровью, продает Эстер старому развратнику Нюсингену. Ты мне — я тебе. Девушка свежая, стоила очень дорого, она из первых рук, она молода — ей всего двадцать два, она нежна, она всегда выполняет то, что ей говорят. Торговля протекает с трудом. Ази очень хочет получить за Эстер побольше, а Нюсинген говорит, что девушка стоит слишком дорого. Ази знает свое дело и не торопится, ждет. Она побеждает. «Фамиль-

* Департамент и река в центральной Франции. — *Прим. пер.*

ярность самого бесстыдного свойства — вот первый налог, который такого рода женщины взимают с тех, кто доверяется им, рассказывая о своих несчастьях или о своих безумных страстях; они никогда не поднимаются до уровня клиента, они со спокойным видом усаживают его рядом с собой на куче грязного белья». Так пишет Бальзак в книге «Блеск и нищета куртизанок», одном из самых знаменитых полотен, живописующих «человеческую комедию», как ее назвал Пьер Барберис. В этой книге Эстер, случайно ставшая «женщиной из меблированных комнат», сгорает в огне своей красоты, своей искренности, своего ума, своей чувственности. Ее прозвали «Торпеда», она, уже в книге «Как любят женщины», умеет соединить в себе качества проститутки и куртизанки и всегда разбудить в мужчине грязное животное, которое к тому же обожает валяться в своей грязи.

Куртизанки в большинстве своем — бывшие актрисы, как, например, Маргарита Белланже, актриса и кокетка. Молодые несовершеннолетние актрисы после окончания представления переживают самую настоящую атаку — толпы женщин желают их купить. Их собственные матери имеют у полиции аналогичную репутацию — они ничтоже сумняшеся продают собственных дочерей тому, кто больше заплатит, и не стесняются порой предлагать их клиентам еще до достижения ими половой зрелости. Театр, кажется, по самой своей природе предполагает возможность найти там куртизанок: они появляются там обнаженными или полуодетыми, они приводят в театр своих любовников. Изящное освещение, впечатление, что находишься в другом мире, страсть, которая исходит от публики, — все это превращает театр в территорию, наиболее благоприятную для «жриц любви» и наиболее ими освоенную. Максим дю Кан, этот проповедник ненависти к проституткам, не ошибался, когда писал в 1864 году: «В театре шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на проститутку, они не только в ложах, но и на подмостках; они платят, чтобы попасть туда и тем самым представить себя как товар в витри-

не, доступный тому, кто больше заплатит, как на аукционе; они носят вызывающие наряды, которые позволяют себе лишь те, кто ничего не боится; они заставляют кассиров отдавать им свою выручку; они выезжают в свет в роскошных каретах... они носят в ушах серьги со знаменитыми на весь мир бриллиантами, и если бы кто-нибудь из этих дам спросил меня, какой ей девиз начертать над дверью своего особняка, я бы предложил такой: «Как и на лестнице добродетели, на лестнице порока много ступеней»».

Постепенно роль продавцов туалетов как основных торговцев проститутками снижается, их место занимают другие посредники, такие, как торговцы газетами, хозяева лавок, белошвейки, модистки, швеи, перчаточники, торговцы духами, консьержки, повивальные бабки. Во времена Второй империи появляется и еще одна категория: сводни для высшего света. Такие обычно выдают себя за какую-нибудь графиню или баронессу и набирают свой «товар» в салонах. Достигнув известного возраста, такая женщина ведет себя как почтенная вдова и тем внушает к себе уважение. Служа связующим звеном между желанием и его удовлетворением, сводня не стесняется специализироваться на адюльтере и предоставлять собственный дом в качестве места свиданий. Обычно у нее есть роскошный особняк или квартира; список клиентов она ведет в большой записной книжке, в которую вклеивает и портреты. «Там, в этой книге стыда, которая напоминает программу скачек, на одной странице с именами певичек и безумных гетер можно прочесть имена молодых замужних женщин и еще юных девушек; они вечерами вполне готовы составить счастье какому-нибудь старому развратнику и за это, приняв самые строгие меры предосторожности, получить ссуду на новый туалет, а возможно... и на новую мебель».

Такова, например, г-жа Трикон из книги Эмиля Золя «Нана»; она властвует над небольшим сералем и собирает заказы, нанося визиты потенциальным

клиентам. Ее записная книжка всегда у нее с собой. Все делается быстро, надежно, аккуратно. Ее манера — сразу переходить к делу:

«У меня есть для вас кое-кто на сегодня... Вас это интересует?»

— Да. Сколько?

— Двадцать луидоров.

— Во сколько?

— В три часа.

— По рукам?

— По рукам».

Когда г-жа Трикон не занята делами своего сераля, она выезжает в свет и развлекается. Ведь она светская дама. Она появляется на скачках на Гран-при Парижа на ипподроме в Булонском лесу в фиакре, сидя на одной скамье с кучером. «Там, гордо выпятив грудь, с видом влиятельной заграничной особы, она возвышается над толпой, кажется, она в самом деле королева всех присутствующих на скачках женщин. Все ей улыбаются — украдкой. Она же, с возвышенным видом, притворяется, будто не замечает их. Ведь она приехала сюда не работать, она приехала смотреть на скачки потому, что обожает лошадей, здесь она развлекается».

Клиенты

«Но все-таки, что у них есть такого?» — требует ответа беспокоящаяся буржуазия, не преминувшая отметить, что Булонский лес, а вместе с ним и скачки и даже театры с некоторых времен стали вотчиной куртизанок. «Что у них есть такого, чего нет у нас?» — спрашивают дамы-буржуа. Мужчины им отвечают: «О, у них есть много такого, о чем вы и мечтать не можете». Они обладают изысканным, прекрасным телом, утонченным искусством вести беседу, волнующим взглядом, умением с интересом потратить деньги, игриво смеяться, все делать непринужденно. Именно с ними мужчины желают проводить ночи. И не только для того, чтобы заниматься любовью, но и для того, чтобы испытывать ни с чем не сравнимую

радость на этих веселых пирах, в этих разнузданных беседах, чтобы купаться в этой уникальной атмосфере, где все пахнет счастьем, безумием, вседозволенностью. И конечно, самые роскошные люди Европы не могут ошибаться: принц Оранский после оперы обедает в обществе Жемчужной Коры*, а Леонида Леблан приглашает за свой стол Арсена Усея**, Сент-Бева***, Грамон-Кадрусса**** и Рокплана*****. По словам барона Гудремарка, эти дамы довели свои познания в любви до уровня подлинного искусства, религиозного культа, если хотите. Все, кто когда-либо знал их, вспоминают о них с трепетом. Они — последнее слово в роскоши. Они выходят в свет, держа в манжете книжечку, в которой у них уже записаны имя следующего любовника, дата и время свидания. Но они так любят любовь, что могут время от времени отдаваться какому-нибудь первому встречному юноше, для того лишь, чтобы получить удовольствие. Александр Дюма-сын называл таких куртизанок капризными. Куртизанки предстают перед своими почитателями как бы жрицами храма Венеры, созданными для удовольствий — не для удовольствий низких или вульгарных, а для удовольствий высоких, для любовников, не нашедших в себе сил противостоять стихии страсти. Они — блестящие звезды, огненные женщины, виртуозы плоти, они, благодаря своему обаянию и искусству, обладают тем самым, что один специалист назвал «подлинной властью юбки».

Они воплощают мощь своего пола и живут этой мощью, приносящей им радость, делающей их больше, чем они есть. В их поведении все загадоч-

* Известная французская куртизанка (фр. *Cora Pearl*). — *Прим. пер.*

** *Арсен Усей* (1815—1896), французский критик и историк искусства, из круга Готье и Бодлера. Директор театра «Комеди Франсез» в 1849—1856 гг. — *Прим. пер.*

*** *Шарль-Огюстен Сент-Бев* (1804—1869), французский литературный критик. — *Прим. пер.*

**** *Грамон-Кадрусс*, старинный французский аристократический род. — *Прим. пер.*

***** *Камиль Рокплан* (1803—1855), французский художник. — *Прим. пер.*

но, именно это и привлекает мужчин. Они ведут себя так, как будто их нужно соблазнить, в то время как на самом деле их покупают, они заставляют платить за свои услуги, оставаясь независимыми от того, кто платит, и даже самое огромное состояние неспособно удовлетворить их запросы. Деньги не задерживаются в их руках. Деньгами их нельзя привязать к себе, деньги не способны их удовлетворить, у них никогда нет достаточно денег. Они всегда готовы восстать против человека, от которого зависят в финансовом смысле, и поэтому их никогда нельзя «поймать за хвост». Клиенты Эстер Торпеды хорошо это знали. В 1824 году, на бале в Опера, один из них говорил своим «товарищам»: «Вы же все так или иначе были ее любовниками, но никто из вас не может сказать, что она была целиком вашей; она всегда могла вами обладать, вы же ей — никогда».

Куртизанка дает своему любовнику дар неожиданности, дар беспокойства, выводит его из равновесия. Она живет под властью своих инстинктов, она может отдаться кому хочет и когда хочет. Маргарита Готье так предупреждает своего возлюбленного, наивного и робкого, влюбленного в нее: «Уже давно я ищу молодого любовника, безвольного, который бы любил меня искренне, верил бы мне и был бы любим, не имея никаких прав. Тщетно ищу я такого человека. Мужчины, вместо того чтобы довольствоваться полученным в течение долгого времени (а должны были лишь раз в жизни, и то это было бы для них большой удачей), требуют от своей любовницы отчета о ее прошлом, настоящем и даже будущем. По мере того как они привыкают к ней, они желают повелевать ею, они становятся тем более требовательными, чем искуснее ты удовлетворяешь их желания. Если ныне я желаю завести нового любовника, то я хочу, чтобы он обладал тремя редчайшими качествами — был бы скромн, покорен мне и был к тому же человеком, кому я могла бы доверять» (А. Дюма-сын «Дама с камелиями»). Нана тоже коллекци-

онирует любовников. У нее комоды ломятся от денег, а постель — от мужчин, с утра до вечера. Она отдается банкирам, графам, юношам, друзьям и родственникам своих любовников; но, несмотря на то, что она готова отдаться всякому, ее тело принадлежит ей одной. Во всяком безумстве, во всякой сумасшедшей трате она хранит свой душевный покой и никогда не позволяет себе потерять контроль над собой. Кроме того, от этой бесконечной череды мужчин, ночей, половых органов, поцелуев ее одолевает ужасная скука. Поэтому она всегда отводит в своем расписании время, когда она может остаться наедине с собой и перестать думать о повседневной жизни.

Жизнь же эта у куртизанки расписана довольно жестко, в ней все регулярно повторяется, она полна обязательств и целиком посвящена усилению того впечатления, которое куртизанка производит на окружающих. Обычно она встает в одиннадцать часов утра, завтракает, принимает ванну, принимает долго, очень долго. Она заботится о нежности и белизне своей кожи, для этого у нее под рукой молочко, кремы, духи. Между ванной комнатой и спальней есть дверь, она всегда открыта, благодаря чему в последнюю постоянно проникают соблазнительные ароматы. У куртизанки есть туалетный столик, он весь заставлен хрустальными флаконами с редкими запахами. После ванны она принимает парикмахера, мило болтает с ним о разных пустяках. Их общение прерывает служанка, она одевает свою хозяйку, это дело долгое и сложное. Шляпа с перьями, атласная накидка, туфли на каблучке, обнажающие изгиб ступни, красные губы, покрашенные черной тушью ресницы, облако из пудры, декольте — в таком виде она может отправляться в Булонский лес или на Елисейские Поля, а затем поехать в вернисаж или на премьеру в театр на бульвары, где будет плести свои интриги и раздавать приглашения на ужин.

Тем временем экономка все подготовила в хозяйском особняке. Экономка есть у каждой куртизанки, она женщина неприметная, но именно она следит за тем, чтобы в доме все было начищено до блеска и содержалось в порядке, она же служит хозяйке советницей и конфиденткой. Обычно она некрасива и уже немолода. Она носит одежду с хозяйского плеча и не привлекает к себе внимания. Гости всегда ей доверяют — и совершают глубокую ошибку. Если за неделю хозяйка не заработала достаточно денег, экономка подбадривает ее и дает советы. Когда экономка подает ужин, она внимательно рассматривает гостей, подогревает постель и не забывает прийти побеспокоить хозяйку, если ее гость задержался в спальне слишком долго, в то время как другой, побогаче, ждет своей очереди в салоне. Экономка — одновременно мать, сестра, подруга; она же паразит, рабыня и тиран. Куртизанка платит ей редко, чаще дает ей взаймы; тем самым экономка оказывается привязана к госпоже и вынуждена, помимо прочего, выбивать из поставщиков дома разного рода подарки. Исключительно яркими примерами могут служить Эжени, экономка Эстер Торпеды, и Зоя, экономка Наны. В момент катастрофы, когда падение уже неизбежно, экономка бросает хозяйку и сама становится сводней или бандершей. Так, Зоя, к ужасу Наны, в нужный момент подстраивает свой отъезд и становится управляющей борделя г-жи Трикон. На предложение поступить на службу к другой «великой кокотке» она отвечает: «Видите ли, я уже очень много времени провела у других, теперь я хочу, чтобы другие проводили время у меня». У нее трясутся губы от ярости — наконец-то к ней будут обращаться «мадам» и за несколько луидоров к ее ногам приползут все эти женщины, за которыми она пятнадцать лет выносила ночные горшки.

Несмотря на то что у куртизанок всегда есть многочисленное окружение, по жизни они идут в полном одиночестве и хорошо сознают свое состояние. Все женщины, которые за ними ухаживают, делают это ради денег или любопытства. Дама с камелиями

не имеет никаких иллюзий насчет своей подружки Прюданс: «Да, у нас есть подруги, но все они вроде Прюданс, они все сами бывшие содержанки, у них все те же потребности тратить массу денег, но возраст больше не позволяет им иметь столько денег. И вот они набиваются нам в подружки или, лучше сказать, попутчицы. Их дружеских порывов хватает лишь на то, чтобы служить нам, они не знают, что такое бескорыстие. Все их советы касаются только денег. Им неважно, что мне нужно завести десять лишних любовников, только бы они могли заполучить новый туалет или украшение, только бы они могли время от времени выезжать в моей карете и пользоваться моей ложей в театре. Они вплетают в свои волосы мои вчерашние букеты и берут у меня напрокат накидки. Они никогда не окажут мне услугу, хотя бы малейшую, если не будут уверены, что получат взамен вдвойне».

Однако куртизанки редко выражают свое неприятие этой смеси кротости и корысти, выдаваемой за дружбу. Их жизнь — вечное движение. Им нужны другие люди, им нужно быть в обществе, им нельзя быть одним, им нужно, чтобы их приглашали, им нужно самим приглашать к себе гостей. Поэтому-то так важен ужин, который завершает каждый прием. Часто он начинается поздно, после окончания театрального представления. Бланш д'Антиньи принимала гостей лишь после того, как завершалась оперетта Оффенбаха «Замок Тото», где у нее была роль. Главный вестибюль ее особняка в районе площади Звезды украшен гобеленами, вдоль стен стоят две шеренги лакеев и принимают гостей. Гигантская обеденная зала украшена флорентийскими мозаиками. На столе стоят серебряные чаши, хрустальные бокалы для шампанского, канделябры о двадцати свечах. Комедиантки, актриски, люди высшего света — принц Наполеон был без ума от Бланш и подарил ей ключи от Пале-Рояля — и просто проститутки пожирали фуа-гра, паштет из павлина и шо-фруа из ржанок, запивая все это Шато д'Икем. Затем подавали овсянку в шампанском на

пюре из трюфелей, кур и салаты, затем конфеты и печенье. Рассказывают, что как-то раз мажордом поставил на обеденный стол золотой ночной горшок, полный пунша — подарок от одного из почитателей Бланш, — и что она в ответ отпила из сосуда и предложила сделать то же самое гостям, которые последовали ее примеру, сначала стесняясь, затем набросившись на содержимое горшка всей толпой. Жемчужная Кора, главная соперница Бланш, однажды покинула залу под предлогом того, что принесет гостям филе куропатки по-пантьеврски, а затем ее, абсолютно обнаженную, на серебряном блюде, усыпанном пармскими фиалками, внесли в залу четверо слуг. Нана, чтобы отметить свой новый роман, решает дать у себя прием. У нее нет еще ни слуг, ни средств. Поэтому она берет все займы у Бребана, чтобы с достоинством принять своих гостей — кокеток, людей света, театралов. Пюре из спаржи, консоме а-ля Делиньяк, сосиски из кроликов с трюфелями, ньюки из пармезана, рейнские карпы а-ля Шамбор, седло косули по-английски, куры по-маршальски, вина — Мерсо, Шамбертен, Леовиль. Несмотря на обилие и изысканность блюд, гости пьют, но совсем не едят. Они не для того собрались. Как рассудительно заметил один из гостей, «эти обеды! Если ты хочешь, чтобы на них было весело, в них должно быть что-то не так. Иначе, если все делать, как надо, получится, что мы едим так же, как и в свете, — как будто свет нам еще не надоел».

После окончания трапезы шампанское и усталость помогают мужчинам и женщинам поближе подойти друг к другу. Губы мужчин целуют корсажи женщин, соприкасаются тела, губы становятся влажными, глаза слезятся. В салоне кто-то садится за рояль, играют в карты. Ранним утром собравшиеся выпьют парного козьего молока, только что надоенного в Булонском лесу. Церемониал всегда один и тот же. Меняются лишь меню и скорость обслуживания мужчин — в зависимости от популярности куртизанки. Так, у Титины из романа Гюисманса «Марта» гости мужского пола начинают вести скаб-

резные беседы еще до того, как садятся за стол. Когда в салоне подают кофе, они начинают приставать к сотрапезницам, на которых положили глаз. Вечера порой длятся долго, на них царит скука, заинтересованные лица, вынужденные подчиняться ритуалу, теряют терпение. Марта, по прошествии нескольких дней, не может переносить присутствие в салоне друзей своего возлюбленного, их дурацкие разговоры, вульгарность их поведения. На рассвете ей горько, она устала, она почти ничего не чувствует, разве только отвращение: «Она не проронила ни слова в ожидании этой банальной любезности, этого дружеского жеста, который каждый приличный, но отупевший от всего произошедшего человек делает для женщины, которую он, как ему кажется, завоевал, по крайней мере после первой ночи. Ей пришлось ждать долго. Наконец, докурив сигару и затушив ее ногой о ковер, он пробормотал, довольный: «Готов спорить, ты не догадываешься, что в этом портфеле? Нет? Как это смешно, женщины никогда не могут угадать. Ну ладно, расскажу. Там — ночная рубашка» И он с выражением безумной радости на лице в самом деле вынул на свет божий ночную рубашку из фуляра и сюрты, украшенную огненно-красными лентами».

Клиент может быть слишком вульгарен, слишком стар, слишком изнежен, слишком страстен, слишком влюблен, наконец. Отношения любовников-клиентов с куртизанками весьма непросты. Любовник хочет обладать женщиной и хочет показывать всем, что он ею обладает. Он может с легкостью вложить все свое состояние в таинственный просвет между нежными, белыми как снег бедрами своей возлюбленной, но он точно так же хочет, чтобы об этом факте было известно всем; поэтому он требует, чтобы любовница превосходила всех в роскоши своих туалетов, в изощренности приемов, он требует, чтобы она посещала скачки и салоны, чтобы ее присутствие бросалось в глаза каждому. Молодые, краси-

вые, элегантные любовники — редкость. Чаще они старые, уродливые, этакие фавны, привлеченные запахом юной плоти.

Куртизанки хорошо знают, как вести себя со стариками. Умело и сознательно используя свои хорошие манеры, они сами выбирают время, когда им отжаться. Игра тут неравная. Женщина знает, что ее любовник желает только одного — оказаться с ней в одной постели. «Нана улыбнулась своей роскошной улыбкой, сверкнули белые зубы. И снова Штайнер был весь ее, и несмотря на то, что он сидел к ней вплотную, он продолжил есть, хотя не испытывал голода, как замороженный, с его отвислой губой и лицом, покрытым оспинами. Ей нужно было только назвать сумму. Но она не торопилась, она играла с ним, шептала ему на ухо шуточки, веселилась, наблюдая, как его тело сотрясают судороги страсти».

Клиенты куртизанок — банкиры, деловые люди, аристократы, политики, промышленники. Самые интересные — старики, живущие со своими женами, потому что они возвращаются домой посреди ночи, и молодые люди младше тридцати, потому что они пылки и позволяют разорять себя с нескрываемым удовольствием. Все остальные — очень опасные личности. Иногда мужчина забывает о том, что между ним и женщиной лишь контрактные отношения, и влюбляется в нее по уши. В таком случае женщина продлевает пытку как можно дольше. Бальзаковская Эстер признается г-же де Вальнобль: «Я из него веревки выю, а он еще ничего и не получил от меня!» Она с удовольствием щелкнула своим изящным ногтем по своим блестящим зубам — известный жест, означающий «ничегошеньки»

— Держись за него.

— Дорогая, и ведь он пока всего-навсего заплатил за меня мои долги».

Нана вела себя точно так же по отношению к графу Мюсса. Она унизила его, доказав ему, что спит с другими мужчинами; она сообщила ему, что у его

жены есть любовник; она заставила его переспать со своей подругой по прозвищу Атлас; она оскорбляла его, издевалась над ним, заставляла изображать собаку — становиться на четвереньки и лаять; наконец, она заставила его отдать ей все его состояние, но он все равно приходил к ней. «Что больше всего досаждало девушке, так это то, что граф ни на шаг от нее не отставал... Иногда она в гнев забывала, кто есть кто, и клялась, что как-нибудь заставит его совершить такую мерзость, что он больше не сможет войти в ее дом. Но даже когда она кричала на него, топая ногами, и плевала ему в лицо, он не отступал и благодарил ее... Поэтому Нане оставалось только одно — заканчивать ссору своим обычным: “Черт с тобой! Но ты мне отвратителен!”

Любовник Марты — краснолицый толстощекий финансист, носящий шелковые кальсоны, — тоже ей отвратителен. Он занимается с ней любовью без нежности, без доброго слова, все, что он умеет — это платить. Платить, платить, платить. Да, все куртизанки требуют у любовников денег, но деньги им совершенно не нужны. Им нужны чувства, внимание, проявления любви. Когда отношения с любовником доходят до стадии «секс в обмен на деньги», они бросают его и топят свое недовольство, заводя сразу много других. «К ней пришла целая толпа молодых людей, каждый предлагал себя на ту же роль; она предпочла получить их всех, нежели терпеть кого-то одного, и так она начала заново свою былую жизнь, не чувствуя привязанности ни к кому из них, не испытывая ни к кому из них нежности; они выстраивались в очередь к ее постели, а она чувствовала себя свечой любви, которая догорела до конца» (Ж.-К. Гюисманс «Марта»).

Деньги

Куртизанки обретают любовь, настоящую безумную любовь в лице своих возлюбленных женского или мужского пола, и эта любовь часто оказывается для них фатальной. Многие заканчивают свои дни в

нищете, уничтоженные душевными ранами, разбитые болезнями — как будто бы их смерть должна быть для них искуплением. У куртизанок ничего нет, если не считать страсти тратить деньги. Да, в промежутке между блестящим началом «карьеры» и трагическим концом они — владелицы порой гигантских состояний, но состояния эти эфемерны. Буржуа накапливают и вкладывают состояния, куртизанки же — бездонный колодезь, куда деньги утекают безвозвратно. Мир куртизанок — это игра, постоянный риск, где проигрыши случаются ежедневно и означают для проигравшего конец. «За этим красочным занавесом, на котором вышиты блестящая молодость, красота, миллионные состояния, кружева, смех, пиры, любовь — за этим занавесом происходят трагедии, там готовят гибель для участниц представления, там царят интриги, скандалы, за ним скрываются разоренные деловые люди, обесчещенные семьи, судебные процессы, дети, отнятые у матерей, которых к тому же заставляют забыть о детях, чтобы впоследствии не уничтожить их доброе имя» (А. Дюма-сын «Полусвет»).

Тех счастливиц, которым удалось вырваться из безвестности и нищеты, можно пересчитать по пальцам. В семидесятые годы XIX века это удалось не более чем сорока куртизанкам, в то время как в Париже их тогда насчитывалось восемьдесят тысяч. У тех, кто не попал в эту группу избранных, нет за душой ни гроша, они голодают, они пытаются найти себе клиентов у театральных разъездов, выходят на панель или прибегают к услугам дам, которые сдают им внаем меблированные комнаты в «красных» кварталах вроде улицы Бреда. «В этой траченной временем девушке в запачканной одежде уже и не узнать недавнюю красавицу кокотку; от нее ничего не осталось в этой женщине, которая, стесняясь, переходит улицу в стоптанных башмаках, в волосы которой вплетен едва держащийся шиньон, руки которой стали красными от непривычной работы».

Чаще всего таких женщин быстро ловят хозяева подпольных публичных домов, откуда они уже

обычно не выходят. Более удачливые бросают протитутцию, возвращаются на родину и берутся за то дело, которым занимались до отъезда в Париж. Некоторым удается растянуть цепочку из взлетов и падений на длительное время; они живут в постоянном страхе перед полицией, часто пьют. Эти последние — самая желанная добыча для бандерш, которые используют их в качестве вербовщиц. Возьмем, к примеру, некую Джейн Б. Она получила «образование» в шестидесятых годах XIX века, затем обосновалась на улице Оффмон, завела салон, который посещали парижские гуляки и богатые иностранцы. Говорили, что Джейн собрала досье на многих влиятельных людей и политиков, поэтому ее боялись. Она разорилась в первый раз, доверившись одному проходимцу, который, пользуясь тем, что она любила его до беспамятства, сбежал со всеми ее деньгами. Долгое время о ней ничего не слышали, затем она снова появилась в Париже и поселилась на улице Мериме. Через некоторое время она снова влюбилась, и снова возлюбленный Джейн выбросил ее на улицу. После этого она некоторое время побиралась, спала на набережных, пока не устроилась зазывалой в какой-то жалкий бордель на улице Люн.

Куртизанка всегда могла изобрести свое прошлое заново. В десятых годах XX века Франсис Карко встречал на Монмартре странную женщину в старинной шляпе, с крашеными волосами, с напудренным лицом; она носила грязную бархатную юбку и мятую кружевную накидку. Она просила милостыню, которую затем пропивала; за ней следил официант из близлежащего ресторана — он укладывал ее спать в баре, когда она напивалась до полусмерти. «От кого-то ей достались обносок шиншиллового шарфа и несколько страусиных перьев, из них она изготовила себе нечто вроде индейского боевого головного убора, пришила его к шляпе, так что его конец падал ей на плечо. В этой шляпе она выглядела, как те нищенки, которые носят на себе все, что у них есть, и которые, от отчаяния и одновременно по глупости, ведут себя, как знаменитости, в резуль-

тате чего всякий, кто видит их, переживает самые тяжкие страдания».

Эту женщину звали Безделушка. Про нее говорили, что когда-то она была дамой света, что у нее были выезд, особняк, слуги. Свою жизнь она закончила певичкой в летних кафе и гадалкой на картах в некоем заведении на улице Дуэ. Жемчужная Кора была вынуждена покинуть свой особняк на улице Бассано и закончить свои дни в мансарде, брошенная всеми, кроме Эжени, старой кокотки, которая каждый вечер отправлялась стучаться в двери бывших любовников Кору, надеясь выпросить несколько су. Леониду Леблан выставили из особняка на бульваре Малезерб, она спряталась от мира в крошечной квартирке, уставленной ветхой мебелью, где и умерла от рака. Нана умерла от оспы в номере одного парижского отеля. Безобразная, невытая, она была просто грудой вонючей плоти, бесформенной массой, падалью, которой питается Зло. Что ж, Добродетель в самом деле могла торжествовать, общественная мораль была спасена, разврат наказан. Нана заплатила своей жизнью за порчу, от которой не пожелала избавиться. Всю свою жизнь она только и делала, что губила других, смешивала других с грязью, и вот она сама погибла, утонула в грязи, задохнулась в вони, которую сама же испускала. «Венера разлагалась. Казалось, что тот вирус, который она вынесла из сточных канав, этот яд, которым она травила всех, кто знал ее, вернулся к ней, поразил ее лицо и уничтожил ее». На улице — война, в доме — смерть. На улицах бунтует народ, в ее комнате тишина. Смерть приходит к куртизанке, как ко всякому живому существу, но не может уничтожить последствия греха, пороков и чувственных, половых и общественных извращений, которые умирающая принесла когда-то в мир. Она — плесень на обществе, и поэтому после ее смерти в воздухе остаются споры — споры свободы, которой она когда-то обладала; они разносятся после ее смерти, проникая в общество через все щелки, какие только могут найти в его броне.

Приемы

В семидесятые годы XIX века масштабы распространения феномена женщины-содержанки значительно уменьшились. Изменились нравы, капитализм изменил экономику. Состояния нуворишей были не менее значительны, чем состояния аристократов прошлых лет, но тем не менее они не были готовы дать обобрать себя как липку каким-то бабам, которые почему-то хотят вести все более и более роскошный образ жизни. А после поражения Франции в войне 1871 года куртизанки и вовсе перешли в другую социальную категорию. От них потребовали быть более скромными, менее взбалмошными и не претендовать более на ту роль, которую отвела себе буржуазия. Конечно, к ним все равно ходят и покупают у них удовольствия, но это делают, так сказать, частным порядком в специальных домах для приемов. Законодательницы вкуса и моды, «возмутительницы общественного спокойствия» стали просто очень образованными проститутками; отныне это были женщины, которые, как удачно выразились братья Гонкуры, «выросли в провинции и не смогли избавиться от впитанной с молоком матери психологии прислуги, так что они без тени неудобства обращаются к человеку, с которым проводят ночи, “уважаемый господин граф”» (Дневник, 5 декабря 1891 года). Куртизанок больше нет, они влились в огромную армию проституток. После очередного визита к ля Барруччи Жюль Гонкур с горечью делает в своем дневнике следующую запись (8 ноября 1863 года): «Вот несколько куртизанок высокого полета, которых мне довелось знать. Ни одна из них, с моей точки зрения, не выделяется из общего класса проституток. Они не могут вам дать ничего такого, чего вы не сможете теперь получить от женщины в борделе. Выезжают они в свет или не выезжают, они, мне кажется, хорошо это понимают. Я думаю, что куртизанок больше нет, что те, кто еще остается, просто публичные девки».

Верно, они публичные девки, но по большей части они все же не зарегистрированы в полиции, они стараются соответствовать современной моде в любви. Именно так куртизанки и превратились в «женщин для приемов». Они умны и культурны, у себя дома они лишь показывают себя, так сказать, рекламируют, они дают приемы и обеды. Они весьма популярны среди любителей особого рода собраний, где, выражаясь осторожно, «практикуется свобода от условностей общества», что привлекает мужчин, ищущих новых ощущений. Ночи в таких собраниях, как отмечают некоторые наблюдатели, могли длиться весьма долго, а обеды могли плавно переходить в оргии, где эти новоявленные Мессалины могли дать волю чувствам и устроить хорошенький дебош... Такие собрания чаще всего проводились в особняках на природе или на секретных квартирах, там обращались довольно серьезные суммы денег. Желание мужчин разжигает возможность свободного выбора среди дам, присутствующих на обеде, которые к тому же не лишены ни присутствия духа, ни культуры, ни обаяния...

В среде мелкой и средней буржуазии было принято развлекаться содержанием женщины-любовницы, если у человека не хватало денег на визиты в «дома приемов». Любовнице оплачивалась или аренда ее квартиры, или выходные платья, за это содержатель имел право регулярно посещать свою «подопечную», их отношения были устроены по обычной буржуазной модели. Эти содержанки обычно вели свой род из рабочих. Порой богатый буржуа содержал супружескую пару, при этом все трое бывали иногда весьма этим довольны! Если у любовника не было достаточно денег, он мог содержать свою любовницу в складчину с друзьями, которые были не прочь получить свою долю любви; это считалось нормальным и в Париже, и в провинции. Так, в Сомиюре в шестидесятых годах XIX века некая дама Р. жила на содержании полного штата офицеров местного конного полка. В Шоле в 1861 году проживала некая девушка, находившаяся, по ее собственно-

му признанию, на содержании сразу у нескольких любовников. Некая девушка из Ле Мана признавалась в 1893 году, что, поскольку ее постоянный любовник мог давать ей только двадцать франков в неделю, она добывала недостающие средства у случайных любовников. Еще у одной девушки было два любовника: один был жандарм — он платил ей тридцать франков в месяц, другой был парикмахер — он оплачивал аренду ее квартиры.

Среди более бескорыстных дам такого рода — гризетка, симпатичный и веселый персонаж фельетонов; однако нужно отметить, что ее существование — не целиком плод писательского воображения. Кажется, эту юную работницу можно опознать по ее радостному виду, по ярким лентам ее шляпки, по складкам ее шали. Она умудряется нравиться окружающим, практически не тратя денег, ведь их у нее немного. Она с готовностью позволяет крутить с собой любовь какому-нибудь молодому буржуа, роман с которым позволяет ей сводить концы с концами; однако она зачастую и немного влюблена в него. Такие «замаскированные» проститутки очень беспокоили разного рода моралистов, которые, с одной стороны, ничего не имели против влюбленных романтических девушек-работниц, но, с другой стороны, были весьма недовольны пагубными последствиями таких союзов. «Гризетка тревожит душу, подвергает опасности основную ячейку общества, губит цветок своей невинности, ослабляет тягу других к священному браку, к настоящим отношениям, которые становятся лишь чище в свете высокой морали и нравов».

Но и гризетке предстоит раствориться в армии незарегистрированных проституток. Облики, принимаемые пороком, становятся столь разнообразны, что под угрозой оказывается самый образ добродетели. Где они, проститутки? Подкладывая мину замедленного действия под самые основы социального порядка, они ухитряются заразить развратом сердце социума — семью, идеал супружеской жизни, отравляя ее

ревностью. Куртизанки ведут себя как матери семейств и тем самым узурпируют ту роль и ту функцию женщины, которая несет самую существенную символическую нагрузку. Они сеют раздор, распространяют ложь и извращают саму идею любви. Врачи не ведают, что с этим делать, а моралисты призывают к ужесточению превентивных мер и наказаний. «С какой стати нам щадить этих содержанок, дверь в спальню которых открыта всем желающим? Почему эти продажные девки, которые по сути своей самые обыкновенные проститутки, имеют право безнаказанно разрушать не только основы общества, но самые нравы и доброе имя нашей золотой молодежи?»

На всем протяжении XIX века и вплоть до двадцатых годов века XX когорты моралистов не уставали привлекать внимание общественности к феномену проституции. Они писали трактаты, созывали собрания, проводили расследования, подавали петиции в законодательные и судебные органы власти; они требовали, чтобы были приняты меры к ограничению распространения этой заразы и к восстановлению нравственности. В этой кампании принимали активное участие врачи (прежде всего), идеологи от физиологии и некоторые писатели.

Итак, общество не желало испытывать жалость по отношению к женщинам, которые сделали любовь своей профессией. От полиции требовали привлекать их к ответственности, моралисты хотели, чтобы их всех сажали в тюрьму. Общество не находило себе места при одной мысли, что по улицам городов свободно разгуливают толпы новоявленных Магдалин с распущенными волосами. Как же победить это зло, столь широко распространившееся в людской среде? Моралисты говорили: проституция — зло, но зло, к сожалению, необходимое, и поэтому предлагали следующее решение — домашний арест. Куртизанки находятся как бы под домашним арестом у себя дома, проститутки — под домашним арестом в борделе. В этих двух формах полуполюгальная проституция будет существовать в течение целого века.

ЛЮБОВЬ В БОРДЕЛЕ

Большой дом, красный фонарь, занавешенные окна, в которых горит свет. Улица, ночь в квартале, пользующемся дурной славой. По улице идет человек, он останавливается, затем снова ускоряет шаг. Его берет за руку зазывала. Из дома доносятся звуки веселья, музыка, чувствуется запах спиртного. У человека идет кругом голова, зазывала открывает ему дверь. В фойе клиента встречает младшая бандерша. Назад дороги нет — человека проглотила фантастическая машина сексуального удовольствия, работающая в этом борделе на полных оборотах. Поздно ночью или рано утром он выйдет оттуда — оглушенный, уставший, разочарованный или довольный. Как может мужчина в XIX веке пройти мимо борделя, когда они повсюду? Любовь можно купить везде — от роскошных домов в районе Пале-Рояль до вшивых меблированных комнат улицы Монжоль, от шикарных борделей Шато-Гонтье до матросских баров в Марселе и кафе (на втором этаже всегда есть комнаты, а в зале, увешанном непристойными картинами, разносят пунш полуодетые официантки). Везде можно найти бордель, от него никуда не деться — ведь сама полиция разрешает его держать; вся его деятельность находится под контролем властей. Бордель — уголок, от

которого то и дело сгорает в пожаре страсти весь город; бордель регулирует отношения многих городских жителей; бордель — достопримечательность, место общения; его посещают все — женатые мужчины, солдаты, юноши, холостяки, стар и млад.

Бордель — это торговый дом, в котором все устроено, как в обычном торговом доме; им управляет бандерша, ей помогает младшая бандерша, а ей — экономки. В доме живут «пансионерки», которые, хотя они того или нет, подчиняются правилам. Бордель — закрытое место; этим он удобен полиции и клиентам, этим он неудобен и даже страшен живущим в нем женщинам. Бордель, кроме того, — место, за которым постоянно наблюдают: в бордель регулярно наведываются врачи, проводящие диспансеризацию, у полиции для каждого борделя хранится список живущих в нем женщин с полными данными на них. Бордельные проститутки живут в строгом режиме, по расписанию; даже клиенты, приходя в бордель, подвергаются досмотру и допросу у младшей бандерши — она оценивает состояние их здоровья и осведомляется о их финансовой состоятельности.

Люди, посещавшие бордели, говорили о них разное: для них бордель — и сточная канава для низменных страстей, и фабрика разочарований, и центр разврата, и рай телесных ласк, и убежище невинности, и незаменимое благотворительное учреждение, и геенна пороков, и средоточие мрачных страстей, и место, где коллекционируют болезни. Бордель — место роскоши, красоты, отрешенности и страсти.

Бордели носят имена. Они зовутся Ляды, Пальмы, Киферы, Весна, Рай, Фиалки, Розовые Виллы, Звезда, Сердце, Хрустальный Дворец, У изящных курочек. Все это — бордель, публичный дом, дом терпимости, закрытый дом. Издаются подпольные путеводители по борделям; так, в 1892 году некий г-н Паджиоле выпустил брошюру в 70 страниц, на титульном листе которой значилось: «Ежегодный

указатель адресов публичных домов, или, как еще говорят, домов терпимости, расположенных во Франции, Алжире и Тунисе, а также в крупных городах Швейцарии, Бельгии, Голландии, Италии и Испании. Цена 5 с половиной франков». На обороте титульного листа было помещено объявление, призывавшее все учреждения, которые либо не упомянуты в указателе, либо адреса или названия которых указаны с ошибками, выслать в редакцию указателя исправления. Города Франции располагались в книге в алфавитном порядке, для каждого почему-то указывалась численность населения, затем имя бандерши и адрес борделя. Этот указатель довольно быстро изъяли из продажи, но на смену ему пришел путеводитель Жерве, затем путеводитель Роз. Все эти книги сразу же запрещались, но тем не менее ими активно пользовались. Как указано в одном из них, авторы «постарались в удобной для чтения форме собрать в одной книге-ежедневнике всю информацию о борделях, которая может оказаться полезной как читателям, так и хозяевам самих борделей».

Требования к борделям

Найти бордель на улице города не так-то просто. По закону ничто не должно выделять это заведение на фоне других домов; внутренние помещения борделя, напротив, должны быть освещены: «Лестницы, коридоры и вестибюли должны быть постоянно освещены от заката и до рассвета»*. За деятельностью борделя следит мэрия — это правило, напомним, было впервые введено во времена Консульства. Бордели называют домами терпимости по той причине, что само его существование возможно только в том случае, если префект полиции согласен терпеть его на подведомственной ему территории. Чтобы получить разрешение на открытие борделя, требуется потратить очень много времени и преодолеть мно-

* Закон города Виль де Лаваль.

жество административных препонов. Прежде всего требовалось предоставить префекту письменное согласие мужа заявительницы (если она замужем) и письменное же согласие собственника того дома, в котором предполагается разместить заведение. Получив эти документы, префект составлял досье на предложенный дом, в котором фигурировала его история (кто, когда и в какой последовательности владел им, какие строения ранее располагались на этом участке) и его санитарное состояние; также префект проводил расследование, касающееся личной истории заявительницы и ее поведения. Выдача документов, свидетельствующих о согласии полиции терпеть бордель, часто оказывается воздаянием за жизнь, проведенную на панели. Как тонко отмечает Фью, «чтобы умело торговать чужим телом, нужно иметь опыт торговли своим собственным». Лучшая бандерша — та, которая не изобретает ничего нового; поэтому для полиции легче, если бандершей становится дочь, наследующая предприятие матери, или племянница, перенимающая дело у тетки, или внучка у бабки. Приветствуется также возраст, превышающий 30 лет, так как, предполагается, в это время огонь собственной страсти уже угас. Если разрешение не выдается, заявительница пытается умиловить полицию. Так поступает вдова г-жа Нанди, подавая 15 июня 1841 года следующее заявление: «Заявительница нижайше просит его светлость принять во внимание тот факт, что, потеряв мужа, она осталась без средств к существованию, имея при этом необходимость воспитывать нескольких несовершеннолетних детей; чтобы избежать нищеты, она открыла в городе Лилле на улице Алальер дом удовольствий, затем ей пришлось покинуть этот дом, она открыла новый на улице Драгон, не думая, что ей будут чинить препятствия, она потратила на оплату аренды и обстановку дома все деньги, накопленные ею за три года тяжкого труда; но теперь полиция не разрешает ей использовать ей этот дом в тех целях, для которых она его предназначила, чем ставит ее в критическое положение, так

как ей угрожает потеря всех сделанных ею вложений, что приведет к тому, что она и ее несчастные дети окажутся на улице».

В 1823 году в Париже сложилось мнение, что борделям в столице не место. Префект полиции, г-н Делаво, 14 июня 1823 года издал следующий циркуляр: «Открытие домов проституции должно вызывать отвращение всякого, кого волнует общественная мораль, и поэтому я вовсе не удивлен, что господа полицейские комиссары всеми силами противятся открытию подобных заведений в подведомственных им районах города. Их почти всегда отрицательные визы на заявлениях об открытии таких домов показывают, что они, как достойные люди, противостоят тому, чтобы под их окнами цвели рассадники разврата и похоти... В то же время проституция, по всеобщему мнению, — зло такой природы, что власти не в силах его полностью искоренить, и поэтому законодательное и административное регулирование проституции имеет своей целью предотвратить злоупотребления, связанные с ним, уменьшить опасность этого зла и не допускать связанных с ним скандалов. Полиция не попустительствует проституции и не считает ее легальной деятельностью, но полиция присматривает за ней и прикладывает все усилия к тому, чтобы она существовала в четких и ясных рамках».

В этой связи был принят ряд законов. Статья 2 закона от 1829 года указывала, что «жрицы любви» имеют право заниматься своим ремеслом исключительно в публичных домах. В статье 4 уточняется, что они не имеют права переходить из одного дома терпимости в другой. Спустя 12 лет префект г-н Делессер запретил им также подходить к окнам публичного дома и стоять у его входной двери.

Публичный дом не мог располагаться в непосредственной близости от церквей, школ (в частности, школ с пансионом), коллежей, государственных учреждений и... резиденции главы государства. О том,

что принято окончательное положительное решение открыть бордель, свидетельствовала выдача бандерше знаменитого документа — книги, в которой были переписаны живущие у нее в борделе проститутки.

Нужно ли концентрировать бордели в каком-то отдельном районе города? На этот счет было общее положительное мнение, так как представлялось, что в этом случае порок окажется заключен в своего рода гетто. Можно констатировать, что имела место медленная, но верная тенденция: если в первые годы Июльской монархии публичные дома располагались в разных районах Парижа на значительном удалении друг от друга, с течением времени и по мере перестройки города они все более сближались и переезжали в специально отведенные для них кварталы. Парижане периодически подавали петиции с требованием переместить все дома терпимости в Пале-Рояль и запретить открытие борделей во всех прочих кварталах с тем, чтобы Пале-Рояль стал бы своего рода витриной порока, каковой он был в XVIII веке... Был и другой план, разработанный неизвестным ревнителем нравственности, согласно которому в Париже был бы устроен парк, в котором бы располагались три огромных дома, три таких фаланстера для проституции, без окон и без дверей, где бы проститутки жили под вооруженной охраной и куда могли бы проникать только мужчины... Все хотели строго контролировать проституцию с целью иметь возможность в любой момент осуществить наказание.

Полиция имела право в любой момент временно закрыть бордель. С целью добиться этого парижане писали в Министерство внутренних дел тысячи анонимок. Возьмем, к примеру, анонимное письмо от 15 января 1844 года, в котором описываются беспорядки, имевшие место в доме № 52 по улице Клерри. По этому заявлению было немедленно проведено расследование, давшее следующие результаты: «В доме № 52 по улице Клерри находится дом терпимости, который я разрешил открыть решением от

21 января 1843 года; проведенные по моему указанию инспекции не подтвердили ничего из того, что было указано в известном Вам письме, я же, со своей стороны, извещаю Вас, что этот дом всегда содержался в полном порядке. Как бы то ни было, я прикажу усилить контроль за этим домом, и если мне донесут о чем-либо, достойном внимания Вашего превосходительства, я немедленно извещу Вас об этом».

Чтобы можно было открыть дом терпимости, нужно было иметь как минимум двух проституток. На доме не должно было быть никакой вывески, только номер в виде фонаря, размеры которого не могли превышать 60 сантиметров в высоту. Чтобы дом, с точки зрения полиции, содержался «в полном порядке», бандерша должна была исключить появление в своем заведении несовершеннолетних, а также учеников старших классов коллежей и школ в школьной форме. Военных в военной форме бандерша могла принять только в том случае, если у них было оформленное по соответствующим правилам официальное разрешение! Если работающая в доме женщина хотела выйти в город, об этом делалась соответствующая запись в книге уходов и приходов, без этого бандерша не могла выпустить ее на улицу. Если в борделе происходило какое-либо происшествие, всю ответственность несла бандерша, у которой в таком случае могли временно или окончательно отозвать разрешение на бордель; бандерша была обязана извещать полицию обо всех происшествиях и странных событиях, происходящих в борделе, а также немедленно передавать властям всякую свою «подопечную», у которой обнаружены признаки какого-либо венерического заболевания.

Разумеется, не все эти обязанности выполнялись бандершами с необходимой скрупулезностью; впрочем, полиция тоже не слишком внимательно следила за их исполнением. Все же полицейский комиссар и подведомственные ему бандерши встречались регулярно, зачастую их отношения могли быть весьма доверительными. Коррупция в отделах нравов, о

которой не уставала писать моралистски настроенная пресса, в самом деле процветала; бандерши призывали с известной периодичностью посылать своим «начальникам» вино и оказывать им разного рода услуги, те в ответ были по отношению к ним терпимы. Конечно, далеко не все полицейские вели себя так, как знаменитый комиссар из Юры, на участке которого находился бордель, где вышеназванный «страж порядка» имел свой личный номер (материал о нем был опубликован в «Белом журнале» в 1900 году)! Об этом свидетельствует следующая коллективная петиция, подписанная тремя бандершами из Макона, которым не удалось задобрить следящего за их домами комиссара:

«Макон, 18 августа 1843 года.

Нижеподписавшиеся вдовы Лассар, Алин Делар и Жанна Дуку, в девичестве Дюбуа, жительницы Макона, имеют честь известить Вас о том, что они содержат, с разрешения полиции, дома, каковые имеются во всяком французском городе, где стоит постоянный воинский гарнизон; что они всегда поддерживали в своих домах самую строгую дисциплину и что никогда в их домах не случилось ни драк, ни скандалов, которые могли бы привлечь внимание общественности, и что общественный порядок никогда не нарушался благодаря неусыпному наблюдению за посетителями этих домов; и что по причине, которой заявительницы не могут понять, полиция имеет намерение потребовать от них переехать из занимаемого ими квартала, не указав при этом другого квартала, куда бы они могли переехать.

Заявительницы нижеайше просят Вас разрешить им заниматься своим ремеслом там, где они им занимаются и сейчас, и запретить полиции требовать их выдворения; если же квартал, в котором находятся их дома, должен быть, на законных основаниях, освобожден от их присутствия, заявительницы просят указать им другой квартал города, где бы они могли разместиться вместе с подведомственными им лицами женского пола; это было бы справедливо, ведь

они платят за право заниматься своим ремеслом достаточно высокие налоги».

Открыть бордель — цель труднодостижимая, но благородная, если судить по тону подаваемых в полицию заявлений. Так, одна дама пишет: «Находясь в почтенном возрасте, я чувствую, что скоро отдам свою душу Господу и предстану перед Создателем; в этом свете я полагаю, что моим долгом является обеспечить достойную жизнь своим детям, оставив им известные средства к существованию». Другая ей вторит: «Уважаемый господин Префект, вы моя единственная надежда, к вам одному я могу обратиться за помощью; я мать нескольких несовершеннолетних детей, и поэтому я прошу вас не отказать мне в возможности приобрести достойный источник дохода для их воспитания. Не откажите мне, господин Префект, в помощи нуждающемуся семейству». Наконец, третья использует более деловой тон: «Мадемуазель Д. имеет честь поведать Вам о той жестокости, с которой судьба довела ее до столь плачевного состояния, что одна только вера во Всевышнего удерживает ее от того, чтобы наложить на себя руки. Ее строгая и сдержанная манера вести себя, унаследованная ею от отца и матери и переданная ей своим детям, заслужила ей уважение окружающих; не имея возможности найти работу, она просит разрешения разместить у себя шестерых женщин».

Устройство рынка

Профессия бандерши, с одной стороны, требует осмотрительности и осторожности, с другой — бандерша вызывает к себе уважение. Она — личность авторитетная, уравновешенная; она аккуратно подбирает слова, общаясь с клиентами, она не терпит вульгарности и, на манер хозяйки дома Телье у Мопассана, не считает себя принадлежащей к тому обществу, частью которого являются «сотрудницы» ее заведения. Бандерша, конечно, «сделана из другого теста». В самом деле, открыть бордель — дело сов-

сем непростое. Преодолев множество полицейских и законодательных препон и получив разрешение открыть дом, бандерша должна наполнить его свежей плотью. Чтобы суметь нанять «сотрудниц», требуются дар убеждения, смелость, интуиция, чувство рынка и наличие больших связей в нужной среде.

Возьмем самый простой случай: потенциальная «работница» сама стучится в дверь борделя. Она ищет работу. Обычно у нее стоптанные башмаки, потрепанное платье, сношенное пальто. Она устала, ей очень нужна работа. Безработная певичка, уволенная экономка, бывшая служанка виноторговца, содержанка, брошенная любовником, — вот кто она такая; она умирает с голоду и поэтому предлагает борделю свое тело. Бандерша расспрашивает ее о прошлом, о ее характере, а затем... предлагает пройти осмотр. «Потенциальная “работница” входит в номер, в каком живут ее будущие коллеги, или в небольшой салон, раздевается и предстает обнаженной перед бандершей, которая оценивает ее возможности... “Удача” скорее улыбнется хорошо сложенной женщине, но не красавице, чем худой женщине с прелестным лицом, чем женщине с длинными и тонкими руками и ногами, чем женщине с некрасивой грудью или животом. Если у женщины все в порядке с зубами, это плюс. Если женщина толстая, чересчур жирная, ее едва ли возьмут».

Существуют кадровые агентства, специализирующиеся на женщинах для борделей; такие конторы можно найти в Париже и других крупных городах. Их управляющие, будь то мужчины или женщины, набирают клиентуру через объявления в газетах или просто на улице, в общественных местах. Такие посредники, или, на полицейском жаргоне, «добытчики», бродят по городу, заходят во все места, откуда их не выгоняют, даже в больницы и церкви, и ищут молодых девушек. Сама хитрость, они поджидают своих жертв на станциях прибытия омнибусов из провинции, выискивая стесняющихся девушек, которые приехали в Париж в поисках работы. Они посещают отели, общественные приемные, магазинчики,

меблированные комнаты, прочесывают улицы и переулки вдоль и поперек. Они не стесняются вербовать своих клиенток в больницах, выбирая тех, кто им больше по вкусу. Если девушка соглашается, агент дает ей платье, шаль и гонорар в 4—5 франков в неделю. Бандерша, в свою очередь, выплачивает агенту более значительную сумму, порой до 50 франков. У девушки может возникнуть желание сменить бордель. В этом случае она обращается все к тому же агенту, который, посещая разные дома терпимости, расхваливает там ее достоинства в надежде организовать встречу с заинтересованной бандершей. Если переход удастся, агент получает кругленькую сумму. Девушка может также захотеть переехать в другой город; в этом случае агент организует переписку с бандершей в нужном городе, пересылает ей досье на девушку, иногда с фотографией. Чем «товар» лучше, тем больше куш. Агент помогает сделать девушке паспорт и исполнить административные обязанности и, если девушка в самом деле красива и обещает большие прибыли, сам прибывает за ней и сопровождает ее в поездке в другой город, зная, что в этом случае бандерша оплатит ему расходы на путешествие. Возникает целая транспортная система Париж — провинция — Париж, о чем свидетельствуют следующие телеграммы — редкие следы, оставшиеся в полицейских и судебных архивах. Например: «Мадам Н. Будьте так добры, отправьте мне на вокзал поездом в 6.15 два букета фиалок и три розы». Это означает: «Двух шатенок и трех блондинок». Другая телеграмма (отправлена из Парижа в 1880 году): «Мадам Алиса, я пишу вам эти несколько строк в надежде узнать, не нужны ли вам женщины. У меня сейчас есть на примете три красавицы отличного телосложения, англичанка и две бельгийки, всем 24 года, у всех троих полный комплект документов».

Иногда поступают просьбы о срочных поставках. Так, некая г-жа А. пишет: «Если бы вы смогли найти мне агента, я была бы очень благодарна». А г-жа Б. из Монпелье пишет своей агентше в Бордо: «Ра-

зумеется, я оплачу вашу поездку туда и обратно. Я могла бы нанимать через вас трех-четыре дам в месяц. Если вы можете найти кого-либо, известите меня, и вам нужно будет только явиться на вокзал в Бордо, где Б. вам передаст билеты в Монпелье, так что вам ни о чем не нужно будет беспокоиться».

Когда заказ совсем срочный, бандерши пользуются телеграммами: «Г-жа С. Г. Ф., улица Нор, Кольяк. Привозите женщину. Изложите ей правила поведения в доме. У нас носят пеньюары и выезжают исключительно в занавешенной карете». Другая телеграмма: «Г-жа С., улица... Бордо. Подготовьте ваших женщин. Этим вечером выезжаю из Марселя».

Иногда бандерша оказывается разочарована. «Товар» может быть неподготовленным, и бандерши не стесняются говорить об этом прямо: «По прибытии Леонтину пришлось освободить от исполнения обязанностей по результатам осмотра; она не начала пока работать, и я не думаю, чтобы она скоро смогла начать, так как состояние ее плачевно, у нее все болит».

Чтобы избежать таких ситуаций, бандерши обычно требуют гарантировать две вещи — отличное состояние здоровья и отсутствие долгов. Девушка с венерической болезнью — настоящая чума для борделя, и даже если бандерша знает, как это скрыть, заразившиеся клиенты, вне всякого сомнения, вернуться в ярости в бордель требовать компенсации, а затем ославят его на всю округу. Нанять девушку с долгами не так опасно, но хлопотно. Впрочем, почти все бордельные проститутки по уши в долгах. Тут нужно очень хорошо понимать, что женщины, живущие в борделе, не видят своих денег. Им никогда не платят наличными или платят настолько мало, что они вынуждены залезать в долги. Поэтому они тайно бегут из борделей, прося своего агента погасить задолженность. Так поступает, например, автор нижеследующего письма агенту: «Я — та “малышка”, которая жила у Бланш и которую вы представили Маркизе. Вчера, найдя возможность вернуться в Париж, я уехала. Я помню, что, когда

мадам попросила вас отправить меня к ней, она не замедлила заплатить мои долги Бланш. У меня есть подруга, которая была бы рада уехать вместе со мной, но она, к сожалению, должна мадам 500 франков, если бы вы могли ее устроить, она была бы вам очень благодарна, она симпатичная девушка, брюнетка, ей 21 год, мне 18. Примите свидетельства моего к вам глубочайшего почтения. Мадемуазель N, улица Мартир, Париж. Ответьте как можно скорее. P. S. у нас нет белья».

В этом «товарообмене» задействованы и несовершеннолетние. Иные матери прямо отдают своих дочерей в бордели, этим же занимаются и агенты. Время от времени в связи с подобными действиями возникают скандалы, и на помощь приходят правоохранительные органы. Так, в декабре 1887 года восьмая камера исправительного трибунала Парижа приговорила к трем месяцам лишения свободы трех агентов, которые продали некоей бандерше Бенуа нескольких несовершеннолетних девушек по цене от 70 до 100 франков.

Но несовершеннолетняя может и сама предложить борделю свои услуги: «Гавр, 6 июня 1874 года. Мадам, услышав рассказы о вашем доме и желая работать у вас, я спешу предложить вам себя. Мне 15 лет, я симпатичная, у меня белые волосы, красивые зубы, я хорошо сложена, у меня очень белая кожа без единого пятнышка, если вы желаете, пошлите ко мне кого-либо пакетботом из Бордо, чтобы удостовериться, что я говорю правду. У меня нет белья, и мне нужно 300 франков, чтобы выехать к вам. Если я вам понравлюсь, пошлите за мной кого-нибудь, кто мог бы сопроводить меня к вам».

В крупных городах обустроиваются самые настоящие рынки, где торгуют женщинами. В Париже агенты работают в кафе, их любимые места — заведения в районе ворот Сен-Мартен и улицы Сен-Дени, а также площадь Республики, площадь Бастилии и площадь перед Восточным вокзалом. Сценарий

всегда один и тот же: девушка одна, у нее нет денег, она позволяет взять себя под руку представившемуся ей молодому человеку приличного вида. Он предлагает угостить ее обедом (часто девушка очень голодна), отводит в комнату в близлежащем отеле, а назавтра сопровождает ее обратно на вокзал, вручив ей фальшивый паспорт и билеты; она направляется в тот или иной бордель. Полиция была вынуждена оставить попытки запретить эту торговлю людьми и даже в известной степени признать ее законность, потребовав от продавцов вести учет проданных ими девушек, фиксируя дату совершения сделок и количество проданного «товара».

Некоторые города особенно любимы бандершами, которые, не желая порой иметь дело с агентом, сами отправляются за кадрами; особенно знамениты в этом отношении Гавр, Руан и Брюссель. Бордо и Марсель специализируются на креолках, мулатках и «негритянках». Между бандершами существует нечто вроде профессиональной солидарности, которая позволяет им быстро набирать персонал в форсмажорных ситуациях (ежегодные ярмарки, приезд большого количества рабочих, приезд нового гарнизона) или обмениваться «лучшими сотрудниками». Ответственным по кадрам может быть муж бандерши или ее любовник — в тех случаях, когда эти обязанности не выполняет сам комиссар полиции... Поездки, переписка и слухи позволяют подпитывать этот бесконечный поток женщин, без которого невозможно нормальное функционирование борделя. Ведь клиенты очень требовательны: они хотят разнообразия, новизны. Да и сами девушки, страстные, импульсивные, упрямые, не отстают, желая выжать максимум из своего положения «продажной девки»: они без устали стараются разузнавать о других борделях и о пристрастиях других бандерш как можно больше. Они как бы постоянно сидят на чемоданах — в душе они вольные птицы, хотя в действительности они рабыни, заключенные в темницу.

Обученные механике любви, они не выходят из комнат, в которых трудятся каждую ночь, но чувст-

вуют себя лишь пассажирами на кругосветном лайнере; они каждую минуту готовы исчезнуть навсегда, черпая свою силу из повседневности, из круга которой они в любой момент могут вырваться.

Категории борделей

В борделях разных типов — а этих типов очень много — работают разные виды женщин. Бордели бывают роскошные, подчас феерические, в них девушки, разодетые принцессами, ожидают своих клиентов в залах, отделанных черным бархатом; бывают труппобные бордели вроде тех, что располагаются на улице Монжоль или в районе марсельского порта, где из всей обстановки — матрас, на котором голая, перепившая абсента девица автоматически раздвигает ноги, расслышав скрип открывающейся двери. Страсть, карьера или судьба могут провести проститутку по медленной дороге от борделя-люкс к комнатухе в портовом городке; такое развитие событий, однако, отражает разнообразие требований и социального происхождения клиентов. Рабочие, солдаты и моряки редко посещают те бордели, куда ходят утолить свою похоть буржуа.

На вершине иерархии, таким образом, располагаются великие дома терпимости. В Париже, после реконструкции города, они расположились в деловом центре, там, где бывают богачи, — в кварталах вокруг собора Святой Марии Магдалины, Оперы, Фондовой биржи. В этих домах царит вальяжность. Везде ковры, слуги немногословны, круговорот «сотрудниц» и клиентов размерен; благодаря этому такие дома становятся самыми настоящими храмами секса, где аппетит к страсти подогревается обстановкой. Вход в бордель сделан так, чтобы произвести впечатление таинственности: двойная дверь, обильно обитая войлоком, изолирует внутреннее пространство дома от шума улицы, благодаря чему клиент, едва переступив порог, чувствует, что отрезан от внешнего мира. В трех самых больших парижских борделях были специальные ворота, куда

клиент мог въезжать в карете; едва карета въезжала под арку, ворота немедленно захлопывались. Начинаясь путешествие в страну чудес... В вестибюле, украшенном шелковыми занавесями, клиента ожидали служанки в белоснежных передниках, которые вели его сквозь анфиладу потайных дверей в залы, устланные мягкими коврами. Путь шел по лестницам и коридорам, стены которых были украшены обоями с вызывающими желание сценами; на каждом перекрестке и в конце каждого пролета располагались маленькие салоны, где экономки усаживали клиентов в кресла, с тем чтобы в это время по соседней лестнице незамеченным спустился и уехал другой клиент. Затем клиента сопровождали в залу, где его ждала младшая бандерша, которая проводила с ним предварительную беседу о его желаниях и их стоимости; после чего клиента провожали в другую залу, где живыми картинами стояли обнаженные или одетые в изящное нижнее белье девушки. «Там-то они и есть; они сидят в креслах, полулежат на оттоманках, во всей своей красе от головы до пят; на них ничего нет, кроме только шелковых чулок, невесомых туфелек и шали их собственных волос на плечах; они неподвижны, немые, смотрят вам прямо в лицо, желая произвести на вас большее впечатление, чем другие, выпуклостью своей груди, изяществом тела, вызывающей позой... Откровенность картины, то, как они покачивают бедрами и поводят руками, одна лучше другой, — все это действует как гипноз, возбуждая в вас все самые скрытые страсти».

Выбрав девушку, клиент отправляется в третью залу, устланную другими коврами, с расписным плафоном, где на столах стоят вазы с живыми цветами, висят люстры, картины; мебель — низкие удобные кресла, оттоманки, диваны. Некоторые бордели славились своим экзотическим декором, особенно это вошло в моду в шестидесятые годы XIX века. Так, в одном борделе соорудили настоя-

ший каменный грот с особенным, таинственным освещением; в другом особое внимание уделили ванным комнатам, где были устроены настоящие бассейны на манер тех, что имелись в восточных борделях, наконец, в самом знаменитом борделе, у Лувуа, была специально подготовлена анфилада пышно обставленных комнат для маньяков — любителей экзотики. Клиент, привыкший к комфорту своей буржуазной жизни, должен был испытывать в борделе дрожь от роскоши, он просто не мог не почувствовать себя на другой планете. В оформлении комнат хозяева борделей давали волю воображению. При этом в каждой имелись необходимые предметы мебели. Стены комнаты могли быть целиком зеркальными. Постель устраивалась по-разному: мог быть балдахин, черные занавеси, черное постельное белье, специальное освещение; все это придавало лежащей на ней девушке необычный вид, как будто бы перед клиентом лежит статуя из мрамора; кровать могла быть сделана в виде каюты на корабле, тогда рядом с ней устанавливалась ванная в форме морской раковины — все это создавало впечатление морского путешествия; она могла быть сделана в виде эскимосской хижины; вокруг постели могла быть устроена диорама, создающая иллюзию нахождения в далеких странах... В борделе «Шабане» клиенты записывались в очередь в японскую комнату, которая получила первый приз на Всемирной выставке, а также в комнату, оформленную в мавританском стиле, в которой клиент чувствовал себя султаном в серале, и, наконец, в комнату в стиле Людовика XVI, украшенную копиями медальонов Буше. Декор порой был настолько вычурным, что представлял для клиентов опасность; так, в 1876 году в борделе близ Оперы девушка и ее клиент получили травмы прямо в момент акта любви — на них упал сорвавшийся с потолка огромный хрустальный плафон. В борделях второго сорта украшения были менее навязчивы, но забота о комфорте клиентов и о их инкогнито велась столь же тщательно.

Бордель местного значения существует как в городе, так и в провинции; по сравнению с вышеописанными заведениями тут все чинно и мирно. В специально отведенных для таких заведений кварталах путник может ночью отличить бордель от других домов по свету в окнах: «На окнах полузакрытые жалюзи или тяжелые занавеси, открывающие лишь небольшой уголок окна, в котором можно разглядеть женское лицо — она улыбается... вечером лицо с улыбкой исчезает, и на его месте появляется фонарь, служащий своего рода маяком».

«Битва за окно» не прекращалась на всем протяжении истории проституции. Текущее состояние боевых действий отражают статус и имидж «продажной девки». Ведь в самом деле, чтобы вызвать у мужчины желание, ему нужно показать женское тело. С другой стороны, чтобы не оскорблять общественную мораль, бордель должен выглядеть как обычный буржуазный дом. Каким же образом в этой ситуации показать женщину во всей красе и сексуальности, одновременно делая вид, что данный дом — образец нравственности? Именно так и появляется бордель, «закрытый дом»... дом, замкнутый на себя, средоточие тайн, но одновременно обыкновенный дом для проституток, где каждый может купить себе удовольствие; это даже доходный дом, самые окна которого служат ему вывеской. В годы, предшествовавшие воцарению Наполеона, девушки стояли в окнах совершенно обнаженные; затем полиция пригрозила им за это тюрьмой. Поэтому им пришлось окна закрыть на замки, цепи у которых, однако, были сделаны достаточно длинными — под тем предлогом, что девушке нужно было как-то проветривать комнату. Больше полиции ничего сделать не удалось — не прошли ни занавеси, ни матовые стекла, ни прочее.

Едва клиент переступает порог, его встречает экономка, которая проводит его в салон, где он выбирает себе девушку. В салоне царит атмосфера спокойствия и достатка. В этих домах слуги также стараются предупредить нежелательные встречи

клиентов друг с другом, для чего предусмотрена специальная система звонков. В салоне девушки сидят одетыми: кто изображает замужнюю женщину, кто весталку, кто монахиню, кто пансионерку, кто кормилицу; все они ждут. Никто не удивляется, если кто-то из них краснеет или рассказывает вслух свои девичьи мечты. В комнатах для свиданий стоит простая, без перины кровать, иногда на соседнем столике стоят бокалы для вина. В каждой комнате есть отдельная туалетная комната с полным набором гигиенических средств и подведенной водой, обязательно есть клизма. Девушки выглядят покорными, даже слишком покорными: «Иногда они одеты в более или менее прозрачные пеньюары или экзотические костюмы, открывающие грудь и ноги; иногда на них выездные платья, какие носят в городе, некоторые со шлейфом, как у дам высшего света; и надо признать, что все это вместе — тела, отобранные интуицией бандерши, блондинки, брюнетки, большие, маленькие, крепко сбитые и стройные, чей белый цвет кожи порой оттеняет негритянка, грудь колесом, элегантные линии бедер, талии, раскованные и вызывающие позы, принимая которые, девушки стараются показать свои достоинства, — представляет собой разноцветную и очень соблазнительную картину».

Клиент колеблется. Бандерша повторяет: «Выбирайте на ваш вкус». В заведениях этого типа шик заключается в «ассортименте» иностранок. В салоне находится дюжина женщин, одна из них негритянка — обязательный атрибут «храмов любви», рядом с ней алжирка, гречанка, китайка, немка, а дальше француженки из разных регионов страны. Последние в целом служат, так сказать, «приложением» к основному блюду. В таких борделях «делают все», и порой капризы клиентов заходят слишком далеко. Однако если «сотрудница» возражает против того или иного «упражнения», ее штрафуют. Как говорила г-жа Адель: «Да уж, они мастера изобретать раз-

ные хитрости. Богачи — они все сумасшедшие. Они были бы счастливы, если бы только у них было все в порядке с головой; к нам только такие и ходят». Маркиза Шуази в свое время проводила исследование, стучась в различные бордели и представляясь прислугой в поисках работы; она утверждает, что во всех борделях имелись комнаты пыток с самыми хитроумными приспособлениями и что в этих комнатах ежедневно устраивались оргии. Искусство секса становится к концу XIX века все более и более утонченным, и дома терпимости, в частности их обстановка, эволюционируют вместе с ним. В борделях оборудуются комнаты для тех, кого «работницы» зовут «чокнутые», а также комнаты, в дверях которых на уровне человеческого глаза просверлены дырки — для вуайеров и для клиентов, желающих передохнуть. Иногда комнаты оснащаются специальным стеклом, которое с одной стороны прозрачное, а с другой стороны выглядит как зеркало — в комнате пара занимается любовью и ничего не подозревает, в то время как в соседней комнате за таким зеркалом стоит вуайер и наблюдает за ними. Желание клиентов видеть любовь без необходимости в ней участвовать заставляет бандерш придумывать комнаты, где на крутящемся столе стоит или сидит девушка, принимающая откровенные позы, в то время как клиенты смотрят на нее через щели в стене. Сила этих борделей заключена в их репутации, в их славе. Чем больше в данном борделе можно преступить запретов, тем более услужливым должен быть его персонал. Похоть всех сортов, извращения, осуществляемые в полном молчании, — ядовитый шарм проституток.

В провинции бордель выделяется своим красным фонарем. Обычно он находится на самой окраине, как, например, бордель, где жила Элиза, описанный Эдмоном де Гонкуром, расположенный в тихом квартале и окруженный садом; или как бордель Телье, описанный Мопассаном, расположенный на ти-

хой улице близ церкви; или как бордель Жана Лоррена в Обри-лез-Эпинетт, источающий запах роз и жимолости, расположенный в переулке близ вокзала. В таких борделях царит та же атмосфера, что и в окружающих их просторах полей — успокаивающая, нежная. Там можно услышать биение сердца природы, ощутить ритм смены времен года, почувствовать себя как дома — бандерша, ее муж и ее пансионерки выглядят как самая настоящая семья — узнать, как медленно может течь время, послушать, как часы отбивают полдень и полночь, как мурлыкает спящая кошка, вдохнуть аромат деревьев, согретых летним солнцем, или прикоснуться к теплой печке зимой. Никаких извращений, никакого насилия, никакой звериной страсти, никаких необузданных инстинктов. Весь секс здесь, так сказать, одомашнен, все клиенты — постоянные. Книга Мопассана «Заведение Телье», вышедшая в 1881 году, вызвала скандал. Одни кричали на каждом шагу, что это «мерзость», другие, и среди них Золя, называли роман шедевром. В нем в реалистической манере описана повседневная жизнь борделя в Фекане. В едких выражениях описано замешательство клиентов, узнавших о том, что единственный бордель в городе закрыт — «по причине первого причастия», как гордо говорится в приклеенном к его двери объявлении. Мопассан никогда не скрывал своих нежных чувств по отношению к проституткам, и образ придуманного им борделя Телье, вероятно, навеян реальным руанским борделем, располагавшимся на улице Кордильер, куда писатель частенько наведывался. «Туда приходили каждый вечер, ровно к одиннадцати часам, как будто бы это было кафе. Посетители собирались там компаниями по шесть — восемь человек, и это были вовсе не кутилы и распутники, а уважаемые люди, коммерсанты, местная молодежь; пили ликер, приставая в шутку к девушкам, или вели беседы на серьезные темы с хозяйкой, которую любил весь город. Ближе к полуночи посетители расходились по домам, молодые люди иногда оставались на ночь».

Эти дома, которые буржуа называли «дом, в котором делают сами знаете что», служат местом встреч, центром общественной жизни города, единственным заведением, открытым допоздна, ведь в провинции бордель одновременно исполняет роль кафе. Самый термин «бордель» можно отнести к этим провинциальным заведениям лишь начиная с пятидесятых годов XIX века. Более того, хозяева борделей имели право продавать клиентам алкогольные напитки и отводить часть принадлежащего им здания под кафе со входом с улицы, а хозяева кафе, в свою очередь, в известных городах (в частности, в Ле Мане) имели право открыть бордель! Как верно подмечает Гриммер, «часто у борделя одновременно несколько функций. В некоторых заодно продают овощи и фрукты, или вино, или что-то еще другое, например кружева или гребенки... Эти бордели, по сути дела, просто частные доходные дома, и соседи опознают в таком доме бордель только по той причине, что там живет известное число женщин, которые могут принимать мужчин круглые сутки».

Итак, с одной стороны, есть салон, в котором назначают друг другу встречи местные буржуа, чтобы пропустить по стаканчику, перед тем как перейти к более серьезным делам; с другой стороны, есть кафе с отдельным входом, с мраморными столами, с бутылками с вином и бочками с пивом, с официантками, которые одновременно являются «сотрудницами» собственно борделя (правда, самыми некрасивыми), с посетителями — мелкими буржуа и рабочими.

Женщин, которые попадают в такие бордели — приезжают на поезде или на дилижансе, нанятые агентами в Париже или других городах, — прежде всего поражает тишина, изоляция. Так, Элиза, «строгая и целомудренная», прибывает в Бурлемон. Книга Эдмона де Гонкура «Девка Элиза», опубликованная в 1877 году, рассказывает историю дочери повивальной бабки, которая с детства привыкла ко

всему, что связано с «полом», и которая почти естественным путем становится проституткой. «Образование» она получила в небольшом провинциальном борделе, где быстро стала самой любимой женщиной всех клиентов. В первые дни она чувствовала себя не в своей тарелке. Затем бордель стал для нее защитой, источником соблазнов и обаяния. «Первые почки на кустах вокруг дома, зелень, пробивающаяся из-под снега в самом начале весны, — все это помогло ей полюбить этот пригород; он стал казаться ей большим садом, где среди деревьев прятались редкие домики. Да и сам дом, несмотря на то что он походил на старинный замок с крепостной стеной, хранил для своих жильцов какую-то тайну, источал обаяние, в нем было что-то такое, чего не было ни в каком другом доме. Воздух вокруг него всегда был полон звуков хлопающих крыльев и пения птиц».

Посетитель борделя Филибера также подходил к дому через огромный сад с плодовыми деревьями и розовыми кустами; казалось, сама природа защищает своей чувственностью этот дом, где царит удовольствие. «Сад заканчивался живой изгородью из бересклета, откуда открывался вид на просторную лужайку, которую обрамляли красные буки и серебряные липы. Было видно, что здесь поработал садовник, обладавший чувством прекрасного, — ему удалось населить это место запахами и соблюсти законы перспективы. Это был почти что парк. Вдали высился белый двухэтажный дом с массивной крышей, с двадцатью окнами по фасаду, выглядевший такой казармой, с неба сброшенной в этот ухоженный заботливыми руками сад, где росли лиственницы и катальпы. Перед домом обильно рос гинериум, своим серебряным плюмажем напоминавший фонтан».

Жан Лоррен знал, о чем говорил. Он написал «Бордель Филибера» в 1904 году, за два года до смерти; в молодости же он был желанным гостем и

в салонах Сен-Жермена, и в постелях различных борделей. Его книга — уникальный репортаж о звездном часе и упадке борделя, а вместе с этим и об эволюции нравов клиентов и проституток, протекавшей в девяностые годы XIX века.

В доме пахнет пирогом с абрикосами, одеколоном и... немного плесенью. Старинная каменная кладка постоянно покрыта росой, и даже хозяйка дома, эксперт во всем, что касается ведения хозяйства, не может заставить стены высохнуть.

Салон обычно располагается на втором этаже. Он украшен зеркалами и «непристойными» гобеленами, на которых изображены псевдомифологические сцены; в нем есть рояль, на котором играют по праздникам, и бар. Салон богато обставлен мебелью, повсюду мягкие диваны. Посетителя не покидает ощущение известной роскоши; в воздухе носится нечто странно-пошрое, щекочущее посетителю нервы, «некий неопределенный дух, неуловимый в этой тяжелой, жаркой атмосфере, как если бы это был не салон, а камера для дезинфекции».

Комнаты чисто убраны, аккуратны. Есть туалетный столик и чаша для умывания. Все это больше напоминает обстановку отеля для мелких буржуа, чем роскошь борделя. Особенно кровать. «Сработанная из орехового дерева, покрытая блестящим лаком, кажущаяся более высокой, чем она есть на самом деле, из-за наваленной на нее горы перин и покрывал, она практически полностью закрыта желтыми занавесями, обшитыми желтой же бахромой. Ни намек на экзотику, на изысканность. На стенах нет эротических картинок. Всем своим видом комната, залитая неясным светом, пробивающимся через почти закрытые жалюзи, говорила, что ждет, когда в нее войдет совершенно чистая, невинная девушка, чтобы прочитать свою вечернюю молитву и лечь спать».

Если верить специалистам, то атмосфера парижских борделей менее тонка, в то время как сексуальные позывы оказываются там более сильными, более неудержимыми. Иные завсегдатаи борделей, такие как Динимон, знали близ Оперы один бордель, настрой которого напоминал им то, что они испытывали в заведениях типа борделя Телье, но все же они соглашались: этой подлинной непринужденности, этой обыденности в сексе в Париже не найти. В Париже, на самом деле, ни у кого нет времени, все куда-то спешат, в то время как в провинции «дебоши более наивны, более чувственны, в них меньше того, что идет от головы, от чтения садистской литературы; посетитель провинциального борделя не хочет видеть свою Венеру униженной и оскорбленной тем фактом, что ее тело купили». В Париже клиент борделя — чаще всего незнакомец, который зашел туда затем, чтобы быстро удовлетворить будоражащий его инстинкт; он ищет полового акта на скорую руку, как если бы это было изнасилование (так говорил Мопассан). В провинции клиент — как правило, старый знакомый, почти друг, и в этих деревушках, где все друг друга знают, проститутка со временем становится полноправным членом общества. В столице девушки ожидают клиента практически обнаженными и предлагают ему шампанское. Они облизывают губы, качают бедрами, ласкают свои груди, приглашая клиента «отправиться в комнату». Клиент, немного пьяный, с раздраженными сменой света и тени глазами, следует за девушкой и достигает кульминации, лежа на перине.

Другое дело — бордель для рабочих, солдат и матросов, куда порой, впрочем, забредают и буржуа, заинтригованные таинственной жизнью «классов — источников опасности». Скамьи с протертой до дыр обивкой, каменный пол, засыпанный опилками, резкое освещение, мраморные столы, шум, запах спиртного, лужи пролитого пива, красные лица — все это делает бордель для низших слоев общества

самым оживленным местом торговли любовью. Там можно свободно хлопать друг друга по плечу, там можно драться, там можно снять ту женщину, которую хочешь. Там случаются потасовки, там плетутся любовные интриги, там никто не скрывает своей похоти. Любовь до головокружения, мир, сотрясаемый страстью к сексу и к деньгам. Жизнь, доведенная до белого каления, как говорит Марта из книги Гюисманса. Страсть обслуживать — для женщин, галлюцинации желания — для мужчин. Такие бордели существуют в портах, близ воинских казарм, в строящихся кварталах. Вход в бордель — прямо с улицы, его легко можно спутать с кабаком. Рядом — меблированные комнаты с минимумом обстановки. Никакого комфорта, никакой интимности; главная цель — как можно более высокая скорость удовлетворения желания. Здесь «девки» всех возрастов; на одной панели стоят юные девицы и матроны, которые не знают, как им лучше скрыть свою старость — шиньоном или пудрой. Как грубые работяги, они готовы отдаться каждому, источник их сил — алкоголь. Бордели спят днем, а людьми наполняются после захода солнца. «Под потолком висят десять люстр, по полосатым стенам висят двадцать зеркал, в результате зала на первом этаже залита резким, чересчур ярким светом со странными отблесками; кажется, на столы падает душ из огня. В самом дальнем углу залы, там, где странный свет, кажется, превращает ее в подобие сказочного дворца, вокруг одного большого стола сидят, привалившись друг к другу, женщины всех сортов, перемешанные напоподобие коктейля, сваленные в кучу, роющиеся в общем пакете с табаком, скручивающие сигареты» (Э. де Гонкур «Девка Элиза»).

Бордели четвертого типа напоминают магазины. Девушки сидят на скамейках и беседуют с клиентами, пока те не решаются наконец сделать выбор и незаметно подняться в меблированные комнаты, расположенные этажом выше. Здесь девушки име-

ют право на жилье и на питание; они очень молоды, но уже отцвели, они одеты в прозрачные сорочки, подчеркивающие их наготу и открывающие грудь. Обычно у них изысканные прически, на лицах много лакижа. Клиенты появляются в восемь-девять часов вечера. На улице стоит девушка-зазывала, ей причитается часть вечернего дохода. Младшая бандерша сидит за кассой. За столами сидят рабочие, их начальники, молодые люди, старики, все притворяются, что не замечают друг друга. Каждый старается изолировать себя от прочих и одновременно выставить себя напоказ: «Каждый желает нырнуть в этот омут любви, не слишком беспокоясь о том, что он там выловит. Найдутся девушки на любой вкус. Одни одеты в длинные платья со шлейфом, другие в трико и коротких юбках, открывающих отнюдь не только колени. Иные одеты маленькими девочками... Они убивают время, играя в карты, куря сигареты, потягивая черносмородиновую настойку, как если бы на улице было холодно и они хотели согреться, играют в прятки с каким-то трехлетним мальшом, который уже знает все ругательства на французском языке, разговаривают с гарсоном, пока хозяйка заведения и ее семидесятилетняя мать наблюдают за всей этой толпой “неразумных дев”».

Как сделать выбор? Пока одни заняты наверху, другие сидят внизу и громко расхваливают свои достоинства, стоит ужасный шум. Впрочем, так поступают не все; например, Марта из книги Гюисманса избегает громких слов и не ласкает клиента прямо внизу, она привлекает внимание своей нежностью и изяществом. В этом заведении, в этих сполохах газового света, на скамейке, принужденная улыбаться с восьми вечера до трех утра, она чувствует себя замаранной, перепачканной в какой-то грязи. Но, несмотря на отвращение, которое она испытывает к своей профессии продажной Венеры, она каждый вечер спускается вниз и садится на скамью. «Огромные канделябры с зажженными свечами, стены, оби-

тые темно-красным атласом, расшитым белыми шелковыми цветами, которые в свете свечей выглядят жилами серебра в руде — все это плыло перед ее глазами белыми искорками на фоне неясного красного марева; затем ее взгляд прояснился и она уже видела свое отражение в зеркале, понимала, что лежит в откровенной позе на скамье, у нее уложены волосы, как будто бы ей ехать на бал, ее тело укрыто кружевами, от которых исходит сильный запах».

Сутолока, возбуждение, рутина, ритуал, повторяющийся из ночи в ночь, мир, залитый светом, спиртным, шумом. Клиента здесь привлекает неизвестность, он чувствует себя первооткрывателем, никогда не зная, что найдет здесь в следующий раз, не ведая, кто утолит его жажду — сморщенная, но опытная старуха или юная дебютантка. Привлекает, конечно, и блеск самого заведения. Поход в такой бордель напоминает путешествие в неизведанные далекие страны.

«Город, аллея, теряющаяся в глубине квартала, другая аллея, пересекающая ее, подводящая прямо ко входу в небольшой магазинчик с витриной, больше похожей на обычное окно, забранной решеткой и занавешенной грязным полотном цвета детской неожиданности. Три ступеньки перед дверью, за ней тронутая временем стойка, за которой дремлет, качая головой, какая-то женщина средних лет... Узкая лестница, упирающаяся в довольно большую залу, по трем сторонам которой стоят скамейки... На них сидит десяток старух, которым впору варить колдовское зелье в пещерах, в неестественных позах, сторбленных, одетых в какие-то лохмотья, которые больше пошли бы привидениям. На коленях у них лежат чашки для милостыни, которые они прикрывают руками.

Клиент входит, его встречают словами: «Что будете пить? Водку?», а не: «Не хотите ли чего-нибудь выпить?» В борделе всегда пьют одну и ту же водку — пока ее пьешь, она как вода, но едва выпил, кажется, что проглотил морского ежа. Местные зовут этот бордель «Парки». На стенах гравюры с эроти-

ческими сценами, под ними надписи вроде следующей: “Женщина в бархате и искусственные цветы, или Два типа обманчивой красоты”».

Чем ниже мы спускаемся в яму проституции, тем больше мы находим бордели, двери которых выйдут прямо на тротуар, в которых одни сторбленные старухи, в которых клиенты устраивают драки, ночи в которых проходят настолько бурно, что впору вызывать полицию. В кварталах, расположенных близ парижских фортов, в портовых кварталах приморских городов, в недавно отстроенных пригородах в таких борделях каждую ночь встречаются в пивном чаду рабочие, холостяки, солдаты и матросы в увольнении. От улицы заведение отделяет тонкая занавеска. Вышибала выкидывает на улицу опьяневших клиентов, алкоголь продается с наценкой только с полуночи. Как говорят специалисты, в таких местах все происходит по-звериному. Здесь акт любви сведен к самому что ни на есть минимуму — к проникновению в женщину. Порядок и чистоту здесь практически не поддерживают. Вся мебель в зале — столы и деревянные скамьи, в комнатах — одна-единственная железная кровать с соломенным тюфяком. Поборники гигиены и нравов называют эти заведения гнездом порока и отвратительной клоакой, писатели же находили в них неиссякаемый источник романтики и вдохновения. Их привлекало тесное соседство секса, смерти, нищеты, любви и наготы, которое можно было видеть только здесь.

В таких борделях работают и молодые девушки, не сумевшие вырваться из водоворота нищеты, которым никак иначе не заработать на хлеб и ночлег; там работают и уже отцветшие дамы, скрывающие свой возраст с помощью косметики и париков. Посреди залы такая дама не первой свежести, окруженная детворой — детьми проститутток, — пересказывает вслух свои воспоминания, не обращая внимания на

крики, на табачный дым, на лужу засохшей крови, оставшуюся после драки, случившейся уже никто не помнит когда. На площадях Пигаль и Моберт девушки стоят стайкой вокруг кафе и зазывают клиентов. В переулках Марсея и Тулона, в тени стен спящих домов, под звуки механического пианино, в неясном свете зарешеченных фонарей, проститутки нашептывают клиентам на ухо обещания неземного счастья. Вокруг них кварталы, предназначенные под снос, больше похожие на безжизненную пустыню. До самого конца семидесятых годов XIX века слово «трущоба» означало кварталы, где нет места чистоте, — там от деревянных столов несет кислым вином, там со стульев содрана обивка, там по улицам бродят грубые девки, там на стенах похабные надписи. Ночью там нет ни мужчины, ни женщины, там лишь алкоголики и алкоголички, пьющие абсент и заключенные каждый в своем одиночестве. Трущобы — это мрачный мир, отрезанный от остального человечества, подобный, по словам Макорлана, «кораблю, которым управляет проклятый Господом экипаж». Это автономная вселенная, исключенная из нашей обыденной жизни, место, где такие люди, как Бодлер, Ропс и Макорлан могли испытать редкое ощущение спуска по лестнице греха и порока до самого дна общества: «Здесь мы на самом последнем витке спирали, здесь вокруг нас — *foemina simplex* из латинских сатир. Тут и там мы видим, сквозь табачную дымку, естественно худых людей, которых гложет даже не голод, а туберкулез, и наоборот, людей, непомерно ожиревших от лени. В этом непроглядном хаосе живут и двигаются темные массы, о которых возмущенные поборники добродетели не желают ничего знать, там по улицам ходят живые куклы, чьи детские глаза бросают на проходящих страшные взгляды; там за стойкой, заставленной бутылками, отдыхает жирная мегера, ее голова замотана в грязный платок, который отбрасывает на стену тень с двумя кончиками, как бы напоминая нам, что всякий, кто продал свою душу Злу, обязан носить рога» (Бодлер, письма к Ассилино).

Эти бордели постоянно переходят из рук в руки; аукционы устраивают в близлежащих кафе у ворот Сен-Мартен. Новая бандерша когда-то сама сидела на скамейке, затем, проработав несколько лет, стала младшей бандершей или сразу хозяйкой. Ночи здесь коротки: кафе никогда не закрывается раньше четырех утра, девушки, одуревшие от усталости и спиртного, лежат грудой на скамейках и ждут, когда же наконец уйдут последние клиенты. В этой жизни есть даже что-то привлекательное — пустота, страсть и головокружение, вечный беспорядок, который позволяет не думать о грустном; так живет и Марта из романа Гюисманса, не находя в себе сил бросить свою профессию.

Подняться после падения очень сложно. Напротив, упасть еще ниже очень легко; нет ничего проще с головой уйти в нищету, в наготу, которой уже не стесняешься. Ад для проституток в самом деле существует — он располагается на улицах Монжоль и Аслен. Там, в атмосфере, пропитанной испарениями аммиака, в комнатухах с влажными стенами без занавесок, под крышей, в самой верхней ступеньке источенной червями деревянной лестницы, по бросовым ценам предлагают свои услуги женщины. На первом этаже домов, где они живут, есть кафе, или, скорее, некое подобие кафе: комната со скамейками, с печкой, с грязной стойкой, с бокалами дешевого красного вина, с засохшими лужами блевотины; отовсюду пахнет керосином, духами, мочой. На пороге стоит хозяйка, она зазывает клиентов, буквально застаскивает их внутрь за рукав. Внутри сидят одетые в пеньюары девушки, дрожащие от голода и холода, они с нетерпением ждут и надеются, что в заведение зайдет кто-нибудь — землекоп, матрос, золотарь. «Чтоб тебе отправиться на Монжоль!» — худшее из проклятий у проституток. Итак, улица Монжоль — последняя ступень на лестнице проституции. Там течет кровь, там ничто не удержит разъяренного клиента от убийства проститутки.

Франсис Карко пишет, что как-то утром он зашел в один такой бордель и увидел на полу комна-

ты «труп девушки лет двадцати, довольно хорошо ухоженной по меркам места, где она занималась своим делом. На ней были лаковые туфли, ажурные чулки, широкие панталоны, украшенные ленточкой, черная юбка, зеленая фуфайка. Когда девушка была жива, она выглядела слишком хорошо для этих мест; и вот она лежит в луже запекшейся крови, приклеенная ею к полу».

Улица Монжоль — последнее место для последнего свидания. Форт Монжоль, вокруг которого громоздились трущобы и бордели, был снесен в 1929 году, а с ним — и самый квартал. Его сравнивали с землей. Проститутки покинули разрушенные дома, перебравшись чуть подальше, на улицу Шарбоньер, сменив заодно и стиль работы: шагая в ногу со временем, преобразовавшим квартал, где они жили, они мало-помалу избавились от своих хозяек и, так сказать, перешли на самокупаемость, к великой радости сутенеров. Полагая, что таким путем они вырвали для себя кусок свободы, на некоторое время они вернулись в старинную категорию незарегистрированных проституток.

Наём на работу

Чтобы получить работу в борделе, нужно было зарегистрироваться в полиции. Преодолев эту формальную процедуру, девушка переходила в разряд зарегистрированных проституток. Регистрация проводилась по собственному желанию девушки в префектуре; это могло происходить и принудительно, после ареста, но чаще девушка являлась в префектуру добровольно. Она должна была представить свидетельство о рождении и ответить на ряд вопросов о своей личности и о личности ее родителей. Она должна была указать свой возраст, место проживания, предыдущую профессию, уточнить, есть ли у нее дети и живет ли она с ними. Она также должна была указать мотивы обращения в полицию. Затем следовал медосмотр в диспансере при полицейском отделении, после которого девушка полу-

чала полное право заниматься своей профессией в избранном ею борделе, где бандерша немедленно заносила ее имя в реестр, который ее «подопечные» называли «безымянной книгой». При процедуре регистрации полиция не проводила тщательной проверки сведений, предоставленных девушкой, а также не старалась отговорить ее от сделанного ею выбора, даже если она была несовершеннолетней.

Попасть в реестр проституток было, как мы видим, очень легко; гораздо сложнее было добиться исключения из этого реестра. Вот две причины, по которым девушку снимали с учета как проститутку: смерть (довольно частое событие в этой профессии) и вступление в брак (такие случаи весьма редки и всегда вызывали ярость буржуазии*). Также и любовник проститутки мог потребовать снять ее с учета, но прежде, чем принять положительное решение, полиция в таких случаях проводила тщательнейшую проверку источников дохода и состояния заявителя. Порой положительное решение принималось при условии прохождения испытательного срока длительностью от трех до девяти месяцев. Число проституток, которым удавалось вернуться в свою семью и свою исходную профессию, ничтожно мало. В большинстве случаев они «исчезали» — в архивах обычно невозможно обнаружить никаких следов. Полиция в таких случаях временно снимала «исчезнувших» с учета. Всякий полицейский комиссар подзревал девушку, выразившую желание бросить проституцию, во лжи и пытался убедить в том же самом мужчину, который поддерживал ее заявление о снятии с учета. К этой процедуре подходили с большой осторожностью и, как правило, отказывали: как можно вынырнуть из омута? Некая девушка Л. А. добровольно зарегистрировалась в Париже как проститутка в 1893 году. У нее высшее образо-

* Например, Анри Мирёр, специалист по сифилису, писал в 1875 году так: «Такие случаи лишний раз показывают, что деградации подвержен не только слабый, но и сильный пол. Не будем строить иллюзий — мужчины, вступающие в такие союзы, имеют несмыаемые пятна на своем имени, и их единственная цель — стать паразитами и жить за счет своих жен».

Количество проституток, снятых с учета в разные годы

Годы	Положительные решения о снятии с учета по заявлению			Положительные решения о снятии с учета по закону				Итого	
	A	B	C	D	E	F	G		H
1855	67	21	120	251	402	12		5	885
1856	118	27	111	271	591	30	19	12	1179
1857	90	30	73	213	569	19	4	6	1004
1858	73	23	95	215	584		4	10	1004
1859	82	22	120	172	489	12	6	11	914
1860	82	16	47	168	580	3	2	7	905
1861	86	23	1	161	346		1	5	623
1862	116	20		120	423	12	13	3	707
1863	96	22	3	125	488	2	1	6	741
1864	106	26	3	95	509		4	4	747
1865	146	12	1	75	573	18	31	2	861
1866	123	26	4	97	557	1	4	3	815
1867	97	19		59	607			8	790
1868	106	28		53	563			12	764
1869	113	16	1	46	607	2	12	1	800

Причины: А – смерть, В – вступление в брак, С – представление доказательств того, что заявительница больше не занимается проституцией и имеет средства к существованию, D – убытие с места регистрации без паспорта, E – пребывание в статусе пропавшей без вести в течение трех месяцев, F – приговор суда, G – помещение в дом престарелых, H – получение разрешения на открытие собственного борделя.

вание, по профессии она учительница, но она не может найти работу уже два года. Через несколько дней она пишет следующее заявление префекту полиции: «Уважаемый господин! Второго января я переступила порог борделя на улице N... Сегодня я хлопнула за собой двери этого заведения и клянусь, что не вернусь туда никогда, а также что никогда не войду ни в какой другой подобный дом... Я прошу

снять меня с учета проституток, если есть такая возможность. Для достижения этой цели я готова пройти все необходимые формальности, так как я очень не хочу, чтобы мою семью, которая ничего не знает о моем поступке, затронул какой-либо скандал. Очень прошу вас провести всю процедуру с должным тактом. Я храню надежду, что вы, уважаемый господин, ответите на мою просьбу положительно». Мы не знаем, что стало с Л. А., возможно, она просто превратилась в бандершу — они сами вели учет проституток и поэтому не состояли на учете в полиции!

Бандерша

Ее зовут маман или мадам. По закону управлять борделем могла только женщина. При подаче заявления полиция проводила проверку сведений о заявительнице и об ее муже, который должен был дать письменное согласие. Официально единственный мужчина, которому разрешалось жить в борделе в провинции, был законный муж бандерши. На самом деле это правило не соблюдалось, и полиция прекрасно это знала. Хозяин дома обычно исполнял обязанности «начальника отдела кадров», он также отвечал за соблюдение в доме порядка, разбирался со вспыльчивыми клиентами и извещал о происшествиях полицию. Его жена-бандерша вела учет работающих у нее проституток, отвечала за то, чтобы у девушек была одежда и чтобы их нормально кормили, и следила за коммерческой успешностью предприятия. В этом смысле описанная пара копировала разделение труда в обычных буржуазных семьях, где муж и жена также вели дела совместно. Торговцы плотью, они не всегда сходились во мнениях относительно товара, но в процессе переговоров, как это показывает нижеследующий документ, мужчина, как правило, не имел решающего голоса: «Г-ну Лоттену, до востребования, Монс, Бельгия. 21 апреля 1881 года. Мой дорогой друг! Мне грустно, но я должна тебе отказать. Ты хорошо по-

мнишь, что я говорила. Мне не нужны бельгийки, у меня их никогда не будет. Наш дом на улице Сен-Пьер должен открыться в начале июня. У нас еще есть время. У нас есть женщина из Сен-Гилена и еще женщина из Сары, если у нас не будет к июню других, дом откроют они. Но через две недели после этого нам понадобятся еще две — но только не из Бельгии. Они слишком злобные, они слишком внимательно читают “Фонарь”, они слишком умные.

Прости меня, если я тебя обидела, но я ни за что не уступлю. Никогда нельзя нанимать на такую работу образованных женщин. Те, что из Дьеппа, вороват нос, они слишком красивые. Мы и так сильно поиздержались в связи с переездом. Если у тебя будет что-то хорошее на примете, напиши Реймону и прочим, помоги своим друзьям, но мои стофранковые купюры обходятся мне слишком дорого, я не возьму того, что ты предлагаешь; ты поймешь меня — в денежных вопросах наши мнения совпадают. Я хочу, чтобы у меня было достаточно денег. Мне не нужны проблемы, я слишком люблю покой; сейчас у меня все так хорошо, что я думаю: еще немного, и я смогу бросить это дело. Будем надеяться, так и произойдет».

Существует самое настоящее братство мужей бандерш, в которое входят как французы, так и бельгийцы и швейцарцы. Члены братства всегда знают, где самые лучшие цены на недвижимость, они ее и покупают, иногда сами, иногда через посредников, совершая сделки в обход нотариусов, удостоверяя подписи у известных в этом кругу людей — в Париже таких всего трое-четверо, они специализируются исключительно на делах, связанных с борделями, с арендой помещений под них, с их переходом из рук в руки и с последствиями их деятельности. Быть владельцем

* Радикальный общественно-политический журнал известного французского журналиста Рошфора. — *Прим. пер.*

борделя — дело непростое. Примерно четверть домов принадлежит арендаторам и арендаторшам, в то время как собственники этих домов ведут на поверхности жизнь исключительно честных и уважаемых людей, являясь на деле самыми последними из рэкетиров, объединенных в кланы, эксплуатирующие проституцию. Это адвокаты, коммерсанты, рантье, менялы, строители, портные, бакалейщики. Они с легким сердцем поднимают арендную плату вдвое, узнав, что сдаваемая ими площадь будет использована под бордель. Они согласны заключить договор на три, шесть или даже девять лет, при этом все расходы по поддержанию арендуемой площади в нужном состоянии несет арендаторша. Когда бордель на шестой год начинает приносить прибыль, бандерша замечает, что ей остались всего три года аренды, и она просит арендодателя продлить договор. Последний хорошо понимает, что у него не будет никаких проблем сдать свой дом другой бандерше, и поэтому требует подарков и заодно поднимает арендную плату. Поэтому бандерше, чтобы успешно продолжать вести свое дело, приходится раскошелиться, как если бы она была не постоянный клиент, а человек с улицы. В таком случае договор аренды продлевается. Но бордель, вместо того чтобы процветать, разоряется. Арендаторша тонет в долгах, и арендодатель ее выгоняет, заставляя к тому же заплатить за мебель. Бордель временно закрывается, а арендодатель meantime договаривается с другой бандершей за более высокую цену (еще бы, бордель полностью обставлен и готов принять клиентов в любой момент). Именно потому, что рынок аренды помещений под бордель был устроен так, бандерши изо всех сил стремились стать собственницами домов, где они продавали услуги своих «сотрудниц»; большинству из них в последней трети XIX века это удалось.

Лицензия на открытие борделя — то есть реестр работающих в борделе проституток — может быть в любой момент отобрана. Ситуации, по наступлении

которых у бандерши может быть изъят ее реестр, весьма многочисленны; условия работы борделя очень жесткие, они перечислены в административной ноте, выдаваемой хозяйке. Требования, в частности, таковы: регистрировать в течение 24 часов всякую девушку, прибывшую на работу в бордель, в санитарном диспансере; в тот же срок извещать администрацию об убытии/прибытии девушек; предотвращать скандалы, отчитываться о событиях, происходящих в доме; не впускать в дом несовершеннолетних. Также запрещалось одновременное пребывание в борделе матери и дочери или сестер, запрещалось позволять девушкам спать в одной кровати друг с другом, девушкам запрещалось держать при себе своего ребенка по достижении им четырех лет. В Париже дополнительно запрещалось жить в борделе с любовником и даже мужем — впрочем, этот запрет нарушался повсеместно. В провинции требования были менее жесткими, но в любом случае за исполнительной властью всегда оставалось право немедленно закрыть бордель при возникновении каких бы то ни было проблем.

В повседневной жизни борделя все выглядело иначе. Арендатор, муж бандерши, обедал в борделе, даже если, как это часто бывало, он держал недалеко от борделя кафе, а по вечерам «забывал» из борделя уйти. Девушки часто спали по две в одной кровати, а в салонах совершенно спокойно играли дети, которым уже давным-давно исполнилось четыре года, меж тем как дамы не уставали ими восхищаться и ласкать их. «Принц-консорт» также не ограничивается тем, что протирает зеркала и подметает свое кафе. Он — важная фигура, он — главный «самец» борделя, самец с большой буквы; иногда его уважают, иногда им восхищаются, он делает дамам комплименты и успокаивает их. Он всегда готов быть «четвертым» в затеянном дамами преферансе или утешить впавших в меланхолию «сотрудниц». Он жмет руку комиссару полиции, играет в карты с местными буржуа, изображая на лице достоинство уважаемого человека, если не дворянина. «Месье»

провинциального борделя, где работала гонкуровская Элиза, носил изящную бородку и одевался, как самый настоящий буржуа. Он проводил вечера, «засунув руки в карманы брюк, оттопырив большие пальцы, одобрительно рассматривая своими большими глазами, оплетенными варикозными венами, книгу с иллюстрациями про убийства, которую читал его сын». А г-н Филибер заботится о делах своего магазинчика, как курица-наседка о цыплятах, и вызывает всеобщее уважение.

«Месье» и «мадам» — обычно крепкая семья. Хозяйки великих парижских домов терпимости частенько отправлялись со своими мужьями на воды, оставляя власть в руках младшей бандерши. Часто сама «мадам» — бывшая младшая бандерша, которая сумела пробиться в хозяйки, или бывшая проститутка, каким-то невысказанным образом скопившая состояние. На поверхности бандерша — сама нежность, но свое дело она ведет железной рукой. Между ней и ее «сотрудницами» — непреодолимая пропасть. Она принадлежит к другой расе. «Всегда выше всех» — таков девиз любой бандерши. Она продает любовь, но никогда не продаст себя. Продажная любовь — ниже ее, она лишь возбуждает желание и вызывает любопытство.

«Она была высокого роста, в теле, вела себя приветливо. У нее была бледная кожа, и поэтому в тени фойе казалось, что она светится, блестит, словно покрытая лаком... Распрявленные плечи, высоко поднятая голова, неприменная улыбка на лице. Она весело шутила, в ее речи можно было услышать оттенки сдержанности, которую ее новые занятия еще не до конца уничтожили. Громкие слова все еще немного шокировали ее, и когда какой-нибудь юнец называл заведение, которым она управляла, тем словом, которым такие заведения полагается называть, она возмущалась, вне себя от отвращения. В конце концов, ее душа была из деликатнейших, и хотя она обращалась со своими «подопечными» как с подругами, она никогда не отказывала себе в удовольствии повторить вслух, что

она «совсем из другого теста»» (Ги де Мопассан «Заведение Телье»).

Хозяйке борделя требуется в самом деле жесткая хватка, иначе она не сможет поддерживать в своем доме дисциплину и порядок. Поэтому бандерша не может быть совсем молодой — она должна изначально производить впечатление «старшей» на своих «сотрудниц». Кроме того, полиция не очень жалуется бандерш, которым меньше двадцати пяти лет. Так, одна замужняя девушка двадцати одного года от роду получила отказ на заявление об открытии борделя по следующей причине: «Эта женщина, хотя и не была никогда проституткой, обладает всеми качествами, необходимыми для управления домом терпимости; однако же ее возраст не дает нам возможности разрешить ей открыть такой дом; если бы она не была замужем, такое разрешение было бы ей выдано; видимо, эта дама и ее муж, намеренные вести дела совместно, не понимают, что такая просьба столь юной пары, к тому же лишь недавно вступившей в законный брак, совершенно неуместна, поэтому в данном случае администрация не может оставаться безучастной к вопросам нравственности и отказывается дать ход заявлению данной пары».

По словам Паран-Дюшатле, «дело это (управление борделем. — Л. А.) деликатное и требует обладания многими качествами, как то: настойчивостью, отличным здоровьем, а также моральной и физической энергией. В хозяйке борделя должно быть что-то от командира, от самца, не терпящего себе равных, иначе она не сможет править в борделе по своей воле; если же, помимо этих качеств, у дамы хороший послушной список, если она никогда не попадала в руки полиции, если она честна, если она не участвовала в подрывной деятельности, если она не склонна к алкоголизму, если она умеет читать и писать, если, в свою бытность обычной проституткой, у нее не было склонности к нарушению правил поведения — если все это так, то такой даме можно, не

опасаясь, выдать разрешение открыть бордель». Прибыль хозяйки борделя может быть достаточно велика и доходить до 600 франков в день* — именно поэтому они должны вести себя так, чтобы «сотрудницы» подчинялись им беспрекословно.

Бордельные девки

Иные историки не стесняясь называли проституток, работающих в борделе, вьючным скотом и сравнивали их жизнь с жизнью вола на пахоте. Они были не слишком далеки от истины. В момент регистрации девушки лишаются всего — своего тела, своего времени, своей личной жизни. Все это им больше не принадлежит. Обычно они знают, что их ждет, так как в бордели редко попадают новички. Кроме того, бандерши и сами предпочитают девушек «с опытом», то есть тех, которые, переступив утром порог борделя, готовы вечером обслуживать клиентов. Они уже стреляные воробьи и, что называется, не первый год замужем. Они знают, что бандерша выставит на улицу клиентов, которые пришли «поразвлечься», то есть просто поласкаться к девушкам, не переходя к «главному» (и, соответственно, не платя). Они знают, что они будут делать в борделе, и, как только шок добровольного заключения и отказа от внешнего мира проходит, они спокойно принимают свою жизнь пансионерок. И в конце концов, бордель — это крыша над головой и кусок хлеба. Они совершают этот шаг из-за того, что их выгнали из дому, из-за того, что их бросил возлюбленный, из-за того, что на другой работе им мало платят. Они, короче говоря, знают, на что идут.

«Хлеб в обмен на плоть! Она готова продать себя любому, кто будет готов заплатить, без разбора. Теперь вся ее жизнь будет состоять из “любовей”, длящихся пару минут, она будет удовлетворять звери-

* Для сравнения: в сороковые годы XIX века, по свидетельству доктора Виллерма, дневной заработок работника текстильной фабрики составлял 2 франка.

ные страсти незнакомых мужчин. Ей придется изображать ласки, когда-то от чистого сердца подаренные любимому человеку, ложью воскрешать в себе давно угасшие чувства. Люси Тираш находила удовольствие в том, что воображала оргии и извращения, в которых ей придется участвовать. Она проклинала себя, по ее щекам катились обжигающие слезы, но ее лицо было таким круглым, что они надолго задерживались там, и только став совсем тяжелыми, падали на ее руки, сложенные замком на юбке».

Средний возраст бордельной проститутки — 20—25 лет. Чаще всего они потеряли невинность лет в шестнадцать, отдавшись юноше из своего круга, а вовсе не сальному извращенцу-буржуа, как пишут журналисты. Они, в большинстве своем, уже имеют опыт торговли своим телом, хотя еще никогда не работали в борделе. Их заботливо воспитали родители — чаще всего они вовсе не брошенные дети, «плоды страсти», какими их хотят видеть писатели; они не росли в полном одиночестве, они просто оказались вынуждены покинуть привычную для них среду и переехать во враждебную. Отцы проституток чаще всего рабочие или мелкие буржуа: средней руки рантье, хозяева магазинчиков, кафе, зеленчики, мелкие рестораторы, лотошники, ремесленники (чаще всего каменщики или текстильщики). Матери проституток — поденщицы, домашние хозяйки, служанки, швеи, закройщицы, белошвейки, модистки, точильщицы, прачки, ткачихи, вышивальщицы. Почти половина бордельных проституток умеют читать и писать. На момент своего попадания в бордель они могут похвастаться отличным здоровьем и хорошим телосложением, ведь без этого им не удастся приспособиться к ритму избранной ими новой жизни. Их прежние профессии — модистка, белошвейка, ткачиха, точильщица, служанка, камеристка, повариха, официантка, певичка, лотошница. По крайней мере они так говорят — мы вовсе не обя-

заны им верить. Вероятно, регистрирующаяся проститутка желает немного приукрасить свое прошлое, а именно, скрыть тот факт, что она и раньше жила порой за счет торговли собой. Кроме того, насколько можно судить по статистике, девушки обычно не различали начальные стадии обучения профессии и настоящую работу. Уволенные хозяевами фабрики, которые несколько месяцев безуспешно пытались их соблазнить, выставленные за порог женами буржуа, которые сумели разглядеть, что их экономка слишком красива, они не сумели чаще всего найти работу; что же им, симпатичным молодым девушкам, оставалось делать, чтобы не умереть с голоду?..

С точки зрения моралистов с каменным сердцем, добродетель которых не устает возмущать выставляемый напоказ порок, первый шаг к проституции — безделье. Затем в их черном списке идет небрежность и малодушие, к которым присоединяются тщеславие и желание «себя показать». Однако, пропев эту свою песенку против продажной любви, которая есть не что иное, как оскорбление общественной морали, они соглашаются, что корень проституции — это все же нищета. «Нищета способна довести человека поистине до звериного состояния... девушки, изгнанные из своих семей, оставшиеся без родителей, без друзей, без крыши над головой, оказываются в безвыходном положении — они должны или умереть с голоду, или стать проститутками! Одна из этих несчастных, не лишенная чувства собственного достоинства, боролась до последнего, пока не была вынуждена признать свое поражение — когда она пришла в полицию с целью встать на учет как проститутка, медосмотр выявил, что она ничего не ела три дня подряд».

Для всех этих поборников санитарии, врачей, писателей, стражей общественной морали, которые не уставали в ту эпоху заниматься классификацией всего маргинального, проститутка представляла собой

загадку, так как отклонялась от нормы в двух в отношениях: и социально, и сексуально. Поэтому они хотели вывести ее в отдельную категорию, приписав ей атрибуты, характер и природу, которые бы могли объяснить этот вопиющий факт — ее существование.

Прежде всего проститутка — ребенок. Она никогда не сможет стать взрослой. Она — как бы набросок женщины, женщина недоделанная! Она ребенок, она сумасшедшая, она дикарь! Проститутка и получает свои основные свойства от этих трех существ: неполноценность, незрелость от ребенка, лабильность и капризность от сумасшедшего, беззаботность от дикаря. С начала времен сама ее профессия положила предел ее развитию. Некоторые исследователи, например Фью, которые претендовали на то, что сумели изучить «девок» научно, неаприорно, не стесняясь пишут (в случае Фью в 1892 году), что проститутки «лишены исторической памяти об эволюции человека, поэтому они находят удовольствие во всем, что свойственно зверю».

Проститутка постоянно кипит, в ней нет ничего стабильного: она в один момент может перейти от мрачного молчания к безумной радости, от почти аристократической вежливости к площадной брани. Она ужасно суеверна, верит в знаки, часами гадает себе на картах, пытаясь узнать будущее. Она постоянно что-то говорит, без конца щебечет, она уже оглохла от бесконечных слов, она тонет в океане фраз и не знает, что говорит. Ее психика настолько лабильна, что она меняет свои взгляды каждые пять минут, а заодно меняет и туалеты, и настроение, а иногда и бордели. Разумеется, она постоянно лжет, всегда и везде. Ей нельзя верить, ведь «привычка ко лжи глубоко укоренена в проститутках. Корень этой привычки — фальшивость, поддельность их положения, их скованность, а также и те мнения, которые обычно о них составляются: одни бегут от родителей, другие скрываются от правосудия. Эта старается спрятать поглубже какой-то недостаток, заслуживающий наказания, эта хочет выглядеть жертвой, в

то время как причиной ее падения были лень и кокетство. Видя в окружающих одних только врагов, они пытаются обмануть всех сразу и поэтому врут даже о самых незначительных обстоятельствах своего прошлого».

Давая волю своему подчас безумному гневу, не в силах подавить в себе жгучую ревность, она часто кричит, что приводит к хрипоте; врач же, желающий все разбить на категории, проводит медосмотр и заводит новую рубрику — «охрипшая проститутка». Ее темперамент проходит по рубрике «лимфатический» в 80% случаев. Иные умудряются измерить даже способности проституток к соблазнению. Некий доктор Жаннель в 1863 году изобрел шкалу физической привлекательности «жриц любви», разделив их всех на пять категорий: «В первую группу попадают те женщины, в которых мы, к сожалению, обнаруживаем цвет и привлекательность молодости, пусть и тронутые ядом их позорной профессии; во вторую группу попадают женщины, сохранившие до известной степени внешнюю красоту; в третью группу попадают женщины, внешний вид которых посредствен, в четвертую группу попадают уроды, а в пятую — настолько старые или ужасные женщины, что лишь с трудом можно поверить, что они зарабатывают на жизнь проституцией. Число осмотренных женщин: 629. Первая группа: 39 женщин, 7%. Вторая группа: 116 женщин, 19%. Третья группа: 170 женщин, 27%. Четвертая группа: 205 женщин, 32%. Пятая группа: 99 женщин, 15%».

Этот подход, это пагубное пристрастие создавать для собственной защиты и самооправдания разнообразные типологии проституток, получил свое логическое завершение в возникновении в восьмидесятые годы XIX века целой научной школы. Идеи ее пришли из Италии и России, основоположниками стали Лом-

брозо*, Ферреро и Полина Тарновская**; их взгляды предписывали видеть в проститутке существо недоразвитое, этакое дебила, дегенерата в физическом и психическом смысле, к тому же страдающее от тяжелой наследственности. Начиная с конца XIX века у этих антропологов-криминалистов появились весьма активные конкуренты-французы. С их точки зрения, отношения «проститутка — нормальная женщина» устроены так же, как отношения «преступник — нормальный мужчина». Поэтому они, в духе теорий своих итальянских коллег, занимались измерением и расчленением тела проститутки с целью найти в нем аномалии. Разумеется, они их нашли: точно по Ломброзо и Ферреро у проституток париетальные базы гипертрофированы, совершенно неправильно устроено затылочное отверстие, лоб узкий, носовые кости аномальны, у них альвеолярный прогнатизм***, черепной склероз, наконец, необычно огромные челюсти и скулы! Что касается половых органов, то там наши исследователи тоже обнаружили массу сюрпризов. Оказалось, что у 2% проституток необычно сильно развиты лобковые волосы, у 16% гипертрофированы малые половые губы, а у 13% процентов слишком большой клитор. Полина Тарновская отмечала, что средний диаметр головного мозга у проституток на много миллиметров меньше, чем у нормальных людей, а стало быть, и их умственные способности также гораздо меньше! Ничего удивительного в таком случае нет и в их психической ненормальности: «Слабоумие одних соответствует жестокости у других, а у некоторых доходит до стадии идиотии».

* *Ломброзо Чезаре*, знаменитый итальянский криминолог, создатель теории, объяснявшей преступность антропометрическими и анатомическими отклонениями у преступников в сравнении с нормальными людьми. В конце XIX века теория Ломброзо пользовалась большой популярностью, впоследствии была опровергнута.

** Жена знаменитого русского венеролога Вениамина Тарновского (1837—1906), автор фундаментальных работ по этиологии и лечению сифилиса, который также являлся последователем Чезаре Ломброзо и выдвигал аналогичные взгляды на природу проституции. — *Прич. пер.*

*** Альвеолярный прогнатизм — разная форма нижней и верхней челюстных дуг с некоторым выступанием последней. — *Прич. ред.*

Итак, были созданы две категории проституток: первая — проститутки с недостаточными умственными способностями, которые делились далее на слабоумных и беспечных, вторая — проститутки с нервной патологией, которые далее делились на истеричек и нечувствительных к стыду...

Ничего не делать, не думать, как можно меньше двигаться, быть постоянно расслабленными и небрежными — вот единственный образ жизни, который они были способны вести в силу своих недостаточных физических и умственных способностей. Они шли по жизни, столь мало осознавая себя как личность, столь мало понимая, что происходит в окружающем их мире, что их фактически нельзя считать вменяемыми, ответственными за то состояние, в котором они оказались, настолько они беспечны, настолько они инертны и неспособны из этого состояния выйти... Как иначе объяснить то остервенение, с которым сообщество проституток рассматривается как совокупность уродов, как понять эти постоянные попытки загнать проституток в этакую кунсткамеру, если не видеть за всем этим пещерный ужас перед женским полом, который источают проститутки? Вот что писал Поль-Жан Коньяр в своей диссертации по криминологии, в которой, как он считал, нет ни грамма эмоций: «Как описать ментальное состояние женщины, которая каждый день совершает половые акты десятки раз без малейшего к тому желания с незнакомыми ей индивидуумами, порой пьяными? Такая женщина отказывается даже от той привилегии, которая есть у самок животных — выбирать самой себе самца». В центре внимания оказываются, конечно, и половые органы проституток. Доктор Мирер, санитарный врач города Марсель, заявлял, что осмотрел более тысячи проституток. Он вводил им во влагалище лакмусовую бумажку и проверял кислотно-щелочную реакцию его различных частей. А Паран-Дюшатле занимался изучением половых органов проституток с 1836 года и был вынужден признать, что, за редчайшими исключениями, не смог обнаружить никаких

аномалий. Он также осмотрел более тысячи парижских «жриц любви» и лишь у троих сумел обнаружить гипертрофированный клитор — при этом все три заявляли, что их вывела на панель нищета, а во все не желание предаться разврату.

Итак, у проституток железное здоровье, нормальные половые органы, беспечная душа... Что ж, тем больше резонов презирать их. Проповеди ненависти и отвращения к проституткам произносились от имени науки и общественной морали почти целый век, с упорством, достойным лучшего применения: «Проститутка, за немногими исключениями, существо совершенно чудовищное: если в ней и можно видеть красоту, свойственную ее полу, то найти в ней чувственности и изящества нельзя. Ее чувства притуплены неумеренностью во всем; ее характер испорчен жестокостью мужчин, которым она отдается. Ее речь возмутительна и развязна. В ее сердце нет любви; она играет в страсть, не испытывая ни грана желанья, все ее жесты и ласки — ложь, сплошная ложь». Их моральная нечувствительность и сила их тела не дает большинству из них впасть в истерию. Но что более всего подчеркивает их спокойное отношение к пороку, так это татуировка! Она очень беспокоит наблюдателей, они видят в ней окончательный знак принадлежности к профессии, такую каинову печать — конечно, ведь ее присутствие позволяет наконец указать на некий телесный порок у проститутки, к тому же неустрашимый. Разумеется, чем больше на девушке татуировок, тем более она порочна. Татуировки могут быть на плечах, на руках, между грудями, на лобке; знакомые матросы или бывшие заключенные выкалывают там по просьбе девушек свои имена, инициалы, пробитые стрелами сердца, головы людей, девизы, розы, кольца, рукопожатия, звезды, занавески. Татуировки, как ничто другое, демонстрируют их навыки в любви их любовникам и детям.

Конечно, у проституток есть и самоощущения, и самое важное из них — презренность. «Они очень хорошо осознают гнусность и мерзость своих заня-

тий; они сами для себя ужасны; презрение, которое они испытывают к самим себе, часто превосходит то, что испытывают к ним добродетельные люди; они страдают от того, что пали, они строят прожекты и даже прилагают усилия к тому, чтобы вырваться из своего круга, но все эти усилия тщетны, и больше всего их приводит в отчаяние то, что они знают — что бы они ни делали, их всегда будут считать отбросами общества».

Впрочем, одновременно со всем этим они еще и добрые, щедрые, дружные, хорошие матери и кормилицы. В известных обстоятельствах они сбрасывают с себя маски, особенно когда одна из них должна родить; они соревнуются за расположение матери и ребенка, стирают для малыша белье, встают ночью укачивать его, так что сама мать порой чувствует, что ребенка у нее отобрали. Большинство растит своих детей в борделе, где они окружены любовью и за ними все ухаживают; потом, когда те подрастают, они из кожи вон лезут, чтобы заработать денег и отдать ребенка в хороший пансион или отослать его к кормилице в деревню, от которой, впрочем, они скрывают род своих занятий. Они, как все матери, очень привязаны к своим детям и стараются дарить им подарки настолько часто, насколько это возможно. Ну и в конце концов, многие из них верующие! Часто в их комнатах можно найти не только пеньюары, но и иконы с Богородицей и Младенцем. Они молятся Богу и по возможности ходят в церковь. Когда хозяйка борделя Телье закрывает его на день и вешает объявление «закрыто по причине первого причастия», никто не удивляется. Когда подходит момент евхаристии, Роза, Флора и Луиза не сдерживаются и начинают рыдать: «Все те же давние воспоминания оказываются слишком тяжелы для них, и они заливаются потоками слез». Лео Таксиль отмечал, что в бордельных кварталах Марселя царит необыкновенное возбуждение, когда по улицам идут крестные ходы. На лице почти каждой де-

*А. Тулуз-Лотрек. Женщина, надевающая чулок.
Этюд. Альби. Музей Тулуз-Лотрека. 1894 г.*

Плата за удовольствие.
Рисунок на античной вазе.

Развлечения
в общественной бане.
Германия. 1470 г.

А. Хубертус. Крестьяне в публичном доме. Фламандская гравюра. XVI в.

Н. Кнюпфер. Сцены борделя. Амстердам. 1630-е гг.

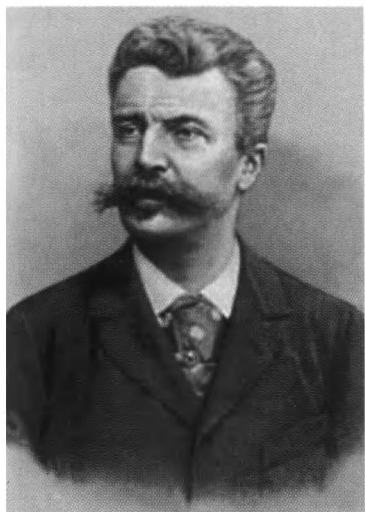

*Э. Мане.
Олимпия. Париж.
Музей д'Орсе.
1863 г.*

*Э. Мане.
Портрет
Эмиля Золя.
Париж.
Музей д'Орсе.
1868 г.*

Ги де Мопассан.

Александр
Дюма-сын.

Э. Мане. Нана.
Гамбург.
Кунстхалле. 1877 г.

Бланш д'Антиньи,
известная
французская певица
и куртизанка
XIX века.

Теодор де Банвиль, французский
поэт, страстный поклонник
Бланш д'Антиньи.

Люс, партнер и любовник
Бланш д'Антиньи.

А. Карье-Безель. Маргарита Белданже. 1864 г.

Жан Лоррен.
Сатирический рисунок.

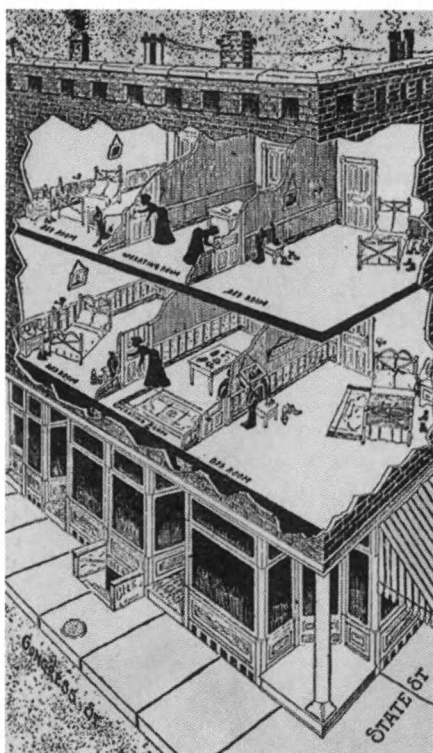
Братья Эдмон и Жюль Гонкуры.
Рисунок П. Гаварни.

Жемчужная Кора,
известная французская
куртизанка
рубежа XIX и XX веков.

Надгробная плита
на могиле Жемчужной Коры.

Лейпциг: дни ярмарки
(на работе и ночью
с красоткой).
Почтовая открытка.
Начало XX в.

Публичный дом «в разрезе».

Париж. Улица Сен-Мартен. 1880-е гг.

Шато-Гонтье. Главная улица.
Конец XIX в.

Париж. Улица Сен-Дени.
1880-е гг.

Париж. Площадь Республики. 1880-е гг.

Марсель. Портовая набережная. XIX в.

Публичный дом
в Денвере. США.
1885 г.

Проститутки,
ожидающие
клиентов.
Греция. Салоники.
Почтовая открытка.
Начало XX в.

Клиенты
выстраиваются
в очередь у входа
в публичный
дом. Греция.
Салоники.
*Почтовая
открытка.
Начало XX в.*

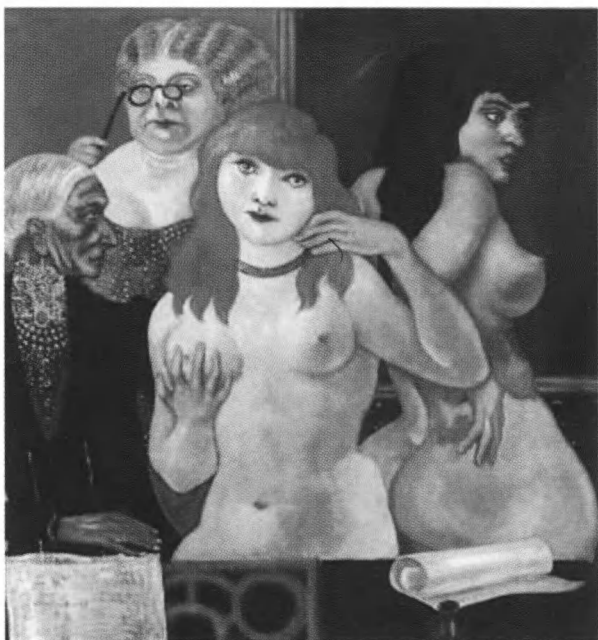
Улица «красных
фонарей»
в одном
из городков
на территории
Юкона. США.
1899 г.

Солдаты у дверей публичного дома. Франция. Почтовая открытка. Начало XX в.

Л. Фуджита. Дом терпимости на Монпарнасе. Фрагмент. Париж. 1928 г.

*А. Тулуз-Лотрек. В Салоне на улице де Мулен.
Фрагмент. Альби. Музей Тулуз-Лотрека. 1894 г.*

Обитатели одного из борделей на Западе. США. 1880-е гг.

вушки в этот момент можно прочесть знаки сильнейшего религиозного экстаза. Все бордели, даже самые нищие и маленькие, украшают стены покрывалами, к которым прикрепляют цветы; гирлянды тянутся от дома к дому; над дорогой в воздухе подвешены маленькие триумфальные арки с синими и белыми ленточками — цветами Девы Марии. Когда процессия идет мимо, сводни и проститутки становятся на колени и prostируются перед статуей Мадонны. Когда в такой квартал заходит какой-нибудь кюре, чтобы получить свои четверть часа удовольствия, его освистывают изо всех окон, и если он непредусмотрительно не переоделся в штатское, ему приходится ретироваться — его стыдят все девушки, которых он встречает на пути. Сводни напоминают ему о стыде и отказываются впустить в свои заведения, проститутки обзывают его свиньей и развратником. Приходится несчастному возвращаться к своей пастве...

Бордельные проститутки знамениты своей крепкой солидарностью, они всегда готовы помочь друг другу, подставить плечо, утешить. Они знают, что никому до них нет дела, кроме них самих; только их товарищи по несчастью могут понять их и пожалеть их. Глубину их чувств можно видеть, когда одна из них умирает. Это отмечали все: покойницу сопровождает на кладбище целая процессия. Девушки из соседних борделей приходят поклониться к гробу умершей и оросить ее тело святой водой. Уходя, они оставляют немного денег на похороны, а когда наступает сам день похорон, «они выходят на улицу толпой, собираются или у дверей больницы, или у борделя, где работала покойная, все одеты в черное, все в белых чепчиках. Они взяли эти платья напрокат у старьевщика. Построившись в пары, держа в руках молитвенник, они следуют за гробом в церковь, а затем и на кладбище; прохожие вовсе не освистывают процессию, нет, они снимают шляпы, перед гробом идет священник, за ним несут крест —

как на похоронах всякого достойного христианина. Может быть, их сплачивает осознание их равенства перед лицом смерти? Все они вместе, одетые в черное, следуют шаг за шагом за серебряным распятием и гробом, и иной прохожий спрашивает себя — к какому ордену приналежат эти монахини, провожающие свою покойную сестру в последний путь?».

Повседневная жизнь

В борделе вся жизнь проходит в тесном сплочении с коллективом, от подъема до отбоя. Невозможно выкроить ни секунды, чтобы остаться наедине с собой. Повседневная жизнь проституток — отрицание индивидуальности: у девушек не должно быть ничего, что бы они могли спрятать, ни их собственного тела, ни души. Эта насильственно учрежденная общность напоминает, как это ни парадоксально, жизнь монахинь, которые также отказались, причем, как и проститутки, по собственной воле, от своей уникальности, но во имя Бога. Даже ночью девушка может быть частью общества, так как зачастую у нее нет отдельной комнаты, а есть только кровать, которую она к тому же принуждена делить с другой своей коллегой, несмотря на официальный запрет полиции. Чтобы жизнь в таких условиях была сколько-нибудь выносимой, от девушек требуется некий минимум вежливости и уважения к своим «сестрам». Вот так и протекает каждый день. Когда в борделе появляется новенькая, ее тут же хватают «старые» и устраивают ей форменный допрос, прежде чем принять ее в свой круг. Это своего рода ритуал инициации, который помогает девушке вписаться в коллектив. Все девушки разные, вместе они напоминают разноцветный букет, они же должны создавать атмосферу радости, создавать шарм и уникальность заведения. Каждой из них предлагается изображать свой тип женщины, так, чтобы на любую мужскую фантазию у бандерши нашелся ответ: «Ферранда играла роль красавицы блондинки, очень высокого роста, очень толстой, даже жирной, она была родом

из деревни, розовые пятна никак не хотели сходиться с ее тела; Рафаэль, портовая шлюха родом из Марселя, изображала красавицу еврейку (персонаж, без которого не обходится ни один бордель), худую брюнетку с выступающими скулами, припудренными розовым. Ее черные волосы, смазанные говяжьим костным мозгом, были завиты в кудряшки... Розовая Роза, маленький шарик из плоти с кругленьким животиком и коротенькими ножками, пела с утра до вечера своим хриплым голосом то похотливые, то сентиментальные куплеты; она закрывала рот, только чтобы прожевать пищу, а последнюю жевала лишь для того, чтобы у нее были силы говорить, она двигалась изящно, как лань, несмотря на свой вес и на свои короткие ноги... Две женщины с первого этажа, Луиза, по прозвищу Кокотка, и Флора, по прозвищу Трапедия (она немного хромала), играли каждая свою роль — Луиза была Свободой и всегда была завернута в национальный флаг, а Флора была таинственной испанкой; в ее волосы было вплетено ожерелье из монет, которые позвякивали при каждом шаге. Впрочем, они обе выглядели как поварихи, разодевшиеся к карнавалу. Похожие на самых обычных женщин, ни слишком красивые, ни уродливые, они производили впечатление двух служанок с постоянного двора, и в порту их прозвали «две собачки»» (Ги де Мопассан «Заведение Телье»).

Все вместе девушки данного конкретного борделя должны представлять собой всех женщин земного шара. Задача бандерши была непростой, ведь ей нужно было добиться одновременно естественного и броского сочетания «типов»: блондинок, брюнеток, русых, стройных, худых, полных. Что касается внешнего вида, то должны быть как «женщины с грудью», так и «худые, похожие на злобных школьников»; веселые девушки должны были быть «разбавлены» задумчивыми, brutальные типы должны были соседствовать с романтическими. Играла роль и география: в провинциальных борделях собира-

лись девушки из самых разных районов и стран, в великих борделях были обязательно «негритянки», «еврейки», голландки, любимые за их характер, туниски, запоминающиеся своей веселостью, — все они вместе создавали букет, «полный набор». И, конечно, среди них должна была быть дежурная девственница. «Если у сводни хорошо идут дела, у нее всегда есть про запас девственница. Иначе она не может гарантировать исполнение любого желания. Обычно эта девственница хилая, тщедушная, узловатая, у нее коротко стриженные волосы, одета она под молодую фабричную работницу. Иногда, чтобы сделать обман более убедительным, ей мазали сажей руки и лицо и выдавали за дочь местного угольщика. Переодетую таким образом девушку впускали в слабо освещенную комнату после захода солнца, где уже сидел нетерпеливый старик, который дорого заплатил за такой «деликатес»».

В провинциальных борделях с их постоянной клиентурой от девушек требуется смелость, даже наглость, подтянутость и страстность. Веселые девушки с головокружительным декольте, похожие на юных собачонок, пользуются заслуженной популярностью, однако самые опытные любовницы могут дать им фору. Эти женщины, прошедшие долгий путь по дороге продажной любви, имеют стержневой характер, но «способны задать клиенту такого жару, что он их запомнит на всю жизнь, и могут своей страстью воскресить даже мертвого». Девушка, ведущая себя, как на первом причастии, и краснеющая при всяком незнакомом ей слове, способна возбудить самые нескромные инстинкты, в то время как женщин более строгого вида, одетых учительницами, предпочитают многие нерешительные гости; их привлекает вид защитницы: «Вот эта, с видом матери семейства, — прошептал мне на ухо Филибер, — она лучше всех подходит для наших тупых деревенщин, которые хотеть хотят, а сметь не смеют. Она же хороша для того, чтобы избавляться от ме-

стных пьянчужек; у нее строгий вид, но она сама добротна, укладывает клиентов спать. Она могла бы быть сестрой милосердия. Когда мы бодем, именно она за нами ухаживает».

Отношения между девушками нежные, они делятся друг с другом своими тайнами, своими страхами. Совместная жизнь сближает их, у них одни и те же надежды, одни и те же заботы, одни и те же беды. Они делятся друг с другом всем, порой даже клиентами. Когда бордель покидает последний гость, когда власть в коридорах наконец захватывают тишина и тьма, девушки идут спать в общую спальню. Между богато украшенными комнатами, где они принимают клиентов, и почти монашескими комнатами, где они спят, — пропасть. В спальне есть только самое необходимое: кровати, больше ничего. Никаких или почти никаких гигиенических приспособлений, как свидетельствует в 1888 году Кофиньон. Запах, как в казарме, на окнах решетки: «В большой комнате в мансарде под самой крышей спят тридцать шесть женщин, по паре в каждой кровати. На спинках кроватей висят пеньюары, на полу лежат шляпные коробки, напоминающие заплечные мешки пехотинцев с картинок про войну». Спальня всегда находится под самой крышей, зимой в ней очень холодно, летом в ней очень жарко. В провинциальных борделях и борделях средней руки «жительницы» зовут спальню курятником, в великих борделях — сундуком. «Величие» борделя, кстати, вовсе не исключает нищету спальни для «работниц»: «Из обстановки только три железные кровати, в которых девушки обычно спят парами. На полу стоят огромные чаны с грязной водой — именно так протекает у проституток туалет. Стены оклеены отклеивающимися обоями, на которых можно видеть следы огня — девушки жгут их, чтобы получить сажу для ресниц и бровей. Экономия на макияже».

* Требование ставить решетки на окнах спальни проституток содержалось едва ли не во всех муниципальных правилах содержания борделей.

В кафе проститутки обычно и спят, и работают в одной и той же комнате. Иногда в этих борделях низшей категории клиент может, за дополнительную плату, остаться ночевать у девушки. Опыневшие или падающие от усталости после занятий любовью, они ждут рассвета, но не спят. В эти часы девушка не находит себе места от страха, страха быть зарезанной в собственной постели; в этом страхе они не стеснялись признаваться Франсису Карко: «Какой же ужас переживают девушки после вечера любви, лежа рядом с клиентом, который и не думает спать! Как же они его боятся! Они читают на его лице скрытую животную страсть, желание сделать что-то ужасное с их покорным лицом, с их телом, нечувствительным от усталости».

В борделях, служащих заодно кафе, расположенных в воинских или портовых кварталах, девушки не имеют права идти спать до самого утра — они должны быть на месте, пока не уйдет последний клиент. Что это — садизм со стороны бандерши, которая надеется, что под самое утро к ней заглянет дружная компания, желающая развлечься с ее подопечными? Вполне возможно. Ведь ее девки принадлежат ей целиком, они, их душа и тело — ее собственность. Девушки, напротив, умудряются сообща выделить себе немного времени для сна до разрешенного часа: «Часто можно видеть, как женщина, передвигаясь как сомнамбула, похожая походкой и серым цветом кожи на раненую летучую мышь, заворачивается в шаль, в накидку, во все, что попадет ей под руку, и ищет скамейку, рядом с которой меньше всего наплевано. Там-то она и садится на пол, вытягивая ноги, этаким мешок с мятым грязным бельем. Едва усевшись, она сразу засыпает, иногда просыпаясь от собственного храпа. Пробудившись, она приподнимается на локте, смотрит вокруг себя непонимающим взглядом» (Э. де Гонкур «Девка Элиза»).

Утро в борделях всегда грязное и тошнотворное. Затхлый запах пролитого вина, отвратительный аромат невымытого тела, объедки — все говорит о том, что вчера произошло что-то такое, о чем лучше забыть: «Недоеденные раки, засохшие букеты, пустые флаконы из-под духов, пахнущие хуже, чем сам грех... Там и тут какие-то бумажки... Жирные пятна... Помойка — вот что такое спальня в борделе».

Девушки встают поздно, в десять-одиннадцать часов утра. Признания, поцелуи, утешения. Они выходят из прожаренной спальни и спускаются в столовую завтракать. Иногда их будит звон ключей младшей бандерши, обходящей помещения. За столом идет беседа, обсуждаются события вчерашней ночи, прибыль. Девушки потягиваются, откидываются на спинки кресел, курят. Затем они переходят в салон. Одетые в пеньюары, они обычно шьют, вяжут, читают газеты, рассказывают друг другу разные истории. Спокойствие и скука, как в каком-нибудь доме отдыха. «Всю первую половину дня она вяжет, полулежа на диване, следя за тем, чтобы успеть убрать ноги с пряжи, когда по коридору проходит мадам; она считает, что такие позы не дают телу по-настоящему отдохнуть» (Э. де Гонкур «Девка Элиза»). Ближе к четырем часам дня появляется младшая бандерша с приказанием заняться туалетом. Отовсюду появляются кремы, лосьоны, косметика, все ходят туда-сюда. Девушки тщательно разглядывают друг друга, очень много времени уходит на прием ванны, на уход за телом. Затем появляется парикмахер, его всегда приветствуют радостными криками. «Зажигается небольшая горелка, чтобы разогреть щипцы, девушки толпятся вокруг мастера, как дети, которые хотят, чтобы им рассказали сказку». За прическу и укладку платит непосредственно бандерша. Все остальное — парики, завивка, окраска волос — за счет заказавшей эту услугу девушки. Впрочем, парикмахер все делает за полцены — это его плата за привилегию работать в борделе.

ле. После этого настает час одевания, час важный, час ритуала. Бандерша всегда дает девушкам советы, оценивает их вид, предлагает надеть те или иные драгоценности, пользуется моментом, чтобы рассказать девушкам об особенностях грядущего вечера: «Сегодня нужно выглядеть особенно привлекательно, к нам должен прийти один важный господин. Он очень симпатичный человек, у него много денег; за ту из вас, кому удастся его заполучить, он заплатит долги и той он купит обстановку. Вот увидите, это я вам говорю».

В них всегда теплится надежда уехать, гипотетическая возможность изменить свою жизнь. Бордель — это всего лишь порт, девушки, его узницы, у которых ни собственности, ни денег, готовы покинуть его в любой момент. Нельзя забывать — им ничто не принадлежит, ни их одежда, ни украшения, ни постельное белье. По идее бандерша должна предоставлять девушке бесплатное жилье, стол, топливо, свечи, белье, одежду, парикмахерские услуги и прочее. В реальности она заставляет их за все это платить. Из-за этого девушки постоянно вынуждены занимать, они в долгах уже в тот момент, когда переступают порог борделя, так как переезд — за их счет. В Париже бандерши ведут учет кредитов; суммы долгов бордельной проститутки могут превышать 2 тысячи франков, а порой и 4 тысячи! Девушкам, впрочем, выдают деньги на покупку украшений, обязательных подарков, деликатесов. Экономика борделя — вещь закрытая, весь товарообмен происходит только внутри. Бандерша торгует всем: она для девушки и белошвейка, и портной, и сапожник, и все остальное. Но главное — ее цены в пять — восемь раз выше рыночных. Приведем для примера данные инспектора нравов Луи Фьо: шелковая ночная рубашка на рынке стоила 25 франков, в борделе — 90, пара туфель стоила на рынке 12 франков, в борделе — 50, пара чулок на рынке стоила 6 франков, в борделе — 35.

Кроме того, купить что-либо девушки могли лишь в редких случаях, как правило, они брали одежду напрокат, за 20–50 франков в неделю; при этом надо понимать, что предмет, гордо называемый бандершой пеньюаром за 60 франков, на самом деле представлял собой неопределенного вида кусок тюля за несколько су... В борделе нет ничего бесплатного, нужно платить даже за чулки, даже за ленточки для волос, даже за стирку. Часто девушке объясняли, что постельное белье будут менять только раз в две недели и что, если она хочет, чтобы его меняли чаще, пусть раскошеляется. В день своего прибытия в бордель у нее есть только накопленные в предыдущем борделе долги, которые, вероятно, согласилась погасить ее новая хозяйка. В день своего отъезда у нее все также ничего нет, кроме новых долгов второй хозяйке, которые, возможно, согласится погасить третья. Ей принадлежит только то, что на ней одето в день приезда, а это весьма немного, если верить Жаку Терно, который сумел отыскать в полицейском реестре арестантов следующие две записи: «Мария, в 1833 году, в возрасте 19 лет, имеет при себе синее платье, зеленый платок, красный передник; другая Мария, в 1833 году, в возрасте 32 лет, имеет при себе белое платье из хлопка, передник в белую и красную клетку, красный платок из хлопка, фиолетовую кофту».

Бордельная проститутка никогда не видит денег, которые зарабатывает. В провинциальных борделях ей достаются «чаевые», то есть подарки от клиентов, а также процент от доходов дома, который зависит от «выслуги лет»; впрочем, этот процент никогда не превышает 50% тарифа за «услуги» и весь уходит на оплату долгов девушки и текущие расходы (постель, еда и т. д.). Все расчеты осуществляются с помощью жетонов: поднимаясь с клиентом на второй этаж, она опускает жетон в копилку, запертую на замок; каждое утро копилку открывают и заносят результаты в учетную книгу, однако бандерша всегда имеет возможность обмануть девушку, «не заметив» ее жетона. В Париже девушкам обыч-

но достается полный тариф, однако бандерши все так хитро устраивают, что девушка весь заработок тратит в борделе: чаевые слугам, вино, подарки на день рождения бандерше, украшения, шоколад...

В пять-шесть вечера девушки снова спускаются в столовую обедать. Обед обильный, долгий, во главе стола сидит бандерша или ее муж, атмосфера совершенно домашняя: «Нет, все же смотреть на такое застолье — одно удовольствие! Все лица приветливые, яркие; за столом сидят пять хорошеньких девушек, от каждой глаз оторвать нельзя, все они разные (ведь бандерша должна уметь найти товар на любой вкус), во главе стола храмовым идолом сама мадам... Появляется Эжени, она обычная пансионерка, но ведет себя как младшая бандерша; она подает жареных цыплят, уже стоят открытыми пять бутылок...»

В великих борделях и в провинциальных отелях для мелкой буржуазии кормят хорошо и обильно, так как считают стол способом удержать «сотрудниц», которые, напомним, постоянно мечтают о том, чтобы покинуть бордель. В небольших борделях, которые содержат жадные хозяйки, кормить могут плохо, могут совсем не давать мяса. В одном борделе на Монпарнасе девушек кормили исключительно сардинами и говяжьими губами. Девушки подали жалобу в полицию, бордель закрыли.

После обеда, часто сопровождающегося обильными возлияниями, девушки поднимаются наверх одеваться. Требования к костюму в каждом борделе определяет полиция. В некоторых девушкам позволено появляться перед клиентами почти в обнаженном виде, в других это запрещено. Часто они одевают трико с корсажем, туники с глубокими вырезами, подчеркивающими линии их тела, открытые пеньюары, прозрачные ночные рубашки; также обычно они носят туго натянутые чулки.

Почти все пудрят щеки и красят губы. Некоторые подводят брови и ресницы жженой спичкой. Иногда, обильно накрасившись, они выходят к клиентам совершенно голыми.

Ожидание

Они ждут. Они ждут клиента, пьют, убивая время. В провинции бордель открывается в восемь вечера и закрывается в полночь. В великих парижских борделях жизнь начинает кипеть начиная с одиннадцати вечера. При борделях для мелкой буржуазии обычно есть кафе, оно открывается после обеда, и девушки спокойно спускаются в общий зал и подсаживаются к клиентам, пьют и беседуют с ними, и только потом уводят их на второй этаж «заняться делом». В таких местах салон — не место эротической выставки, скорее это площадка для встреч, оазис мечтаний и нежности, где весьма приятно поболтать, покурить, выпить: «Офицер открыл бутылку шампанского, пробка с грохотом ударила в потолок. Женщины вскрикнули, вино полилось в бокалы. Чокнулись. Затем было недолгое молчание, пока присутствующие опустошали бокалы, затем их снова наполнили. Офицеры беседовали друг с другом, не обращая внимания на женщин; студент одной рукой пригладил свои длинные волосы, другой приласкал своих соседок Жермену и Эмилию, которые вернулись в салон». Девушки наливают клиентам и пьют сами. Они не имеют права вести клиента наверх, пока он не потратил известную сумму, что, в приложении к системе жетонов, приносит значительные прибыли хозяйке. Обычно пьют шампанское и бургундское. В лучших борделях бокал абсента стоит 3 франка, шампанское от 20 до 30 франков, бургундское — 10 франков за пол-литра. Иногда девушек штрафуют за то, что они не пьют с клиентом; в ответ на это девушки научились обманывать хозяйку, наливая себе в бокалы подкрашенную воду. Существовали бордели, где в салоне стояли столы с двойным дном, что позволяло девушкам тайком выливать содержимое

своих бокалов в специальные емкости, в то время как клиент пил в свое удовольствие.

Если клиенты приходят компанией, это очень подозрительно. Младшая бандерша подходит к двери с зарешеченным глазком, запертой на два оборота, открывает ее и изучает потенциальных гостей. Если возникает проблема, она зовет хозяйку. Особую опасность представляют пьяные компании молодежи, моряки в увольнении, которые готовы на все, лишь бы прервать вынужденное воздержание, обманутые клиенты, которые возвращаются на место, где их обидели, зараженные сифилисом! Происшествия случаются редко, но иногда принимают дурной оборот. В этих случаях обычно выясняется, что нападавшие хорошо подготовились к атаке: «Заговорщики бесшумно выстроились в шеренгу вдоль стены; один из них тихо постучался в дверь борделя, ему открыли, не чувствуя никакой опасности. Он тут же схватился за ручку, а другие со всех ног ворвались внутрь; в результате пострадали все: и бандерша, и ее помощница, и шесть проституток были жестоко избиты руками и ногами, их почти голыми вышвырнули на улицу, а некоторых сбросили в сточную канаву».

Наиболее спокойные клиенты усаживаются в салоне и переходят к делу не спеша: заказывают для дамы бокал шампанского или рюмку ликера, чаще всего мятного или шартреза, их особенно любили в борделях. Они как будто хотят просидеть в салоне весь вечер; наконец, после несколько раз повторенного младшей бандершей предложения выбрать себе девушку, какие-то гости делают свой выбор и отправляются наверх. Оставшиеся девушки переходят в другой салон, где сидят другие клиенты, и все начинается заново, а те клиенты, кто не сделал свой выбор, остаются в первом салоне.

Если клиент приходит один и в первый раз, ритуал несколько меняется: подвергнув гостя обычному здесь осмотру, младшая бандерша кричит на весь

дом: «Закрывать двери!» Во всех салонах, где есть в этот момент люди, немедленно закрываются двери, благодаря чему обеспечивается инкогнито всех гостей заведения. Все девушки мгновенно оставляют соблазняемых ими клиентов и отправляются в самый большой и роскошный салон борделя, где они качают бедрами и принимают самые привлекательные позы, показывая себя во всей красе новому гостю, который, если его намерения серьезны, расспрашивает младшую бандершу о достоинствах каждой присутствующей. Иногда у клиентов — обычно это самые молодые — не хватает средств на то, чтобы позволить себе девушку; в таких случаях они заявляются в бордель компанией, предварительно собрав в общую кассу необходимую сумму. Они отдают деньги младшей бандерше, которая достает колоду карт, тасует ее и дает пришедшим вытянуть по карте. Тот, кому достается туз червей, отправляется в комнату с выбранной им девушкой; об этом так и говорят — «пойти вытянуть туза». Частенько потом выясняется, что счастливый победитель тайком вручил младшей бандерше спрятанную им в кармане купюру!

Болезнь

Девушки работают в постоянном страхе заразиться сифилисом. Они хорошо понимают, что от этого у них нет никакой гарантии и защиты, они постоянно говорят друг с другом об этом, отчего только сильнее боятся. Если девушка заразится и болезнь обнаружат, она, скорее всего, потеряет работу. В любом случае никто из них не может отказаться обслуживать клиента. Но как узнать, здоров он или нет? Младшая бандерша, конечно, подвергла его тщательному допросу и пощупала его в нужных местах, но этого может оказаться недостаточно. Многие девушки и сами расспрашивают клиента, но ведь он вовсе не обязан говорить правду. В некоторых домах в самом деле принято проводить пальпацию полового органа клиента, прежде чем допускать

его к девушке, а там и она сама повторит операцию. «Эта общая пальпация мужского полового члена, осуществляемая женщиной без медицинского образования по сто раз на дню — заметим к тому же, что медики давно отказались от этого метода, а женщины, которым в борделях рекомендовано это делать, вскоре бросают это отвратительное занятие — не имеет ничего общего с нормальным медосмотром», — пишет доктор Аиддар. Но что же все-таки делать? Жестко следить за состоянием здоровья, регулярно вызывая врача для медосмотров, следить за собой, наконец можно ничего не делать, как будто никакой опасности нет... Именно на такой путь порой заставляли ступить фатализм, легкомыслие и желание заработать... Итак, если девушка заболела сифилисом, бандерши порой позволяли ей продолжать работу, а когда в бордель приходили врачи, умело маскировали заболевание. Отношение к бордельным проституткам всегда было одинаковым — это машины для удовольствия, которые не могут остановиться, ведь они работают, даже когда у них месячные и риск заражения многократно увеличивается. Когда они вынашивают ребенка, они все равно работают практически до самых родов — есть желающие заниматься любовью именно с беременными... Труженицы любви, они не имеют права на отдых: «Это половой процесс, идущий без остановки, без прерыва. Это бесконечный ряд людей-животных, которые приходят туда один за другим удовлетворять свои желания, проявлять свою звериную суть. Единые в своей анонимности, они бросают свои тела всех возрастов, всех запахов, всех цветов кожи на одно-единственное тело одной-единственной женщины. Никаких передышек, никаких пауз».

Медосмотры, проводимые к большому неудовольствию бандерш, противящихся им изо всех сил, организуются в больницах и диспансерах. Обычно медосмотр проводится раз в неделю, чаще всего бесплатно. Девушки боятся его как огня. Если у них

находят болезнь, врачи заточают их на много недель в больницу, где условия жизни и санитарные условия могут порой быть просто ужасными*. К концу XIX века распространяется практика проведения медосмотров непосредственно в борделях; такие осмотры проводились три-четыре раза в месяц. Осматривал девушек специальный врач, получавший за это компенсацию от муниципалитета, его сопровождал агент полиции нравов и иногда военный врач. Агент полиции нравов должен был, в соответствии с должностной инструкцией, «помогать врачу с почтительностью и усердием»... «По мере того как женщины проходят осмотр, врач вклеивает в их карты — и одновременно в учетную книгу — специальную марку, на которой указывается состояние их здоровья и пишется диагноз; врач может промолчать, а может громко объявить поставленный им диагноз. Его слова достаточно для того, чтобы больную девушку арестовали». После проведения осмотра врач и полицейский отправляются в мэрию к уполномоченному секретарю. Ему они передают запертую на ключ, единственный экземпляр которого хранится у этого секретаря, коробочку, куда врач опустил жетоны, число коих совпадает с количеством девушек, проживающих в борделе... Если у какой-то девушки обнаружили сифилис, ее немедленно забирают из борделя и помещают в больницу; приставленные к ней санитары не стесняются кричать на нее и осыпать ее оскорблениями.

«На последний лестничный марш ступил полицейский, за которым шли два человека в белых халатах. Все трое двинулись навстречу девушке. Увидев их, она попятилась. Вдруг в ней проснулся гнев, ярость, направленная против мадам, которая попросту бросила ее в беде. Ее мускулы напряглись, в порыве бешенства она тигром накинулась на бандершу: «Ты мне заплатишь. Это ты виновата, потаскуха проклятая! Ты пускаешь в свой вонючий сарай любого мерзавца. Да, это ты во всем виновата, я сде-

* См. далее главу 3.

лаю все, чтобы твой поганый дом закрыли — я знаю, ты пускала к нам детей, которым не исполнилось семнадцати! Только подожди, вот я выздоровею, такое тебе устрою, мало не покажется, и тебе, и твоему гадкому коту” Два человека в белых халатах взяли ее под руки и повели вниз; девушка вырывалась».

Желание

Девушка, работающая в борделе, должна уметь делать все: разбудить в клиенте желание, суметь его удовлетворить, суметь сделать так, чтобы он пришел еще. Для начинающих бандерша организует курсы, в которых участвует странная каста мужчин, которых зовут «пробниками»; они приходят неизвестно откуда и никогда не живут при борделе. «Пробников кормят бифштексами с кровью и поят первосортным бордо и дополнительно к этому платят им 15—20 франков в день. Несмотря на такой режим питания, эти несчастные “рабочие сцены” изысканной страсти в скором времени теряют способность выполнять свои обязанности, исчезают из вида и заканчивают свои дни в какой-нибудь больнице, проработав всего несколько месяцев». В самом деле, несчастные люди — им не удастся удовлетворить страсть этих женщин, неудовлетворимую по своей природе, ведь они одновременно и чудовищные вампиры, вдыхающие запах спермы и высасывающие из мужчин, которые, как правило, гораздо здоровее их, жизненную энергию, и «рабочие лощадки», у которых никогда не снашиваются «копыта».

Клиентура состоит из людей разных сословий, посещающих бордель более или менее регулярно в зависимости от своей состоятельности. Были разработаны несколько типологий клиентов, сопоставление которых позволяет утверждать, что проституция четко отвечала потребностям общества. Рассмотрим, к примеру, классификацию Феликса Реньо,

опубликованную в 1906 году: «1) развратники, которые падки на все “новенькое”, желания которых могут удовлетворить только самые опытные женщины; 2) люди стеснительные или только начинающие половую жизнь, не осмеливающиеся ухаживать за женщинами; 3) уроды; 4) женатые мужчины, жены которых больны и не могут исполнять свои супружеские обязанности, а также все прочие мужчины, у которых недостаточно средств на то, чтобы вступить в брак или содержать любовницу».

Я бы добавила сюда женатых мужчин, жены которых рассматривают половой акт исключительно как средство произведения потомства, считая при этом, что чем быстрее он протекает, тем лучше. Не стоит также забывать и о тех, которые требуют от своего супруга воздержания. Как говорится, «если хочешь, чтобы муж не шлялся, переломай ему ноги». У проститутки важная социальная функция — она служит сексуальной отдушиной, она часто для мужчины его первая женщина. По данным Флекснера, 33% процента женатых мужчин посещали публичные дома до вступления в брак. Самыми многочисленными клиентами являются военные и молодежь, как в провинции, так и в городах. Эти молодые люди принадлежат разным социальным слоям, но чаще они служащие или дети из обеспеченных семей. Их особенно любят проститутки: они вежливы, веселы, умеют расположить к себе, а иногда и влюбляются. Например, некий юноша по имени Андре в 1914 году страстно полюбил некую проститутку Виолетту, «сотрудницу» одного борделя в Ле Мане. Бордель располагался на улице Пан де Горрон, Андре посещал его регулярно и там познакомился с Виолеттой, чье настоящее имя было Габриэль. Они каждый день писали друг другу письма и, решив, что не в силах изменить судьбу друг друга, решили вместе покончить с собой, предварительно приняв дозу кокаина с шампанским. Андре оставил предсмертную записку: «Мы подарим друг другу смерть». Он выстрелил из пистолета в девушку, но промазал, а затем застрелился сам. Виолетту выгна-

ли из борделя. Расследование пришло к выводу, что причиной самоубийства стали «алкоголизм и эротизм», но затем стало известно, что через несколько дней после самоубийства Андре должен был быть призван в армию... Любовь или страх перед казармой — мы уже никогда не узнаем... Известна также история убийства некоей дамы по имени Рено, которую любил один мужчина; он предложил ей бросить все и уехать с ним, она отказалась. Застрелив ее, мужчина застрелился сам. По этому поводу Альфонс Эскирос, воспеватель проституток, которых он считал героинями своего времени, написал: «Что же! Эта женщина, приговоренная, презренная, униженная — она выше вас, мои дорогие голубки: у нее был совершенный возлюбленный, нежный, покорный, молящий, неутомимый, который покончил с собой, когда понял, что не может сломить волю своей возлюбленной и заставить ее быть себе верной».

Несмотря на все это, обычно отношения клиент — проститутка вовсе не так полны страсти и ревности, но все же эти отношения выходят за рамки обыденного, не укладываясь в известные клише: в буржуазных публичных домах частенько между клиентом и женщиной возникает настоящая привязанность, рожденная привычкой, нежностью и даже уважением друг к другу. Даже Эдмон де Гонкур, который очень старался сделать свою «Девку Элизу» правдивым репортажем о реальных событиях, а не романтической сказкой, отметил эту особенность отношений, наблюдая за клиентами-солдатами: «Для солдата проститутка всегда остается женщиной... Солдат ее любит, ревнует ее. Солдат отдает ей свое жалованье, которое ему платит государство. Солдат выводит ее на прогулку с гордостью. Солдат пишет ей письма». Деревенские клиенты испытывают сходные чувства — «продажная девка» для них скорее любовница, подруга, а не «машина похоти», «сточная канава»... «Эти девушки, которых люди, проводящие дни в поле, видят в борделе, с их изящ-

ным бельем, с их волосами, пахнущими жасмином, с их розовыми ногтями, с их белыми руками, не знающими работы, с мягкостью их жестов, с кошачьей нежностью их речи, с их страстным взглядом, каких не встретишь в деревне, эти девушки, которых они видят в газовом свете и в блеске зеркал, которые выглядят богинями, восхищают их, увлекают их как великие куртизанки увлекали когда-то знатных мужчин». Эта нежность представляет собой, несомненно, один из важнейших компонентов, без которых не может возникнуть связь, объединяющая клиента и его проститутку. Удовольствие обрастает привычками. Но что на самом деле происходит в голове у клиента? Его ласкающая вежливость может быть лишь игрой... или просто отражением иллюзий писателей. Не забудем также и то, что сам факт оплаты удовольствия порождает удовольствие. И все же в борделях в небольших городках девушки служили для своих клиентов confidentками, старыми подругами, которым можно рассказать все и с которыми приятно посидеть у огня, а затем и лечь в постель. С ними клиент переживает маленькие романы. Их целуют в обе щеки, им рассказывают семейные новости, кто заболел, кто выздоровел; в целом отношения клиент — проститутка превращаются в отношения буржуа — любовница. «Каждому — своя» — таков мог бы быть девиз борделя Телье, где время от времени возникали самые настоящие пары: г-н Васс, судья арбитражного суда, и сама мадам; г-н Полен, бывший мэр, и Роза; г-н Пенпесс, финансовый инспектор, и Фернанда; г-н Таннерво, солильщик, и Рафаэль. Бордель, и это ни для кого не секрет, остается при этом местом, куда юноши из мелких и средних буржуазных семейств приходят потерять девственность, несмотря на то, что правила содержания борделей это запрещают; местом, куда приходят расслабиться мужчины, по каким-то причинам лишенные возможности жить нормальной половой жизнью (матросы и военные, о которых так замечательно писал Карко). «В приморских городах, где пронзительно воют сирены маяков, разве не смеша-

ны для моряка в жгучее зелье нежность любви к девке и жестокость разлуки с ней? Сами девки, кажется, избавлены от необходимости его пить, и в этом тоже заключена их привлекательность. Тот, кто хоть раз слышал в этих молчаливых и одновременно шумных домах истошный крик матроса, вернувшегося в город с трансатлантическим рейсом и не умеющего сдержать своей радости, знает, что в этот момент даже самая тупая из девок внезапно на мгновение замолчит, прислушиваясь. Она поднимет голову и мысленно сопоставит свою жизнь с той, которую ведет этот матрос, на море, под звездными небесами; она вздрогнет и постарается поскорее забыть об этом».

Мужчины предпочитают немного полных женщин среднего роста. Высокие и очень толстые реже привлекают их внимание. Брюнетки с нежной кожей очень популярны, в то время как блондинок считают безвкусными. Клиенты любят хорошо крашенных девушек, с подведенными глазами и красными губами. Старики — наименее требовательные клиенты, но девушкам они нравятся меньше всех... Проститутки, нужно это еще раз подчеркнуть, не имеют, конечно, права выбирать и обязаны выполнять все, даже самые странные желания клиента. Так что же происходит на втором этаже борделя, куда девушки уходят с клиентами? Что делается за закрытой дверью комнаты любви? Немногие авторы брались за этот сюжет; самые романтические натуры среди них говорили об эротических страстях и изысканном вкусе раннего утра, проведенного в объятиях девушки. Другие просто рассказывают о числе раз, о позах, об эволюции нравов. В среднем за ночь в борделе среднего уровня девушка совершает четыре-пять половых актов, но это среднее ни о чем не говорит, так как порой в «базарные дни», то есть в выходные и праздники, бьются все мыслимые рекорды. В великих борделях у девушки бывает минимум четверо мужчин за ночь, а за

день — семь-восемь. В борделях средней руки девушки могут целыми днями вышивать, но когда наступает период выплаты жалованья, то есть начало месяца, частенько бывает, что к девушке за ночь заходит до 15 человек. В дни, когда тянут жребий на военную службу, в борделях также наблюдается приток клиентов, молодых людей, вытянувших несчастливый билет; в таких случаях бандерши вызывают «подмогу». Например в Леваллуа в дни призыва «можно наблюдать душераздирающие сцены, когда совершенно обнаженные девицы стоят, как ни в чем не бывало, в окнах своих борделей».

Разброс цен может быть поистине чудовищным. Тариф зависит от класса и от популярности борделя. В великом борделе клиент заплатит за один раз 10 франков, а в каком-нибудь вшивеньком заведении в провинции отдаст за то же самое 3 франка (данные на начало XX века). Однако по всей Франции тарифы для борделей одной категории были примерно одинаковыми; во время Первой мировой войны цены несколько поднялись, затем снова упали. Разные заведения предлагают разные «дополнительные» услуги. В борделе Телье, например, г-ну Полону не нужно ничего лишнего, он делает все побыстрому. Но не все клиенты таковы, так как, напоминает нам Луи Фью, «в борделе разрешается все». Минет заказывают восемь клиентов из десяти, пишет Таксиль, часты и анальные половые акты. Девушкам обо всем этом заранее известно, и они не имеют права отказать.

В самых дорогих борделях красота обстановки и экзотика в услугах становились в течение XIX века все более изысканными; там занимались самыми эксцентричными и редкими вещами, благодаря чему моралисты получили право говорить, что бордели стали самыми настоящими храмами извращений: самое банальное требование клиента, предъявляемое практически каждый день, — это любовь с двумя, а то и с тремя девушками одновременно. При-

чем чаще всего такие желания высказывают люди солидного возраста и самого серьезного и строгого вида. Другие испытывают удовольствие только в крайне специфических условиях, которые, разумеется, им предоставляются: «Мужчины доводят изысканность до мерзости, требуя целовать не только их половые органы, но и анальное отверстие. Другие делают то же самое женщинам, которых выбирают. Есть люди, которые не могут совершить акт любви, если их не высечь, при этом чем их больше секут, тем большее они испытывают удовольствие. Нет ни одного борделя для аристократии, где бы для этой цели не держали специальные розги. Некоторые желают бить выбранную ими женщину... Некоторые маньяки не удовлетворяются тем, что их секут до крови; им еще нужно, чтобы им ввели под кожу в мошонку длинные серебряные иглы. Мне рассказывали, что один клиент потребовал от женщины, специалистки в этих делах, чтобы она сделала ему несколько легких надрезов перочинным ножом». Нельзя не упомянуть и еще несколько экспонатов этой галереи охотников за страстью — людей, которые не могли испытывать удовольствие, если на их тело не укладывали шкворчащий омлет прямо со сковородки (представьте себе, таких клиентов было много!), копрофилов, пассивных и активных, клиентов, которые заказывают «лапки пауков» (особый тип ласк, очень ценимый в то время), клиентов, которые любят, чтобы их подвешивали к потолку. И это еще далеко не полный список. В борделях имеются все необходимые аксессуары: хлысты, веревки, прозрачные столы, собаки и даже гермафродиты (только в самых дорогих домах, так как это редкий товар). Большая часть наблюдателей утверждают, что сексуальные запросы богатых медленно, но верно эволюционировали от желания совершать плотский акт до желания наблюдать за совершением такового другими. Разумеется, вуайеризм всегда был важной частью самого механизма формирования желания, но бордели постепенно переходили к тому, что «живые картинки» делались

едва ли не основным товаром. В особой комнате устанавливалась специальная машина, бандерша организовывала эротическую сцену: на черном ковре обнаженные девушки садились или вставали в вызывающие позы, их освещали свечи, при этом пол, на который был уложен ковер, крутился, и неподвижные девушки в мерцающем свете свечей казались восковыми куклами, застывшими в позах любви. Вуайерам скоро стало не хватать простых дырок, просверленных в стенах или в дверцах шкафов; тогда были придуманы комнаты, в которых, сидя в кресле, клиент мог наблюдать и слышать все, что происходит в соседней комнате, для чего применялись специальные занавеси, обои, к перегородкам между комнатами подводились специальные трубы, усиливавшие звук, ставились линзы и прочее. К началу XX века бордель для богатых совершенно изменил свое назначение — он перестал быть местом потребления, он стал местом, где можно было заниматься тем, что запрещено за его стенами.

Дети

Увы, у самых грязных извращенцев в сексуальных фантазиях фигурируют и несовершеннолетние. Мы не можем без боли в сердце рассказывать о судьбе, уготованной детям в иных борделях. При этом, разумеется, не следует забывать, что представления о том, каким должно быть у ребенка детство, значительно изменились, и в XIX веке они были совсем не те, что сейчас, в частности, в те времена дети работали на фабриках рабочими и никто не считал это чем-то из ряда вон выходящим. И вот иные жадные до развлечений крупные буржуа потребовали предоставить себе и этот тип плоти, не испытывая при этом, кажется, ни малейших угрызений совести. Братья Гонкуры отмечают в своем дневнике в сентябре 1853 года: «Десять су. Совсем юные господа мастурбируют на лестнице. За два су у дома неплохо идут дела: приходят богачи и роб-

кие юноши. Ни одной женщины моложе шестидесяти».

Иногда несовершеннолетние оказываются поддельными. Об этом свидетельствует Марсель Верт, художник, расписывавший бордели; вот выдержки из записанного им рассказа об истории, приключившейся с ним в Париже: «Я хорошо помню комнату в мавританском стиле с огромной кроватью в центре; нас усадили в кресла у стен, чтобы мы могли видеть это зрелище. Негр и бледного вида юноша не имели у нас большого успеха, у другой пары — девушки и юноши — все вышло гораздо интереснее. Затем была негритянка в маске с белой собачонкой, та ничего не хотела делать, мне стало скучно, как вдруг в мерцающих лучах света в комнату вошли две маленькие девочки... Две маленькие девочки благонаправленного вида, с бантами, вплетенными в косы, в милых туфельках, совсем тоненькие, хрупкие... Они разделись, аккуратно складывая одежду. Я даже попытался сделать пару набросков, все это было очень изящно и мило. На следующий день я пришел совсем один на улицу Шатоден и попросил младшую бандершу вывести для меня этих двух девочек. Она открыла дверь в салон, и я увидел на диване в стиле рококо двух чахоточных, примерно лет тридцати, обе ожидали клиентов, одна вязала, другая читала “Пти Паризьен”».

В некоторых борделях для нормальных мужчин (всего в пяти-шести) большим спросом пользовались маленькие мальчики. Их одевали в яркую одежду, им вплетали ленты в волосы, сажали их в салоне, увешанном порнографическими картинками. По словам Тардьё, бандерши порой переодевали их в девочек или, наоборот, старили их, рисуя им усы. Один полицейский комиссар рассказал Фью, что в одном второразрядном борделе в парижском пригороде работал мальчик одиннадцати лет «с совершенно изуродованной психикой». Хозяева специальных борделей для педерастов — как правило, это были мужчины — имели контакты со специальными агентами, которые находили для них разных «со-

трудников»: военных, слуг, камердинеров, юношей. Но и всякая уважающая себя бандерша великого борделя имела у себя полный ассортимент «мальчиков» для удовлетворения своих клиентов-гомосексуалистов. Обычно любители такого рода развлечений приходили парами, брали двух девок и номер с двумя кроватями; девок они вскоре отсылали и переходили к своим делам, правда, потом бандерша брала с них дополнительные деньги. В шестидесятых годах XIX века в Париже работал один из самых шикарных борделей Европы. Он располагался в хорошем квартале, снаружи выглядел как обычный, но старый и неухоженный дом, им управлял мужчина лет шестидесяти с помощницей, существом без пола, которую называл своей теткой. Там назначали друг другу свидания мужчины всех сортов и достоинств, а хозяин иногда и сам подстраивал встречи.

Лесбиянки

«Несмотря на отвращение, которое подобные мерзости вызывают даже в душе врача, и на ужас, испытываемый мною при одной мысли, что мое перо опишет подобную низость, картина должна все же быть завершена... Последуем же за этим крещендо извращений и спустимся на самое дно». Что же, в самом деле, последуем за благонравным г-ном Фьо и спустимся на самое дно, как будто не зная, как это указано в описаниях, исследованиях и воспоминаниях моралистов XIX века, что проститутки чаще всего были одновременно лесбиянками, содомитками, «существами без имени». От всех этих пороков дома терпимости ходили ходуном, пороки переплетались, роились... Порок этот заражает женщину в ее собственном доме из-за, как пишет Паран-Дюшатле, обильной пищи, игривости и похабных бесед, или в тюрьме, откуда выходят многие проститутки. Рождению греха иногда также способствует физическая близость. От дружеских признаний, нашептанных на ухо подруге перед сном, до любовной связи всего один шаг... который так легко сделать в

этом закрытом женском мире, где все время тратится на то, чтобы смотреть на себя, ощупывать себя, мыться, причесываться... Что это — проявление ненависти к мужчинам или женская солидарность? «Одни приходят к этому из-за ненависти к сутенеру, который порой морил их голодом, из-за отвращения, испытываемого по отношению к этой толпе самцов, которую они приговорены удовлетворять; они все пьяны мужчинами, их тошнит от мужчин; они пытаются выделить из этой толпы хоть одно запоминающееся лицо, и им это не удается — все они одинаковые, различаются только телосложением и толщиной кошелька... Другие приходят к этому просто в результате совместной жизни: такое тесное сожительство существ одного пола и не может закончиться ничем иным».

Их зовут неразлучницами, сестрами. Они любят друг друга, рвут друг с другом, ревнуют друг друга, шпионят друг за другом. Бандерши любят таких женщин, ищут их. В дни, когда «пансионеркам» официально разрешается выходить из борделя на прогулку, такие парочки запираются в комнате для клиентов с бутылкой ликера и конфетами. Новенькие обычно стараются отбить «любовные атаки» коллег, и от уже «павших» требуется все умение, весь опыт и вся нежность, чтобы соблазнить их.

«Лея продолжала щекотать ее, ее пальцы касались всех частей тела, всех округлостей, подобно лапкам бегущего паука. Люси нехотя сопротивлялась; ее кожа дрожала от нежных прикосновений, от легких уколов ногтей Леи. Она заметила, что испытывает необычное чувство; ее грудь стала подниматься и опускаться... Лея схватила ее за талию и стала целовать в шею и в грудь. Своим розовым языком она лизала белую кожу Люси, отвердевшие соски ее груди; внезапно, как в приступе гнева, она страстно поцеловала несколько раз ее гладкий живот, а затем резко зарылась головой между ее ног, крепко сжав ей бедра. Люси пробила дрожь, она закрыла глаза, закрыла лицо руками, и, под влиянием

растекавшейся по всему ее телу неведомой страсти, она ощутила, что ее мускулы напрягаются и расслабляются в нежном ритме, который становился все быстрее и быстрее».

По традиции женщина, которой удалось соблазнить свою подругу и одержать эту победу, должна была на следующее утро после ночи любви поставить на стол две бутылки шампанского, одну перед собой, а другую перед своей новой возлюбленной, чтобы все в борделе знали. Если их любви суждено продолжаться, они переживут много минут утонченной нежности и одновременно моменты взаимной ревности. Они иногда могут в знак своей верности выколоть на животе имя своей подруги. Лесбиянками являются и некоторые бандерши. В архивах полиции хранится несколько жалоб бордельных проституток на непрекращающиеся приставания к ним со стороны хозяек. В богатых борделях лесбиянки — самые популярные проститутки, так как «игры в лесбийские сцены составляют основную часть того, что девушки показывают клиентам в салоне, и женщины, которые действительно этим занимаются, могут показать себя гораздо эффектнее». В некоторые бордели, знаменитые именно этой своей особенностью, например, в Шабане, приходят и женщины — купить себе удовольствие с девушкой, как это делают мужчины. В Париже было четыре-пять борделей для дам высшего света, склонных к лесбийской любви; в них инкогнито соблюдалось особенно строго. Если верить Таксилю, более четверти проституток — лесбиянки, если же верить Мартино, который места себе не находил от самой мысли о лесбийской любви, то нет ни одной проститутки, которая не была бы лесбиянкой, а те, кто ими не является, рано или поздно ими становятся. Думать так очень удобно, так как сразу можно поделить проституток на две категории — лесбиянки с постоянными партнершами и без таковых. Редкие женские пары в борделе ни-

когда не переживали ссор и никогда не ревновали друг друга. Они заперты в своем коконе и своей страсти, отрезаны от внешнего мира, и поэтому они никак не могут избежать измен, ненависти и драк.

Прогулки на свежем воздухе

Жизнь в борделе очень однообразна и скучна. Чтобы она была терпимой, девушкам нужно иногда позволять покидать бордель. Самые умные бандерши хорошо это понимали и выдавали девушкам «увольнительные». Срок и частота их выдачи зависели от региона, от борделя, от настроения бандерши, от времени года.

«Иногда, обычно раз в неделю, часть девушек выезжала на прогулку в экипаже, порезвиться на травке у речки. На таких пикниках веселились, бегали друг за другом, играли в детские игры, как радуются заключенные, выпущенные из камеры на свежий воздух. Под открытым небом ели колбасу, пили сидр; возвращались в бордель поздно ночью, падая с ног от счастливой усталости; в экипаже все целовали мадам, как самую лучшую на свете мать, воплощение доброты и любезности». Г-жа Телье — совсем не обычная бандерша. Она души не чает в своих подопечных, приглашает их на первое причастие своей племянницы, не задумываясь закрывая на это время бордель. Г-жа Телье ведет себя совсем не так, как подавляющее большинство бандерш, которые отпускают своих «сотрудниц» на прогулки нехотя и только по большим праздникам: на 14 июля*, на свадьбу или на похороны родственников. В некоторых борделях выезд на прогулку рассматривается как «выездное обслуживание»: так, клиент мог предварительно заказать, заплатив необходимую сумму, девушек «для пикника на природе». В 1860 году это стоило всего 20 франков. В борделях-кафе клиент мог попросить, по оконча-

День взятия Бастилии, главный национальный праздник Франции. —
Прим. пер.

нии вечера, о возможности увести одну из ее девушек с собой.

...Совсем уже поздно, в три часа утра, пришел какой-то человек и сказал одной из них: “Одевайся, я тебя забираю”; он сел, закурил сигару, ожидая, пока ему “завернут” в черную ткань купленный им “товар”; внизу был слышен разговор, девушка просила у мадам рубашку, надевала сданную ей напрокат юбку; наконец, она спустилась вниз, с ненакрашенными губами и без пудры на лице, поцеловав на прощание своих подруг, как будто бы она не надеялась их больше увидеть. Пара вышла на улицу, на пороге стояла бандерша, она крикнула вслед девушке: “Я тебя жду завтра к полудню, не вздумай опаздывать”» (Ж.-К. Гюисманс «Марта»).

Девушки извлекают немного пользы из этой мнимой свободы. Они слишком сильно привыкли к ритмичной жизни, им сложно перестроиться. Они и вправду узницы, у них почти нет наличных денег. В конце каждого месяца бандерша отбирает у них те немногие деньги, которые им достались в качестве подарков от клиентов и «чаевых» — конечно, ведь они должны платить за аренду комнаты и за питание! Девушки обязаны занимать деньги на оплату парикмахера, на прокат одежды, на питье, они только и делают, что глубже влезают в долги, в результате чего они могут покинуть бордель только одним путем — ударившись в бега. Эта бесстыдная эксплуатация нередко приводит к дракам между девушками и бандершей, к обращениям в полицию. Например, некая девушка, сбжавшая из борделя в Анжере, решает прийти в полицию и дать показания о «рабстве, в котором находятся дамы, проживающие у г-жи А., в доме пять по улице Кримае... Возможно, уважаемый господин, вы скажете: “Что тут такого? Вы имеете полное законное право покинуть дом в любой момент” Это не так, уважаемый господин, мы не можем уйти по собственному желанию, и вот почему. У нас никогда нет ни гроша наличных, нас

заставляют отдавать деньги бандерше, как только клиент закрывает за собой дверь... О письмах — нам их доставляют только в том случае, если хозяева уверены, что наши адресаты не рассказывают в них нам о каком-то способе покинуть дом, не предлагают нам спастись... Нетрудно понять, уважаемый господин, что мы, при том, что у нас ничего нет, даже порой одежды, раз явившись к бандерше с жалобой, немедленно будем выставлены за дверь, при этом нам не дадут никакого выходного пособия и никаких вещей, ведь у нас ничего нет».

Любовники

Ни денег, ни свободы, ни права на личную жизнь, ни одной настоящей возможности чувствовать, пользоваться своим телом — ведя такую жизнь, проститутки постоянно переживают лишения морального и психологического плана. Чтобы как-то излечить себя от этого отсутствия частной жизни, они создают тайники в своей душе, места, которые в самом деле принадлежат им, такие святыня святым. Там они хранят своих любовников. У каждой проститутки есть любовник. Это может быть случайно встреченный прохожий, бывший клиент, любовник неверный, любовник-подонок, любовник-сводник, любовник-коммивояжер, любовник-студент. Это человек, которого они обожествляют, которому они поклоняются, за которого они готовы умереть, человек, который дарит им радость, человек, который заставляет их забыть о той толпе самцов, которые насилюют их по нескольку раз в день. С ним и только с ним им весело. От него они рожают детей. С ними они выходят на прогулки, посещают кафе, других посмотреть и себя показать. Под своей вульгарной маской шлюхи проститутка хранит этого человека, который — вся ее частная, личная жизнь. Он не клиент — он не платит. Он — то же самое, что любовник у обычной замужней женщины. Когда девушка поступает в бордель, она требует от бандерши соблюдения определенных условий относитель-

но своего любовника: он должен иметь право посещать ее два—четыре раза в неделю и один раз в неделю выводить ее после обеда на прогулку. Бандерша обычно соглашается на эти условия, так как иначе девушка отправится искать работу в другой бордель. Их страсть иногда столь сильна, что они порой полностью содержат своего любовника, переходят из борделя в бордель и переезжают из города в город, следуя за ним. Так, гонкуровская Элиза ездит за своим любовником-коммивояжером, нанимаясь туда и сюда, только чтобы быть с ним вместе. Напрасно он старается игнорировать ее, бьет ее, оскорбляет — она все равно следует за ним и требует, чтобы он был с ней. Конечно, любовник может быть и вежливым, щедрым, действительно любить свою девушку, в таком случае отношения превращаются в крепкую связь. Тогда у девушки появляется шанс окончательно покинуть бордель и зажить вместе со своим уже не любовником, а возлюбленным, который отправится в полицию и потребует, чтобы ее сняли с учета проституток. Правда, получить положительное решение этого дела очень сложно, так как полицейские всегда априори сомневаются в искренности намерений таких людей, желающих якобы начать новую жизнь... с проституткой!

Так, в 1871 году полицейский комиссар Анжера просит соответствующий департамент мэрии не рассматривать дело проститутки по имени Мари, которая желает отныне жить вместе с неким мужчиной и поставить крест на своей прошлой жизни: «эта девка недостойна того, чтобы тратить на нее ваше драгоценное время.. она не просто аморальна, она еще и не желает знать свое место».

Отъезд

Те, кому удастся вырваться из пут своей профессии, крайне немногочисленны (проститутка прикована к своему ремеслу; она его раба, даже с точки зрения закона), а у тех, кому удастся заставить полицию снять себя с учета (таких всего 5—6%), в ка-

честве основной причины снятия с учета указана старость, болезнь или... тот факт, что они сами стали бандершами. Некоторые решаются вернуться в свою семью или пойти в служанки. Пока девушка живет в борделе, она, как правило, ведет себя послушно, если она его покидает, то это происходит мирным путем. Ален Корбен сумел найти в национальных архивах лишь единственный случай, когда «пансионерки» перешли к активным действиям: в 1867 году в Партене девушки, желая вновь обрести свободу, подожгли свой бордель. Часто они думают переехать куда-либо, полагая, что в других местах жизнь будет не так ужасна. Поэтому они как бы постоянно «сидят на чемоданах». Однажды ранним утром они выбираются из спальни, надевают на себя, что могут найти, и отправляются куда глаза глядят. Самые наглые используют для побега выезд на природу с хозяйкой, изобретая какой-нибудь предлог. Так, некая девушка, едва выйдя на улицу с бандершей, бросила ей в лицо: «До встречи, я покидаю вас, если умеете бегать, попробуйте меня догнать!» Девушка убежала и пешком отправилась в Перигё, без единого су в кармане. Сотрудник вокзала в Либурне нашел ее в сточной канаве посреди ночи, умирающую с голода. Прошло пять дней, и изголодавшейся девушке не осталось ничего, кроме как наняться в другой бордель в Бордо...

Бандерши прилагают все усилия, чтобы отыскать сбежавших от них «сотрудниц», которые покинули их, не вернув долги. Со своей стороны, девушки обращаются в полицию своего родного города с требованием организовать изъятие у бандерши принадлежащей им одежды. В 1851 году некая дама требует у комиссара послать полицию в бордель, где она раньше работала, и изъять у хозяйки принадлежащие ей вещи: две крашенные юбки, две ситцевые юбки, хлопковый передник, шерстяное платье, корсет, две ночные рубашки, четыре носовых платка. Со временем все больше и больше девушек стало сбегать из борделей, так что к концу XIX века образовалась целая армия кочующих проституток. Жак

Терно подсчитал, что к XX веку для половины всех проституток срок работы в каждом борделе длился не более месяца. В лионских борделях с 1885 по 1914 год в среднем 39% проституток работали в одном борделе не более месяца, а еще 19,7% — не более двух. Сначала они бегут в близлежащие города, все глубже залезают в долги, двумя руками держась за свою свободу. Бандерши вынуждены были привыкнуть к такой текучести кадров, успокаивая себя тем, что клиенты любят, когда в борделе все время новые девки. Отслеживая перемещения проституток из одного региона в другой, можно сделать вывод о том, что каждый год персонал среднего борделя обновлялся на две трети, а порой и на три четверти, и целиком обновлялся каждый третий год. Некоторые бандерши пытаются давить на девушек, которых клиенты любят больше других, и не дать им уехать. В борделе, где работала Элиза, мадам прибегла к помощи всех своих «сотрудниц», пытаясь убедить Элизу передумать: «Толстушка захныкала, сказала, что она очень несчастна, извинилась за свои слезы, ведь она “не находит себе места”, а затем она подтолкнула к Элизе стоявших рядом семерых женщин, каждая из которых целовала свою подругу, пыталась ласками и дружескими уговорами убедить ее остаться; на лице у всех было написано всамделишное горе, они пытались всучить ей какие-то мелочи, но Элиза осталась непреклонна. Она была сама воля, она никогда не возьмет назад свои слова, сказанные в гневе, она была согласна, по ее собственным словам, быть стертой в порошок, но не уступить».

По приказу министра внутренних дел Франции в 1836 году было проведено расследование всех этих массовых отъездов, и по результатам был издан циркуляр, в котором подчеркивалось, что такая постоянная миграция может привести к еще большему падению нравов и уменьшению эффективности контроля. Если раньше девушка не могла покинуть бордель, не заплатив свои долги или не получив под-

тверждение от другой бандерши о том, что та заплатит ее долги, то теперь девушка просто бежала из одного борделя и нанималась в другой, а затем бежала в третий, и т. д. Конкуренция между бандершами стала настолько острой, что они стали просто выгонять заговорщиц, подбивавших своих «коллег» к побегу, но если пострадавшая от побега девушки бандерша вздумает жаловаться, ей пригрозят тюрьмой: «Если девушка симпатичная, стройная, если к ней ходят богачи, то ее быстренько переманивают в другой дом, куда богачи заходят чаще. Так девушки и переезжают с места на место, а иные прячутся от всех и занимаются своим делом тайно».

Лишь немногие доживают в борделе до старости. Как только их плоть перестает быть привлекательной для клиентов, их вышвыривают на улицу, а там они попадают за решетку или в больницу. Самые добрые бандерши, желая обезопасить своих бывших «сотрудниц» от такого ужасного конца, предлагают им стать экономками за стол и дом в своем же борделе. К тому же, если клиентов очень много, то и они сгодятся, или вдруг какой сумасшедший старик забредет... Самые хитрые, самые находчивые умудряются устроить все так, что сбывается их главная мечта — выйти замуж за богача или, еще лучше, за... хозяина борделя! Они выходят из игры и доживают остаток дней своих в счастье, покое и безвестности.

Иные поэты рисовали идиллические картины старости бывших проституток. В старости больше нет порока, нет страсти, все забыто. Роскошь осталась в прошлом, грехи отпущены. Да, тело постарело, но со временем ушло и презрение, и позор. Бывшая проститутка снова стала женщиной.

Те же «жрицы любви», для которых не прошли даром слова добродетельных женщин, бросают все и уходят в монастырь. Они скрываются в кельях, полные раскаяния, и проводят остаток дней своих за воротами, над которыми висит весьма подходящая вывеска: «Убежище Богородицы». Однако, к боль-

шой радости настоятельниц, немногим удастся выдержать монастырскую жизнь долго. Железная дисциплина монахинь оказывается для них слишком жесткой, и, несмотря на искренность своего раскаяния, они бегут и из монастыря, находя себя в каких-то других занятиях; впрочем, из некоторых вырастают самые настоящие служительницы Господа.

Но бóльшая часть проституток, благодаря сильно выраженному инстинкту выживания, сумела преодолеть следующую стадию в эволюции нравов и половых страстей их клиентов; используя бордели как школу жизни, научившись там всему, самые смелые из них решили выйти из борделей прочь, стать хозяйками своей судьбы и самостоятельно зарабатывать свои деньги.

ЛЮБОВЬ НА УЛИЦЕ

Все пропало. Любовь, супружество, верность. Ценности гибнут. Буржуазия добивается права на развод, мужчины и женщины вместе ходят в бульварные театры и зубоскалят, а на сценах показывают сплошные адюльтеры, любовь теперь украшает разврат, границы добродетели размываются. Любовь в конце XIX века уже не та, что прежде. Ее больше не заслуживают, ее больше не дарят. Ее покупают. Писатели пишут романы о женщинах, которые сбрасывают с себя ярмо покорной мужской руке женственности. Мадам Бовари — сама томность, она взыскует плотской любви. Героиня романа Мопассана «Жизнь» из кожи вон лезет, пытаясь испытывать удовольствие от занятий любовью с мужем. В некоторых буржуазных кругах приобретает популярность идея освобождения женщины. Организуются комитеты в пользу принятия закона о разводах. Женщины все меньше и меньше стесняются появляться на людях в одиночестве. Ментальность эволюционирует, в моде более открытые платья. Париж, если читать описания санитарных врачей, становится столицей порока, который, подобно заразной болезни, распространяется вокруг него и уродует его лицо, так что прохожие видят не роскошь, но лишь жалкие ее остатки. Его сердце за-

хватали армии продажных женщин: они сидят на бульварах, в кафе, в ресторанах, в кабаре, в танцевальных залах, на крепостных стенах, в разрушенных домах, они всем продают свои прелести, зарабатывая этим на хлеб. Невозможно исчислить эту армию развратниц, невозможно загнать ее в рамки. Уже слишком поздно.

А ведь еще недавно какие были времена. Еще недавно все знали, кто есть кто. Еще недавно, сокрушается Шарль Десмаз, «проституция была ограничена, к этому “сословию” принадлежали только известные в известных кругах женщины, все они были зарегистрированы, все они жили в специально отведенных кварталах; а сегодня в Париже их можно встретить везде, на каждой улице, одетыми в самую разную одежду, они даже задают моду окружающим. Еще недавно развратниц было известное ограниченное число, сейчас имя им — легион, их ряды пополняются с каждым днем, к ним идут из мастерских, из магазинов, из театров; на улицах ужасная смесь людей всех возрастов, всех полов, всех пороков; везде можно купить любую добродетель».

Все на продажу — даже честь; улица стала «базаром похоти». Буржуазия яростно переваривает заработанные ею миллионы и, в своем желании копировать все манеры аристократии, начинает думать о любви по-другому. Разумеется, новая жизнь в столице требует сохранения многого из старого мира, нужно получать образование и так далее, но за границей этих социальных условностей пределы благопристойности расширяются до неузнаваемости, границы становятся прозрачными, формы, которые принимает желание, меняются. Зарегистрированные проститутки возбуждают мужчин все меньше и меньше; другое дело — свободная или по крайней мере притворяющаяся свободной женщина, она становится главным объектом желания. Сценарий меняется: девка на улице просто-таки атакует клиента, она предлагает ему себя, она говорит ему непристойности, а вовсе не ждет его смиренно в эротической позе на канапе. Мужчины желают иметь таких

партнерш, которых бы они могли унижать в любой момент, когда захотят; им больше не нужны рабыни, прикованные к бандерше. Бордель закрывается, открывается дом свиданий. Новые веяния настолько сильны, что распространяются по всей стране и заражают провинциальные бордели. Закончились времена бравых солдат, любимцев местной мадам, нет больше экономок, которые делают в борделе всю работу. Теперь все — революционеры, все влипают в те истории, в которые хотят, на панель выходят все девки, которые хотят, их эксплуатирует тот, кто хочет. Вот, послушайте типичную речь бандерши тех времен, королевы вымирающей страны; она жалуется на жизнь, она с презрением говорит обо всех новых эксплуататорах плоти, она с гневом обращает свою речь к нам: «Вокруг одни бездельники. Все думают только о том, как бы покутить, где бы выпить, как бы построить рожи; все упрямые, у всех острый язычок, все одна сплошная болтовня... Все они просто кожаные мешки, набитые пороками. Они всегда хотят быть правыми, они по всякому поводу высказывают свое мнение, если ты им что не так сказал, то они ба-бах! разворачиваются, хватают свои вещи и до свидания!

“Ах, мы больше никогда не встретимся! Как замечательно — никогда больше не видеть ваш вонючий барак!”

Вот так вот! Просто! Они разворачиваются и уходят.

В прежние времена деревенские девушки были скромные, слушались, ради своей старой мамы или малолетнего ребенка они трудились с ночи до утра, они были преданы хозяину, они следили за интересами дома. Они все были просто птички божьи, ими было так легко командовать. Эта сделала что-то не так, ну так она исправится. Эта поддерживает своих стариков, эта растит ребенка: каждый день они писали письма домой, родители приезжали к ним в гости. Можно было подумать, что у нас тут монастырь, так все благочинно и пристойно! Такие умильные сцены. И больше того: иные умудрялись

накопить на приданое, уезжали домой, выходили замуж, становились великолепными матерями, жили в мире и согласии с отцом своих детей.

Больше уж нет таких пансионеров, их племя вымерло. Хоть траур по ним надевай!»

С самого начала пятидесятых годов XIX века начинается упадок, и он уж никогда не сменится расцветом. Тенденция особенно ясна во времена Второй империи: бордели закрываются, число работающих девушек в оставшихся уменьшается. Прежде всего это касается Парижа, где в результате реконструкции, проведенной бароном Османом, снесли очень много непригодного для жизни жилья в центре города и тем самым радикально изменили географически соотношение спроса и предложения на рынке любви. Затем то же самое произошло в провинции. В Лилле, например, в 1876 году было двадцать три борделя, а в 1888 году уже только шесть. Что это, приватизация сексуальности? Следствие регламентаризма, который в конце концов сделал легальную проституцию настолько тяжелым ремеслом, что она исчезла, так как этим больше нельзя было зарабатывать деньги? Сложно сказать. Стремление регламентировать порок, регистрировать продажных девок, классифицировать их привело к противоположному результату: число зарегистрированных проституток упало, борделям становилось все труднее и труднее набирать новые кадры, число «непокорных» неуклонно росло. Что любопытно: все это происходило не только во Франции, но и во всей Европе и даже во всем мире! Борделей становится все меньше, но масштабы проституции при этом увеличиваются. Меняется внешний облик городов. «Горячие» кварталы сносят, цены на землю не позволяют возводить новые бордели, а позволяют лишь строить доходные дома с меблированными комнатами и дома свиданий. Кроме этого, происходит отток клиентов! Что они, начитались феминистских брошюр и им стало неприятно смотреть на

такие серали, где собраны, как в зоопарке, женщины разных сортов? Вместо того чтобы без единого слова выбрать девушку, тут же подняться с ней в комнату и немедленно перейти к делу, они долго разговаривают, шутят, это так легко, и только потом идут в меблированные комнаты. Поиск продажных девок напоминает охоту, что только усиливает интерес. Добавим сюда и изменение общественного мнения относительно открытия новых домов: если в прошлые времена местные коммерсанты только что не настаивали на открытии борделей, то теперь они яростно этому сопротивляются, посылая в полицию петицию за петицией. Клиенты тоже стали очень разборчивы, так что бандершам пришлось прибегать к самым грязным приемам конкурентной борьбы.

Это происходит и в Париже, и в Обри-лез-Эпинетте: «Клиенты воротят нос, ворчат, им все не нравится... новая мебель день ото дня все хуже... и конкуренция, ужасная, теперь все можно показывать прямо на улице, а эти фабричные девки... ах, месье Жак, эти фабричные девки! А полиция закрывает на все это глаза, ничего не делает, а мне все чинит и чинит препятствия. За каждым, самым незначительным нарушением может последовать приказ о закрытии... Это как град в апреле! Фабричные девки отдаются за двадцать су, это в несколько раз дешевле, чем у меня, и где! везде! прямо в поле, за изгородью, где их сняли, там они и отдаются, а у меня то два франка, никак не меньше, а если клиент на ночь хочет остаться, то пять... но что тут скажешь, у меня заведение, оно работает, это же не авантюра какая, серьезное дело...

Мы не можем их победить».

Постройка фортификационных сооружений вокруг Парижа, начавшаяся в сороковые годы XIX века, привлекла в столицу массу военных и массу рабочих, вследствие чего резко возрос спрос на «половые» услуги. Незарегистрированные проститутки работали в кабаре, которые тут же превратились в нелегальные дома разврата. Чтобы бороться с этой

моральной и санитарной угрозой, комиссия под руководством префекта Делессера превратила эти кабаре в новые дома терпимости. Это дало возможность добродетельным гражданам спать спокойно. Почти. Поскольку полиции пришлось разрешить хозяйкам этих домов открывать при них кафе — иначе новый закон не удалось бы провести. Как кусали локти старые бандерши! С тех пор дома терпимости с кафе стали нормой, особенно если располагались в низкоэтажных домах в пригородах Парижа. В результате произошло смешение жанров, проститутки стали доступны почти везде — в любом месте, где продавали спиртное в розлив. Уравнение простое: алкоголь=опьянение=возбуждение. Как же тут устоять?

«Присутствие в кафе девушек необыкновенно сильно возбуждает сидящих там бездельников; сначала они, глядя на этих девиц, напиваются, потом, глядя на них же уже пьяными глазами, решают, что не могут больше сопротивляться желанию предаться разврату. Очень часто можно видеть, особенно в дни выплаты жалованья, как рабочие, отцы семейств, в компании своих коллег отправляются в кафе, где и не собираются пить, но, выпив стаканчик за компанию, не могут остановиться и выходят из кафе, забыв там половину своего недельного заработка, а то и все наличные деньги».

Бордель умирает. И в этот момент его начинают защищать, поддерживать! С целью, разумеется, защитить общественную мораль. Власти недвусмысленно заявляют: концентрация порока в одном месте делает его прозрачным и подконтрольным. Оттого, что продажные девки появляются повсюду, идет беспорядок, разгораются порочные страсти, распространяются болезни. Полиция всегда старалась локализовать разврат:

«Власти разрешают создание места, где предаются разврату, только тогда, когда таковое есть следствие убедительно показанной необходимости, то

есть когда такое место создается в районе, где очень много незарегистрированных проституток. Для полиции создание такого места — эффективный способ локализовать это зло, так как в таком месте за ним легко наблюдать и контролировать, а также и наказывать в случае необходимости; это также удар по нелегальной проституции».

Дома терпимости и дома свиданий в Париже

Годы	Дома терпимости		Дома свиданий	
	Число домов	Число проституток	Число домов	Число проституток
1855	204	1852		
1869	152	1206		
1874	134	1092		
1880	133	1107		
1888	69	772		
1894	53	580		
1899	48	496		
1903	47	387	76	313

Так, возведение новых домов терпимости объявляется полезным как средство борьбы с эпидемией незарегистрированных проституток. Но эти действия властей не сумели предотвратить катастрофу. В новых домах терпимости, как и в старых, требуется персонал, и его подбирают наудачу: девушки уходят из борделя по своему желанию, бандершам приходится нанимать других с ближайшей улицы, а ушедшие направляются в танцевальные залы или в другие заведения, где разрешается присутствовать свободным женщинам. В мире домов любви происходит революция. Можно сказать, мы видим рождение новой категории: пансионерки экстерном. Все бордели и дома терпимости превращаются просто в дома свиданий. Днем сотрудницы этих заведений — обычные работницы на фабриках или слуги, вече-

ром они же — продажные девки, все они пытаются заработать чуть побольше денег, чтобы свести концы с концами. Муниципальные власти пытались навести здесь какой-то порядок, разрабатывали разные классификации; так, в Рубе завели специальную категорию «дом терпимости с персоналом, живущим вне дома» и требовали от держательниц таких домов нанимать только девушек, у которых есть выданная властями карточка, вести реестр своих «сотрудниц» и направлять их регулярно на медосмотр.

17 июля 1880 года был принят закон, устанавливающий свободу торговли для всех заведений, торгующих напитками. Немедленным следствием этого явилось то, что кабаре стали рабочей площадкой для сводников: хозяева трактиров устраивали на втором этаже или за задней стеной комнатки, в которых официантки в перерыве между подачей блюд могли «обслуживать» клиентов, пришедших за другим, и чем быстрее, тем лучше. Девки наводнили кабаре, они теперь были не где-то спрятаны, а находились здесь, на виду, на расстоянии протянутой руки. Зачем мужчинам теперь идти в какие-то дома с дурной репутацией, где к тому же стало стыдно появляться? И разве не правду говорят, что теперь в этих домах уже не девушки, а одни только старухи, которые и забыли, как дело-то делается?

У каждой своя территория. Рабочий класс ходит в кабаре, в кафе, в танцевальные залы. Буржуазия — в рестораны, в антикварные магазины, в дома свиданий. Некоторые парижские рестораны с одиннадцати часов вечера становились местами проведения самых настоящих оргий, если верить Карлье. «Своего рода витриной для этих дам служил отдельный кабинет, обставленный как будуар добропорядочной хозяйки какого-нибудь заведения, где есть туалетный столик, вазы, где пахнет духами; там есть все, кроме духа самоуважения. Клиенты и проститутки так близко, что задевают друг друга локтями, потом смотрят друг на друга оценивающим взглядом, как

на восточном базаре. Страсть богачей к изыскам уничтожила пренебрежение к этой ранее презируемой профессии, и те, кто получает от всех этих извращений удовольствие, имеют достаточно связей наверху, чтобы избежать не то что уголовной ответственности, но даже административных мер».

Ресторан становится и местом, где представители обоих полов ухаживают друг за другом, пытаются друг друга «снять». Атлас как-то раз приводит Нану в кафе своих хозяев, на улице Мартир. В кафе три салона, во всех трех очень много женщин. «Там за столами сидело, наверное, около сотни клиенток, без всякого разбора, большинству было под сорок, многие были просто огромные, жирные, с отечными лицами, лоснящимися губами; посреди этого моря грудей и животов можно было заметить нескольких стройных симпатичных девушек с видом инженерю, но уже с повадками опытных развратниц — эти только начинали свою карьеру, они делали свои первые шаги в танцевальных залах, а в это кафе их привела какая-то из клиенток на радость этим жирным бабам, которые, почуяв запах их молодости, толкались вокруг них, как дети вокруг клетки с медведем, угощали их».

Были и другие места, где можно было купить любовь представителя своего же пола, также замаскированные под благонравные заведения, например, антикварный магазин; их особенно ценили известные специалисты по... предметам искусства. Снаружи ничто не говорило о том, что в этом заведении можно купить любовь. Товары были аккуратно разложены по витринам, к каждому была приложена этикетка с ценой; на самом деле эти цены — шифры, обозначающие девушек и юношей, которых можно купить в этом месте. Клиент, изучив содержимое витрин, показывает пальцем на ту или иную этикетку; продавщица берет эту этикетку и приглашает клиента пройти в заднюю комнату. На самом деле это спальня, где клиента или клиентку уже ждет его, соответственно, юноша или девушка.

И на внешних бульварах, и в самом сердце города, и в богатых кварталах, и в кварталах новостроек можно найти следы этой болезни, «гангрены порока». Иные моралисты просто сходят с ума от ненависти к этому факту; так, Десмаз видел во всяком доходном доме, во всякой меблированной комнате место, где предаются разврату!

Регистрация

Существует два типа проституток, работающих вне борделя: легальные проститутки и подпольные проститутки. Первые, как подразумевает их название, зарегистрированы в полиции. Иногда они являются в полицию сами и подают заявление о постановке на учет: в этом случае они проходят процедуру установления личности и медосмотр; иногда их ставят на учет в принудительном порядке — после трех арестов или по доносу соседей. Если о какой-то женщине всем известно, что она проститутка, ее тоже ставят на учет. Но что означает быть проституткой? «Женщину следует считать проституткой, если она совершает следующие действия: пристает к мужчинам на улице, часто посещает кафе и танцевальные залы, принимает незнакомых людей, пришедших к ней с целью предаться разврату, у себя дома, проживает в доме, где живут другие известные проститутки, страдает венерическим заболеванием»*.

Каждая зарегистрированная таким путем женщина получает книжечку, в которой удостоверяется ее личность, перечисляются ее права, а также имеется таблица, в которую следует заносить результаты регулярных медосмотров, которые она обязывается проходить (как правило, дважды в месяц). Эту книжечку девушке выдают, в зависимости от муниципального законодательства, бесплатно или за не-

* Статья 2 постановления мэрии города Анжер от 1 сентября 1890 года.

большую плату; ее она обязана предъявлять полиции по первому требованию. Получив эту книжечку, девушка соглашается выполнять целый ряд ограничений: выходить на панель только в течение получаса после начала зажигания фонарей, не носить одежду ярких цветов, не носить чересчур модную одежду, не заплетать волосы экзотическими способами. Зарегистрированные проститутки не имеют права «громко или навязчиво обращаться к прохожим», не имеют права стоять в окнах, не имеют права стоять на тротуарах, не имеют права собираться в группы, не имеют права искать клиентов в радиусе 20 метров от церквей и других учреждений культуры. В Париже они не имели права появляться на крытых улицах, на бульварах от улицы Монмартр до улицы Марии Магдалины, в садах вокруг Пале-Рояля, в садах Тюильри, в Люксембургском саду, в Ботаническом саду, на Елисейских Полях, в районе Собора инвалидов, на старых внешних бульварах, на набережных, на мостах, на пустых улицах... Правил становилось со временем все больше, запреты делались все строже: проституткам запретили появляться в музеях, в библиотеках, на концертах, выходить из дому после девяти вечера в период с 1 мая по 31 июля каждого года, предлагать своим гостям спиртное, угощать их или предлагать им сыграть в карты...

Подпольные проститутки

Теперь нам понятно, почему и как девушки становились подпольными проститутками... Среди них есть те, кто никогда и не хотел регистрироваться в полиции, потому ли, что они считали, что в этой профессии надолго не задержатся, потому ли, что боялись полиции в принципе, потому ли, что они — несовершеннолетние... Таких всегда было особенно трудно отличить от других. Среди них есть и такие, кто когда-то работал в домах терпимости и сумел каким-то образом сняться с полицейского учета, например, «пропав без вести» из родного города. Есть

и третьи — разорившиеся дамы полусвета, экс-куртизанки, вышедшие на панель заработать денег на черный день. Это для них большое подспорье, оказывается, в этом нет ничего постыдного.

«Итак, вместе с Атлас она выходила на улицы Парижа, ступала на это дно порока, простирающееся во все стороны по грязным аллеям под неровным светом газовых фонарей. Нана вернулась в танцевальные залы на парижских заставах, где она давным-давно в первый раз задрала юбку; она снова увидела, как черны подворотни внешних бульваров, увидела скамейки, на которых ее, пятнадцатилетнюю, целовали мужчины, пока отец бегал по кварталу с ремнем в руках, ища ее. Обе женщины бродили по улицам, заходили в бары и кафе, взбирались по скользким от плевков и пролитого пива лестницам, просто гуляли, стояли, прислонившись к воротам» (Э. Золя «Нана»).

Легальные проститутки очень не любят подпольных, пишут в полицию петиции с просьбой принять меры против «недобросовестной конкуренции» с их стороны. Вот что мог прочесть в 1898 году уполномоченный сотрудник мэрии Майенна: «Мы обращаемся к вам от имени восьми несчастных зарегистрированных женщин, обеспокоенные своим тяжким положением, иначе бы они не посмели написать это письмо; дело в том, что мы каждый день видим очень много женщин, которые распутничают гораздо больше нашего, однако не имеют книжечки... Они отбивают у нас наш тяжкий хлеб, и ничто не делается для того, чтобы помешать им».

Эту же жалобу без конца повторяют держательницы борделей; они возмущены тем, что нелегальные проститутки... захватили весь рынок! Хозяин борделя, располагавшегося в доме 106 по бульвару Шапель, сама наивность, пишет: «На меня со всех сторон наступают нелегальные проститутки, даже так скажу — тут вообще все проститутки, кроме меня самого. Прямо перед входом в мое заведение эти уличные девки снимают клиентов, и никто их не гоняет, ни днем, ни ночью... Никто не может попасть

в мое заведение без того, чтобы многократно не подвергнуться атаке со стороны этих девок. Они им говорят — ты туда не ходи, там слишком дорого, тебя ограбят, побьют».

Приключения больше не спрятаны за стенами борделей. Тут весь вопрос в тщеславии, в точке зрения. Акт любви давно превратился в игру, в обмен пульсациями, в способ механической разрядки. Как сделать выбор в этом море шлюх, продажных девок, уличных баб? Если подходить к этой армии торговок собственным телом с точки зрения географии, то больше всего в городе девок бульварных. Эти пригородные вены каждый вечер направляются в центр, всегда выбирая новый путь. Их походка зависит от времени дня, от места, от одежды, они долго ищут себе клиента, долго готовятся; все вместе они походят на роту солдат на параде, отправляющуюся на войну. Они и в самом деле ведут войну: у них очень много врагов на панели, и победа дается нелегко. В тридцатых годах XIX века они все жили в кварталах Глатиньи и Сен-Дени, затем они децентрализовались и разошлись по всем местам города, где только были намеки на ночную жизнь. Они одеты в яркие платья, у них броский макияж, у них волосы выкрашены хной. Они ходят парами или сразу большой толпой, «смеясь, крича, толкаясь с прохожими, словно компания пьяниц, собирая себе подобных везде, где встречается. Одна из них отрывается от общей группы и бежит за мужчиной, другая останавливается, поджидая другого, и эта армия «свободных стрелков» с разведчиками впереди и пехотой позади целый вечер бегают взад-вперед по бульвару, совершая фланговые атаки на всякого, кто им кажется добычей. От этой пахнет чесноком или мускусом, эта через день ходит в богатые кварталы, готовая отдаваться на день что расфуфыренному франту, что старику, у которого жизни осталось на последний вздох. Эта гетера индустриального века, учуяв человека с деньгами, следует за ним, дает по-

нять, что она рядом, присаживаясь и шурша юбкой по земле, незаметно толкая его под локоть, обгоняя его, затем она преграждает ему путь, и прохожий останавливается, как если бы перед ним встала на дыбы лошадь. В таком положении человек не может не взглянуть на нее, не рассмотреть ее повнимательнее. Именно в этот момент она жестом дает ему понять, что именно она умеет делать, и тут же, не дожидаясь ответа, исчезает за ближайшим киоском то ли для того, чтобы денди успел подумать, а хочет ли он ее, и посчитать деньги, то ли для того, чтобы больше его заинтриговать... затем она проходит мимо группы гуляк, забредает на террасу кафе, щипает за руку гарсона, строит ему рожи или показывает язык клиентам».

Улица

Эти женщины ничего не боятся. Профессионально обученные похоти, они бросаются на всякого, кто кажется им легкой добычей, расхваливают себя, ведут похабные разговоры, так что потенциальный клиент просто захлебывается в развратных мыслях. Девушки хотят его, хотят его деньги, они выходят на панель со страстью заработать. Их мир — охота на мужчин, ботинки, которые жмут, стычки с конкурентками, грубость прохожих, которые совершенно не стесняются унижать и оскорблять их. В зависимости от района города, в котором они ищут клиентов, проститутки ведут себя по-разному: на улице Нотр-Дам-де-Лоретт они шагают быстро, подобрав юбки, на улице Пельтье они замедляют шаг, а за 150 метров до кафе Риш начинается самое главное. «Выпрямив спину, смеясь во всю глотку, оборачиваясь и провожая взглядами мужчин, которые, в свою очередь, провожают взглядами их самих, они шествуют по улице. Здесь они у себя дома. Здесь — как на восточном базаре, где все стоит три су; здесь их напудренные белые лица, нарумяненные щеки, красные губы, подведенные брови; здесь интересно, здесь необычно, здесь весело. Вплоть до одиннадца-

ти часов вечера они — сама радость, толпа течет мимо них, когда какой-то неуклюжий прохожий их задевает, они просто кричат ему: “Осел!” Они приветливо машут гарсонам в кафе (те машут им обратно), они останавливаются у столиков поговорить с ними, они с удовольствием пьют предложенный им кофе, дожидаясь часа, когда закончатся театральные представления. Но с приближением сначала полуночи, а затем рассвета их настроение меняется, и если к этому времени они хотя бы пару раз не побывали на улице Ларошфуко, то они начинают вести себя, как голодные волчицы, вернувшиеся с неудачной охоты. Под кронами деревьев, вдоль спящих бульваров, с которых постепенно исчезают люди, происходит жестокий торг, произносятся громкие слова, случаются драки» (Э. Золя «Нана»).

Торговля на улице начинается на Больших бульварах и площади Пигаль в десять утра и заканчивается поздно ночью. Дела у всех идут по-разному; лучше, разумеется, у молодых, свежих, игривых. Начинающие выходят на панель после пяти вечера, это девушки из провинции, фабричные работницы, явившиеся за дополнительным заработком; они, разумеется, доступны, но часто излишне скромны и сдержанны. Девушки, работающие поздно вечером и ночью, сильно накрашены, они «снимают» клиента более нахально: сладкие слова, непристойные предложения, настойчивые взгляды. «Ну что, ты идешь? Ты пойдешь со мной, я спрашиваю?» Устоять не так просто: едва мужчина отделался от одной проститутки, его тут же обступают другие, они также страстно предлагают ему себя, в конце концов он сдается. К одиннадцати вечера ставки в игре возрастают: девушки, которым этим вечером не везет, злятся, становятся более настойчивыми, сбрасывают цену. Они пытаются изо всех сил заработать хоть что-то: они ищут освещенные пространства, выстраиваются у театральных разъездов, бегают за поздними клиентами кафе, снимают с себя что-то

лишнее, возвращаются в кафе, выпивают, бегают от столика к столику, усаживаются на колени к гостям, громко смеются... рынок закрыт.

Они завоевали улицу, теперь это их собственность. Они знают в городе все закоулки. Это — их территория, их орудие труда, они уважают ее, они повелевают ею. Их тело не выдерживает такой работы. У некоторых она легче, чем у других. Некоторые продают себя по низкой цене, зато часто. Освещены Севастопольский бульвар, улица Монмартр, рынки в этих местах люди разглядывают друг друга пристально. Оказывается, не все проститутки — старухи, просящие милостыню. Не все проститутки — истерички, львицами набрасывающиеся на клиентов. Тут есть и любовь, и красота, и нежность, и участие.

«Ничего особенного, Господи. Это просто уличная женщина, она ходит по улице и зарабатывает на жизнь, потому что иным способом это делать очень сложно. Вот мужчина, он останавливается и говорит с этой женщиной, потому что ты, о Господи, создал женщину для нашего удовольствия. Эту женщину зовут Берта, и ты, о Господи, все про нее знаешь. Ничего особенного, просто тигрица, голодная тигрица. Тигрицы испытывают такой же голод, как и агнцы».

Вокзалы, улицы, бульвары, ипподромы — проститутки очень ценят эти места днем. А вечером они повсюду. Традиционно одно из самых горячих мест Парижа — Пале-Рояль, туда ходят иностранцы и приезжие. Квартал Сен-Дени — центр дешевой проституции, на Елисейских Полях все немного дороже, но и девушки более элегантны. Зимой они прячутся в крытых аллеях близ Оперы, особенно на аллее Панорамы, которой подарил бессмертие Золя. В провинции маршруты проституток не так разнообразны, скорее даже монотонны — от вокзала до конца главной улицы и обратно. Общеизвестные сады и променады очень популярны у них летом.

В Анжере на променаде Бомет в 1855 году земельный инспектор видел «некую Мари Ж., которая задирала юбку и блузку, поднимая ее почти до пояса, надеясь соблазнить кого-нибудь из прохожих... несколько позже он увидел некую девушку А., занимавшуюся тем же самым, она уселась сверху на Л., который лежал на спине, и начала его ласкать самым непристойным образом, что продолжалось в течение четверти часа».

В Париже заниматься любовью в общественных парках или на бульварах сложнее и рискованнее. Поэтому проститутки снимают меблированные комнаты обычно или в центре, или на самой окраине города; там они принимают соблазненных ими клиентов, но сами там не живут — ко взаимной выгоде проститутки и хозяина, который или снижает цену, или сам становится клиентом. Ранним утром они, уставшие за ночь, возвращаются каждая в свою комнату в каком-нибудь отеле.

Проститутки в пивной

Улица — место, где проститутки бывают чаще всего, но она же для них и самое враждебное место. На улице случается всякое — драки, изнасилования, ограбления. С начала семидесятых годов XIX века у проституток появляется новая территория, где они подвержены меньшему риску, а заодно и больше зарабатывают: пивная. Среди моралистов поднялась настоящая паника: теперь в пивные стали ходить люди, испытывающие жажду не только в обычном смысле слова, — в промежутке между двумя кружками они не прочь отойти с официанткой в заднюю комнату... В пивной Анфер, в пивной Нанас, в пивной Картуш, в пивной Каид, в пивной Одалисок можно занедорого взойти на седьмое небо прямо посреди ночи. Проститутки впервые появились в пивных в массовом порядке в 1867 году в связи со Всемирной выставкой — тогда впервые женщинам раз-

решили подавать мужчинам спиртное и пиво; они воспользовались этой возможностью, чтобы предложить клиентам и другие услуги, о которых изящно рассказывает нижеследующая листовка, копиями которой был в свое время завален Сенатский квартал: «Пивная Сенат, улица Вожирар, 369. Теперь принято, чтобы официантки носили особые костюмы. Мы считаем, что лучший костюм — это простой костюм. Поэтому с сегодняшнего дня наши официантки одеты купальщицами. Как вы знаете, наши официантки — самые что ни на есть красавицы, так что этот костюм им очень идет. Придите к нам и оцените сами. Они подадут вам напитки высочайшего качества».

Они ведут себя живо, они молоды, они не слишком задумываются о стыде, одежда подчеркивает всю их телесную красоту, они развлекают клиентов своим видом, разговорами, позами. Они присаживаются за стол к клиенту и «любезничают» с ним. Поднеся ему несколько рюмок, они намекают ему, что не прочь отойти с ним в комнату в отеле близ пивной; хозяева обоих заведений давно обо всем договорились. В каждой пивной есть свои правила: на правом берегу официанток не кормят за счет заведения, и они обязаны платить хозяину известную сумму, в Латинском квартале официантка платит хозяину 2 франка каждое утро, но вечером ей причитается ужин за его счет. Разумеется, собственник тоже получает известный процент от этой деятельности, зависящий от «качества» официантки и от количества «обслуженных» ею клиентов. Когда девушка «хорошо продается», хозяин пивной снимает ей квартиру в близлежащем доходном доме, если только жилой комнаты нет в самой пивной (такое случается, но крайне редко). Режим дня гораздо более щадящий, чем в борделе, — рабочий день начинается в три часа дня, с наступлением полуночи девушка имеет право уйти спать. Пивные были в особенной моде у студентов, лицеистов, служащих, им нравилась эта атмосфера равенства, доступности и сексуальности. В некоторых пивных, например в Мулен-Роз (не пу-

тать с Мулен-Руж!), имелся подвал, служивший расширенной задней комнатой; другие отделяли часть общего зала тонкой фанерной перегородкой, за которой помещались узкие комнатки, где «все происходило без какого-либо намека на интимность, тем более что дамам было рекомендовано никоим образом не стараться делать все потише, с тем чтобы клиенты, пришедшие просто пропустить стаканчик в приятной компании, задумались — а не заказать ли им кое-что поинтереснее?».

Каждая пивная превращается в своего рода эротический театр, в котором официантки должны своими костюмами и своей манерой двигаться будоражить воображение присутствующих. «Восточная пивная. Приходите к нам посмотреть на султанш наших дней. Сегодня мы открываем храм Венеры. Весь мир желает видеть его великолепных богинь в их изысканных костюмах». «Блондинки, крашенные перекисью водорода, и рыжие, крашенные хной, чепчики эпохи Возрождения, украшенные поддельными бриллиантами; корсажи, бархат, рукава с прорезами, закатанные по локоть, несвежие воротнички — вот в каком виде они предстают перед вами».

Газовый свет, табачный дым, опьянение, скамейки, обитые рыжей кожей, резкое освещение, сколько хочешь выпивки. В этой горячечной атмосфере везде прячется любовь. Здесь романтические юноши переживают свой первый роман, пусть мимолетный. Нужно быть человеком, совершенно разочарованным в жизни, как Гюисманс, и уставшим от нее, как его герой Дезессент, чтобы презирать и порицать этих сумасшедших, попадающих в ловушку, искусно выставленную здешними девками, которые, несмотря на свой привлекательный вид, все равно паразитируют на обществе, как и все проститутки. «Несмотря ни на что, эти официантки оставались такими же глупыми, такими же корыстными, такими же злыми и такими же отвратительными, как и бордельные проститутки. И те и другие пьют, не испы-

тывая жажды, смеются без причины, сходят с ума от ласк незнакомых людей, осыпают друг друга оскорблениями, постоянно поправляют шиньон без малейшей на то причины; но несмотря ни на что, даже по прошествии стольких лет, парижская молодежь так и не поняла, что девки из пивных были несравненно ниже проституток из великих борделей, как с точки зрения телесной красоты, так и с точки зрения умения одеваться. Боже мой, говорил Дезесент, как же они тупы, эти люди, что толпятся в этих пивных; ведь вдобавок к тому, что они проводят время зря, они еще и забывают об опасности низменных соблазнов, они забывают подсчитать, сколько на самом деле они должны заведению за заказанное вино, не замечают, что им приносят счет на большую сумму, рассчитывая, что они дадут больше чаевых» (Ж.-К. Гюисманс «Наоборот»).

То же самое происходит и в провинции — все города наполняются пивными, к неудовольствию торговцев лимонадом, которые пытались себя защитить, отправляя петиции в мэрии. Неконтролируемый рост количества этих заведений, которому способствовало и то, что в пивных без ограничений работали несовершеннолетние, сумел приостановить закон от 24 февраля 1888 года.

Проститутки в кафе

Эстафету у пивных приняли кабаре и кафе. Прежние бандерши превратились в держательниц кабаре. В 1905 году комиссариат Монса отметил, что в городе существует более двадцати заведений, прислуга которых в полном составе занимается проституцией. В Анжере все такие заведения находились в одном специально отведенном квартале. В Париже в 1900 году проститутка могла зарабатывать в кафе от 15 до 20 франков в праздничные и выходные дни. Они постоянно переходят из одного кафе в другое, если в какой-то вечер они не

находят клиентов, они могут отправиться спать со своим любовником, заплатив хозяину кафе. Клиенты — в основном солдаты и рабочие, алкоголь продается с наценкой с нуля часов. Существуют самые разные типы кафе. Есть кафе с веселой и даже кокетливой обстановкой, в которых бывает приятно посидеть подольше, есть грязные и отвратительные, больше похожие на кабаки, вроде тех, что на бульваре Гренель, в которые ходил Макорлан: «Обстановка была совершенно кошмарная. Стены голые, беленные известью. По стенам подгнившие скамейки, обитые бархатом, некогда красным, а ныне протертым до дыр и странного желтого цвета. Десяток хромоногих столов, истыканных и изрезанных ножом. Клиенты всегда приходят компаниями, уже пьяные, лица их не внушают ничего хорошего; рука инстинктивно тянется к рукоятке кинжала. Когда они уселись, из-за занавески к ним подходит карлик, по его виду не поймешь, какого он пола. В руках у него нечто вроде шарманки, он рывками крутит ее ручку, звучит унылая отвратительная музыка. В этот момент в потолке открывается люк и на лестнице, занимающей половину зала, появляются сначала ступни, затем голые икры, затем короткая розовая ночная рубашка, затем и голова... Кто это? Наверное, когда-то это была женщина, сейчас видно только, что это существо вида *homo sapiens* и что занятие его — проституция».

В кафе, расположенные рядом с бойнями, ходят странные типы с оружием, полиция туда и нос боты сунуть. В портовых кафе поют странные песни, играет странная музыка, слышна сирена трансатлантического лайнера, матросы пытаются там почувствовать себя на твердой земле. В кафе на бульварах близ Оперы ночью всегда горит очень яркий, враждебный свет, там сонные проститутки в два часа ночи пытаются «склеить» жирных пузатых клиентов, те их совсем не хотят, но боятся слово сказать.

В течение ночи обязательно наступает ключевой момент, когда в права вступает желание, когда в комнатухе какого-нибудь жалкого отеля начинается известный всем церемониал:

«Войдя в комнату, мужчина снимает шляпу и промокшее под дождем пальто, кладет на стул свои испачканные грязью брюки. Он бросает на свою спутницу подозрительные взгляды. Потом он ждет, монотонно покачивая головой, пока она будет готова предстать перед ним. Этот момент очень важен для обоих существ, которые совершенно случайно сошлись вместе только для одного — для того, чтобы обменять любовь на деньги. Они почти ничего друг другу не говорят... Они обнялись, они договариваются о том, как они совершат свою сделку. Они внимательно следят друг за другом. В зеркале отражается арабеска, перепутанные линии которой похожи на их сплетенные тела. Внимательный человек заметит пустоту всего происходящего. Иногда, окинув погасшим взглядом несчастную, зарабатывающую в этот самый момент свои деньги, клиент пытается пробудить в ней какое-то чувство. Он старается. Зачем? Ради нее или просто хочет помочь ей лучше сделать ее работу? Никто не может сказать. Но с самого первого момента их встречи женщина ставит барьер его возможностям. Она тоже старается изо всех сил, вкладывает в дело все свое бесстыдство, отдается ему вся без остатка, а он, воспринимая все это как бы издалека, требует от своей партнерши нового...»

Чем ближе к ночи, тем цены ниже. Чем позднее, тем темнее на улицах. Кучера ночью дают клиентам скидки и проститутки тоже. Куда им идти? Игра продолжается в редких ресторанах, открытых допоздна: «Туда ходят для того, чтобы искупаться в роскоши, особенно циничной в отдельных кабинетах. Брутальность и грубость всего происходящего оставляют следы везде: от зеркал — дамы пытаются своими драгоценностями писать на них неприлич-

ные слова и даже рисовать непристойные сцены — до роялей, куда распутники ради смеха выкидывают объедки и выливают шампанское».

Девушки пристают даже к самым старым клиентам, толкают их, едят из их тарелок, пьют из их бокалов, затем переходят к следующему столу. Ночной ресторан — последнее прибежище проституток: «Красавица приближается неспешными шагами, небрежно помахивая огромным веером, официанты спотыкаются о шлейф ее платья, ее юбки опрокидывают стулья. Дойдя до места, она ставит свой букет в графин с водой, швыряет на стол шляпку, плащ, веер, все это занимает меньше секунды, подходит хозяин, убирает со стола лишнее, после этого красавица, которую можно здесь же купить, наконец решает присесть».

Певички

В некоторых ресторанах есть сцена, на ней выступают певички. Котелки, шляпы, черные плащи, шубы — весь присутствующий народ отбивает ритм и аплодирует похабным куплетам, а некоторые парочки под музыку отправляются в отдельные кабинеты. Кабаре с самого начала было местом свиданий, и эта его роль закрепилась за ним не только в Париже, но и по всей стране. В Гренобле в начале XX века было пятьдесят—шестьдесят кафе, где работали от пятисот до двух тысяч проституток. В Рубе в 1881 году домами свиданий служили семьдесят четыре кабаре. В Бресте таких кафе было минимум пятьдесят. В Лионе их было столько, что никто не мог сосчитать, сколько именно. В 1836 году председатель городского совета Кот-дю-Нор в ужасе писал в Министерство юстиции: «Кажется, что в настоящее время эта заразная болезнь поразила все наше общество, весь Кот-дю-Нор охвачен ею, и маленькие деревушки, и большие. В нашем районе, особенно на основных дорогах, располагается зна-

чительное количество кабаре, которые на самом деле являются прибежищами проституток и развратников, где предаются пороку юные девушки из наших мест. Ничто не может их удержать, ведь эти же кабаре служат прибежищем для воров и убийц, хранилищем и рынком краденого. Там регулярно происходят кражи, ночные нападения, самые преступные акты насилия».

Кабаре тоже весьма разнообразны. В одних девушек сгоняют на эстраду для того, чтобы убрать подальше от похотливых лап клиентов — в таких местах за выпивку платят вперед, а танец стоит 2 су, в других совсем еще молодые девушки проводят целые дни в отдельных кабинетах, получая плату от хозяина заведения, в третьих вообще только женщины и работают и все торгуют собой, от хозяйки до посудомойки. Клиенты — рабочие, ремесленники — остаются довольны, буржуа ужасаются подобному разврату и пишут петицию за петицией. Полиция реагирует и проводит расследования. Так, 10 июля 1880 года комиссар города Ля Бастид под Бордо* направляет своему начальнику следующий доклад: «Мы видели, как периодически клиенты целовали официанток; и даже как официантки целуют клиентов. Также засвидетельствованы случаи, когда посетители усаживали официанток к себе на колени, обнимали их за талию. Периодически официантки садятся с молодыми людьми в закрытые экипажи и курят. Засвидетельствованы случаи, когда клиентам делались непристойные предложения».

Буржуа предпочитают музыкальные кафе. Они вошли в моду в восьмидесятые годы XIX века и стали особенно популярны в провинции. Не существовало ни одного городка, где не было бы своего му-

* В настоящее время — часть агломерации Бордо. — *Прим. пер.*

зыкального кафе с четырьмя-пятью певичками. Певички одновременно проститутки. Мужчины хорошо это знают, и тот, кто поставит певичке бокал шампанского за свой счет, имеет право в перерыве между песнями увести ее в отдельный кабинет. Существует целый рынок труда этих, как они себя называют, «артисток лирического жанра» (центр его находится в Париже), где их нанимают агенты, распространяющие в газетах объявления, привлекающие юных девушек, заинтригованных музыкой и театром. Агенты затем распределяют своих клиенток по музыкальным кафе, где девушки обязаны спать с клиентами до двух, а то и до пяти часов утра. В обмен на это они получают всего лишь обещание вывести их «на большую сцену». Общественное мнение было возмущено поведением этих певичек. С 1903 года профсоюз «артисток лирического жанра» начал вести активную кампанию в защиту своих членов. Вот как об этом писала в 1906 году «Юманите»:

«Заработок несчастных составляет 1—5 франков, они вынуждены платить за еду и жилье в заведении, где работают, цены хозяин устанавливает, какие хочет. Певички обязаны спать с теми клиентами, которые их выбрали, если они отказываются, их немедленно выставляют на улицу без выходного пособия... Международный конгресс коммунистов решил призвать национальные комитеты потребовать от исполнительной власти осуществлять отныне надзор и наказывать владельцев театральных и музыкальных агентств за противозаконные действия, а равно и владельцев открытых для публики заведений, которые под предлогом того, что представляют в своих стенах искусство, на самом деле поощряют и живут за счет проституции». Два месяца спустя Министерство внутренних дел издало циркуляр, призванный навести порядок в отношениях певичек и хозяев кафе. Ничего не вышло... В музыкальных кафе все равно каждый день был аншлаг, все равно там было полно проституток.

Танцовщицы

Наравне с кафе, тротуарами и ресторанами танцевальный зал также служил площадкой для торговли любовью, более того, можно сказать, что торговля собой в танцевальных залах была обязательным первым шагом юной проститутки. Там танцуют, там у всех кружится голова, там легко себя показать, легко сделать или получить непристойное предложение.

«Целая толпа как бы мраморных девушек с республиканскими манерами весь вечер снует и кружится здесь, как карусель. Вокруг них ходят прощелыги в возрасте, которым очень нравится брать под руку сразу двух девиц... В Мабиле уже опытные девушки, почтившие этот рынок удовольствий своим присутствием, весь вечер сидят в креслах, служа фоном; под канделябрами, развешанными тут и там по стенам, сидят старухи, сводни и торговки цветами, предлагающие свои услуги парочкам; на деревянных скамейках сидят юные гуляки; в тире можно видеть счастливых танцовщиц, умудрившихся попасть в яблочко; наконец в кафе сидят бесстыдные развратницы, которые кричат и пьют, — эти из категории насмешниц».

Проституток можно делить на разные категории, они при этом будут пересекаться, но не смешиваться. У каждой свои правила, свои часы работы, своя манера вести себя, своя манера двигаться. Шикарные проститутки ездят в экипажах, они появляются на улицах не раньше девяти вечера и занимаются только непосредственно снятием клиента. Они презирают своих «гулящих» коллег, которым еще приходится и танцевать перед клиентами. Проститутки высшего ранга всегда очень хорошо одеты и ведут себя достойно, в то время как их «развратные» сестры будут задиравать ноги, орать во всю глотку похабные песни, ничего не слыша за музыкой и за хохотом. В танцевальных залах типа зала в Мабиле

вход стоит от 3 до 5 франков, в ту же группу попадают Валентино, Казино Каде, Тиволи-Вокзал. Все эти заведения — самые сливки своей группы. В Париже во времена «бель эпок» танцевальные залы росли как грибы, их насчитывалось более двухсот, они были на окраинах, в пригородах, в центре; были залы, которые называли «залами воров и воровок». Для моралистов вроде Карлье танцевальный зал — место, где происходит падение человека, особенно часто здесь «гибнут» молодые фабричные работницы. Как им избежать соблазна нырнуть в объятия своего первого возлюбленного? К тому же эти залы просто набиты сутенерами. В залах на окраинах города свирепствуют так называемые «пескари» — девицы, одетые в шелковые шляпки, длинные блузки, с завитыми волосами; а в самых шикарных залах царствуют «зеленые спины» — девицы элегантного вида, с аккуратно сделанной прической, с сигаретой во рту. Такая девица покидает отчий дом, часто из-за романа с каким-нибудь молодым человеком, затем бросает работу и становится подпольной проституткой. Танцевальные залы «в наши дни представляют собой не что иное, как выставку-продажу живой плоти, рынок проституток, где за товар торгуются так же, как на обычном рынке, тем более что у их клиентов принято приходиться большой компанией, за что они получают оптовые скидки. Там вокруг девицы крутятся, как рой мух, торговки вечерними платьями. Если девушка симпатичная, эти эксплуататорши человеческого тела стараются ей польстить, воспользоваться ее тщеславием, предлагают ей костюмы и украшения в кредит, принимая в залог ее тело, которым после этого торгуют. Получив новые туалеты и заплатив за обучение танцу присланному дирекцией зала человеку, она может отправляться танцевать эту адскую кадрили. Когда она станет известна в своих кругах, она сможет поднять цену за свои услуги».

Нана и Атлас ходят в танцевальные залы в поисках клиентов. Братья Гонкуры тоже ходят в танцевальные залы, выбирая самые низкопробные, в поис-

ках острых ощущений. Им особенно нравится зал на площади Мобер, где, как они говорят, танцуют девушки одиннадцати — шестнадцати лет, и замечательно танцуют. В Вилье вход стоит всего 1 франк, а публика очень подозрительная. Есть залы, где вход еще дешевле, 50 сантимов, — в залах под названием «Лошадиный хвост» и «Белая королева» больше не берут, туда пьяные проститутки приходят под руку со своими сутенерами. Клиентура — самый последний сброд, воры, извращенцы, мясники, барышники, они идут туда выпить, потанцевать и продать свою дочь или сестру. Танцуют до утра, выглядит все это отвратительно, пахнет прокисшим вином и потом. Там царит атмосфера буйства и сексуальной наглости, от которой без ума буржуазные писатели: «За столами не было ни намека на свободное место, тут и там девушки и юноши, прижатые друг к другу разношерстной толпой. Кто с Куртиль, кто с Монмартра, кто с Терн, кто из Мезон Бланш, кто с Монпарнаса, кто с Гренель и с Отейль. Туда все еще стекались парижские отбросы, воры и проститутки, они ночевали под ивами и в кабачках по берегам Сены. Там солдаты этой преступной армии назначали друг другу свидания, с удовольствием демонстрировали всем окружающим свое уродство и моральное разложение на фоне отвратительного индустриального пейзажа: фабричных труб, временных барачков, лачуг, трущоб, которые, как какие-нибудь мусорные грибы, выросли из всей этой грязи, битых бутылок и запачканной бумаги».

Дома свиданий

Средняя и крупная буржуазия предпочитает распутничать в домах свиданий. Они впервые появляются в конце XIX века, заменяя собой меблированные комнаты, куда проститутки отправлялись со своими клиентами. К началу XX века в Париже было почти две сотни таких домов. Префект полиции Лепин вынужден был ввести в 1900 году положение, согласно которому эти дома делились на две кате-

гории: дома, где услуги стоили менее 40 франков, и те, где они стоили дороже. Эти дома открыты только во второй половине дня, туда ходят либо проститутки, зарегистрированные в полиции, либо просто женщины, которым как-то нужно свести концы с концами — жены мелких буржуа, коммерсантов, ремесленников, которые не прочь, если при этом не пострадает их доброе имя, подработать таким вот образом. В таких домах царит атмосфера нежности и покоя. Хозяйка ведет себя как достойная дама — владелица обыкновенного доходного дома, проститутки прилично одеты. Они попали сюда то ли по совету подруги, то ли поговорив с какой-то дамой в парке, то ли прочтя объявление в газете, вроде следующего: «Нужны женщины на легкую работу. Опыт не требуется».

Вербовщики обманывают их так же, как любых других, а жертвы, раз попав сюда, часто не находят в себе смелости уйти, а некоторым начинает нравиться. Им нравится инкогнито, им нравится секс, за который им еще и платят, им нравится, что с ними спят совершенно незнакомые им мужчины, для которых ты сейчас раздвигаешь ноги, а через полчаса его уже нет, и ты его больше никогда не увидишь. Головокружение от чувств охватывало многих, например, Рене Саккар, когда она провожала взглядом шествующих по улице проституток, и Северину, героиню «Дневной красавицы», когда ее подруга Рене рассказывала ей про дом свиданий: «Дорогая, только представь, что бывает в этих домах. Ты — во власти всякого, кто пришел и заплатил, даже если он вонючий урод... Нужно делать все, что он говорит, все, чего он ни захочет... Незнакомцы, каждый день новые люди. И мебель — она принадлежит всем. Кровати... Задумайся, только на секунду представь, что ты занимаешься этим делом, и ты все поймешь».

Когда хозяйки домов свиданий хотят обновить кадры, они вешают в известных местах, например, у галантерейщиков и у виноторговцев, объявления о

том, что им нужны труженицы... Девушки попадают на приманку и привыкают к такому легкому заработку. Клиенты обычно ведут себя вежливо, без насилия, даже если вкусы у иных и странноватые. В каждом доме свиданий есть постоянные «сотрудницы», которых Вирметр вульгарно называет «дежурными блюдами», а кроме них существует еще бесчисленное количество «внештатниц»: женщин, живущих на содержании у стариков (последние дают им достаточно свободного времени, которое они тратят на то, чтобы иногда попотчевать собой какого-нибудь буржуа); актрис мелких театров, зарабатывающих таким путем на одежду и на украшения, и даже замужних женщин, которые приходят в эти дома «развешаться». «Как хотите, милочка. Два дня в неделю, отлично. Вы у нас будете дневной красавицей, конечно. Одно только — у нас очень не принято опаздывать. В пять часов вы свободны» (Ж. Кесель «Дневная красавица»).

Здесь уже трудно отыскать границу между куртизанкой, профессиональной проституткой и проституткой «на полставки».

Дом свиданий принимает также и пары, которым негде заняться любовью. Все посетители и труженики дома свиданий ведут себя друг по отношению к другу с необыкновенной вежливостью. Тут нет салона, где бы клиенты ожидали девушек, тут нет обнаженных проституток, выстраивающихся перед клиентом в ряд, тут нет громкой музыки. Тут мелкобуржуазная роскошь, церемониалы, все ведет себя тихо. Когда клиент входит в дом, его встречает хозяйка, она предлагает ему шампанское, выдает ему альбом: в нем собраны фотографии женщин, которые ждут его в своих комнатах. Цены под фотографиями не подписаны, так как клиент не должен знать, какой процент получает хозяйка. Эта неброскость представления «товара» заставляет вспомнить о зеркалах. Когда-то в бордели приходили за тем, чтобы увидеть себя зверем, одуревшим от похоти

животным; теперь в изящные дома свиданий ходят с тем, чтобы быть самими собой. Не от этого ли смена способа представления девушек? Не это ли свидетельство изменения менталитета?

Маленькие проститутки

Снаружи дом свиданий выглядит как самый обычный дом, клиенты, как правило, постоянные. «Друзья» дома порой могут платить половину от того, что платят «простые клиенты». Полиция, разумеется, куплена. Хозяйки в большинстве своем никогда не несли ответственности за то, что у них работали несовершеннолетние. В одном доме свиданий на улице Тильзит полиция, проводя облаву, обнаружила двенадцатилетнюю девочку, которую туда каждый день приводил отец, как в школу. У хозяйки дома свиданий имелось полное досье на девочку, с именами и адресами ее клиентов, с данными об их состоятельности и профессии.

— Но зачем вы хранили этот компрометирующий документ? — спросил хозяйку капитан полиции.

— Это совершенно ясно — если у меня возникают проблемы, мои клиенты, люди с хорошими связями наверху, защищают меня под угрозой того, что я раскрою общественности их истинное лицо.

— Однако вы хорошо подготовились, — сказал другой полицейский.

И действительно, дело против нее возбуждать не стали.

Тем не менее был очень громкий процесс над некоей г-жой де Мейрений, которая поставляла несовершеннолетних девочек в дома свиданий. В газеты также попала история дома свиданий на улице Камбасер; особенно часто цитировался следующий диалог между судьей и хозяйкой дома:

— Как вы можете не испытывать стыда, вы, мать семейства, за то, что приучали к самому гнусному разврату маленьких детей?

— Да с какой же стати мне этого стыдиться, мой дорогой? Вы ведь, приходя ко мне, еще жалуетсяе, что они слишком старые.

Слава дома свиданий распространяется быстро, и если общественности становится известно, что у этого дома были проблемы с правосудием по поводу использования труда несовершеннолетних, это только добавляет ему шарма в глазах клиентов... Исследователям удалось разыскать архивы некоторых домов свиданий тех времен, что позволило им составить социальные портреты как клиентов, так и проституток. Так, г-н Мас, начальник полицейского отделения при префектуре Парижа, сумел откопать архивы дома свиданий вдовы Фретиль. В списке клиентов фигурировали люди из самых изысканных обществ и семейств Франции, там были и члены Жокейского клуба, и генералы, и адмиралы, и министры, и президенты крупных частных компаний. Список агентов, поставщиков кадров — девушек и маленьких девочек, — также впечатлял своим размахом: там были и торговцы вечерними платьями, и модельеры, и парикмахеры, и гадалки, и начальники обычных кадровых агентств, и повивальные бабки, и официанты кафе... Вирметру удалось добыть книжечку одной бандерши, где фигурировали описания клиентов вроде следующих:

«Б., финансист. Сто тысяч ливров ренты, раз в месяц, новая девочка от двенадцати до четырнадцати (максимум) лет. Должна быть очень худая.

Каждую неделю, чем сильнее, тем лучше, 100 франков, полчаса: красивая или нет, не важно, главное, чтобы грудь была побольше.

Г-жа де Т. После полуночи в дни приемов хочет блондинку, по возможности русую, ненадушенную, она любит, когда женщина пахнет сама собой.

Г-н граф де С. Надо отправлять к нему каждую субботу, в дом Луизы, девочку, лучше из семьи торговцев или старьевщиков, двенадцати лет, в рабочей

одежде, не причесывать, не мыть, каждый раз должна быть разная.

Г-н Д. Каждый месяц отправлять к нему самую высокую женщину, у которой в этот момент менструация, не менять белье.

Генерал Т., старый брюзга, очень сложно удовлетворить, хочет только маленьких девочек десяти—одиннадцати лет».

Некоторые дома свиданий превращаются в своих предшественников — дома разврата самого экстравагантного вида. Они конкурируют с возрожденными великими борделями; там есть и зеркальные комнаты, и камеры пыток, и розги. В этих домах постоянно меняют «товар», в них предлагают всевозможные виды услуг, способных возродить желание у самых пресыщенных импотентов и вернуть мужскую силу самым старым развалинам. Сексуальные упражнения в таких домах порой заканчиваются трагически: Амель рассказывает, что девушек, побывавших с клиентами в камерах пыток, нужно было всякий раз отправлять в больницу. Можно утверждать с почти стопроцентной уверенностью — здесь сходятся все свидетельства, — что несовершеннолетние пользовались в таких домах самым большим спросом и что некоторые дома всю свою репутацию строили именно на них. Так было и в Марселе, где Ален Корбен сумел разыскать в архивах департамента Буш-дю-Рон историю некоей Полины Т., девочки одиннадцати лет, завербованной одной из своих подруг. До того она продавала на улице газеты: «Теперь я продаю себя каждый день с одиннадцати до половины первого и с пяти до семи вечера у одной дамы, которая платит мне от двух франков пятидесяти до семи франков». Девочка занималась с клиентами только мастурбацией и оральным сексом. «Но один из них как-то раз овладел мною целиком, мне было очень больно». Да, маленькие девочки очень сильно возбуждают... Разумеется, частенько роли девственниц и маленьких девочек исполняли совершенно-

летние, нужным образом причесанные, покрашенные и одетые; но не будем себя обманывать: детская проституция была с 1830 по 1930 год явлением, распространенным повсеместно. Да никто и не пытается отрицать этот факт: ни полиция, иные функционеры которой регистрируют двенадцати-тринадцатилетних проституток и официально ставят их на учет (к тому же подавляющее большинство муниципальных постановлений о проституции просто не содержат указаний на возраст, начиная с которого проститутку можно регистрировать); ни врачи, которым приходится сталкиваться в госпиталях с теми же двенадцатилетними девочками, страдающими сифилисом в последних стадиях; ни органы правосудия, которые время от времени проводят показательные процессы над матерями, продавшими в бордель своих дочерей. Никто и не пытается скрыть этот факт, но некоторые считают нужным выразить свое возмущение, особенно консерваторы и клерикалы, которые видят в таких детях источник опасности и порока, а иногда и причину роста преступности. Если верить Эмилю Ришару, то к 1890 году число несовершеннолетних проституток в Париже стало столь огромным, что утрачена возможность его точно установить: «Я даже не пытаюсь дать хотя бы приблизительную оценку их числа. Они составляют значительную долю парижских проституток, среди них есть самые разные дети, от дочерей бакалейщиков двенадцати — пятнадцати лет, которые работают на дома свиданий зазывалами на бульварах и в центральных кварталах, до юных уличных девок, которые бегают за клиентами на внешних бульварах, на рынках, на вокзалах и даже на центральных улицах. Совершенно необходимо срочно принять какие-то меры против их порабощения и развращения».

Едва выйдя на панель, девочки заболевают сифилисом. Врачебная статистика неумолима: риск заразиться сифилисом в первый же год работы проституткой ужасающе велик. Средний возраст проституток неуклонно снижается, вызывая сильнейшее беспокойство врачей и юристов. В Париже этот фено-

мен особенно ярко выражен, но ситуация в провинции принципиально не отличается от столичной. «Пенитенциарный журнал» в 1904 году опубликовал опрос о нравах горожан, проведенный среди полицейских офицеров семнадцати населенных пунктов. Согласно данным опроса, в Лилле, Гренобле и Гавре наблюдается тенденция к увеличению масштабов детской проституции. Так, в Гавре в борделе была арестована девочка тринадцати лет, в Париже на Больших бульварах задержали девочку восьми лет, которую изнасиловал отец, а его любовница водила ее на прогулки и продавала всем желающим. Как пишет Ревиль, большую часть девочек продают сводням родители, но некоторые выходят на панель по собственному желанию. Сводни ловят родителей малолетних девочек на улицах и предлагают им отвести своих десятилетних чад позировать художникам, отпустить их продавать цветы или участвовать в бродячих труппах. Маленьких проституток можно встретить повсюду: на улице, в борделе, в доме свиданий, в пивной. Одна женщина говорила прево: «Если вам нужны малютки, они у нас есть, стоит только подняться на второй этаж. Там даже моя дочь есть, малышка Жюли, она уже большая девочка, ей двенадцать лет, и не сказать, чтобы она была уродка или тупая». В домах свиданий всегда можно найти несовершеннолетних «сотрудниц», которые точно знают, что без «работы» не останутся. Еще раз повторим: в те дни на детство и на сам статус детей смотрели иначе, чем сейчас; но разве может наше сердце не обливаться кровью перед лицом такого бесчеловечного отношения к душе и телу ребенка?

Напрасно Макс Шалей напоминает нам, что в Лондоне ситуация была еще более ужасающей и что там существовали особые бордели со стенами, обитыми войлоком специально с целью заглушить крики детей; дело не в этом, а в том, чтобы как-то себе объяснить поведение родителей этих детей.

И в центре Парижа, и на окраинах матери и отцы ежедневно выводили своих детей на улицы после захода солнца и продавали их старым развратникам. Другие отдавали своих дочерей бандершам, которые вносили их в свой реестр и предлагали клиентам. Наконец, были дети, которые жили сами по себе, без источников доходов, падая жертвой самых разнообразных соблазнов:

«Не сто́ит строить иллюзий относительно числа девочек, еще совсем детей, которые живут в Париже совсем одни, выброшенные на улицу... Сироты, дети, оставленные родителями, до которых никому нет дела, несчастные юные бродяжки, живущие этакими дикарями, этакими маленькими зверьками, занимающиеся воровством, просящие милостыню, проводящие ночи под открытым небом, — им некуда идти, и поэтому они напрямик отправляются по самой ясной из дорожек: становятся проститутками...

Газета «Новый и Старый Свет» опубликовала 15 июня 1878 года заметку об одной девочке двенадцати лет, которую арестовала бордоская полиция. Она заявила полиции, что «давно занимается подпольной проституцией и не желает искать других источников существования». Было проведено расследование, в результате которого выяснилось, что девочку уже двенадцать раз арестовывали за непристойное поведение и что ее родители совершенно не хотят о ней заботиться. Она регулярно посещала венерическую лечебницу и имела разрешение от префектуры. Полицейский рапорт заканчивался советованием на «бесполезность наших советов». Заметив, что эти девочки приносят большую прибыль, сводни разработали целую систему изготовления девственниц специально для клиентов, единственной радостью которых была дефлорация. Девочка проходила сложную процедуру: полное воздержание в течение некоторого времени, затем обработка слизистой оболочки влагалища специальным стягивающим кремом из белого вазелина, розового экстракта и лосьона из хинной настойки. После этого девушка

принимала уксусную ванну, и через несколько дней у нее снова появлялась девственная плева!

Полиция не испытывала гордости от того, что регистрировала несовершеннолетних проституток, но и не боролась против распространения этого явления. Луи Фьо пишет прямо: «Постановка на полицейский учет малолетних проституток осуществляется повсеместно и регулярно, если не считать ряд лицемерных формальностей, необходимых для этого».

В лионской префектуре учет малолетних проституток ведут особым порядком, в Париже от них требуют поставить подпись под заявлением о постановке на учет, что снимает ответственность с полицейского чиновника. В официальной статистике они не фигурируют, тем не менее в этой связи все же произошло несколько скандалов. 8 апреля 1874 года перед Парижским городским судом предстала некая Мари Бурдон, приемная мать десятилетней девочки. Ее вызвали в суд после того, как ее приемная дочь явилась в полицию и рассказала комиссару следующее:

«Уже год прошел с тех пор, как мама потеряла друга, который ее содержал, в результате у нее стало очень туго с деньгами, и вот она мне сказала, что если мы не хотим умереть с голода, то надо ходить по улицам и бульварам, искать господ и давать им себя целовать. Она еще сказала, что раз я делаю это по тяжелой необходимости, то в этом нет ничего дурного. Она следила за тем, чтобы я молилась по утрам и вечерам, и водила меня исповедоваться. Однажды я пересказала исповеднику то, что мне сказала мама, он сказал мне, что это большой грех, что я не должна больше так делать; но я все равно это делала, так как мама мне сказала, что это наш единственный способ выжить. Вот она взяла меня за руку и повела на бульвар, подозвала какого-то красивого господина, который отвез нас к нам домой в экипаже и зашел к нам в гости».

Мамашу приговорили к пяти годам лишения свободы, штраф в тысячу франков и лишению родительских прав на двадцать лет. Девочку же отправили в исправительный дом. Вот здесь-то мы и видим ключевую ошибку всей системы. Проституция — не преступление, но, несмотря на это, девочку отправляют в исправительный дом, исключают из общества, изолируют в одном помещении с другими такими же девочками, которые вовсе не собираются исправляться. Законодатели, борцы за общественную мораль, попечительские советы и даже представители самой пенитенциарной системы восставали против этой чрезмерно репрессивной практики. Почему девочек нужно изолировать, когда они ни в чем не виноваты? С какой стати подвергать их «исправлению» и унижениям, тем самым лишь усиливая их желание сопротивляться и быть независимыми? Девочек отправляли или в Кадьяк, или в Дуланс, или в частные заведения в Монпелье, Лиможе и Руане. Все они демонстрировали, по словам директоров этих заведений, «мелочное тщеславие, проистекающее от осознания своего уродства», и с гордостью объявляли всем и каждому, что они не кто-нибудь, а шлюхи. Они утверждали, что «замужем», и писали на стенах и партах имя своего сутенера. Между собой они только и говорили, что о своих «профессиональных достижениях» и об отношении к женщинам своей профессии. Время от времени у них случались приступы ярости и ревности, они хотели все перебить и переломать, разорвать все на мелкие части. Все эти «восстания» жестоко подавлялись. Проституция не запрещена, так? Так за что же нас посадили в эту тюрьму? «Моя мама только этим и занималась всю свою жизнь, а за ней и мои сестры, и почему же мне-то нельзя, у меня же было удостоверение, за что же меня арестовали, мы уже никакие не дети, нас не нужно учить шить, нам не нужно это образование, мы и так спокойно можем заниматься своим делом», — так они говорят. В июне 1908 года в руанском заведении вспыхнуло настоящее восстание под лозунгом «нет пыткам, нет заточению». Га-

зета «Руанская депеша» так рассказала о произошедшем:

«Без четверти шесть утра в заведение въехал экипаж для перевозки заключенных. Он остановился во дворе, но когда охранники попытались втолкнуть в него стоявшую там дюжину девиц, случилось неожиданное. На жандарма, сопровождавшего экипаж, обрушился град ударов кулаками, других девушки искусали и избили ногами. Все это сопровождалось грубейшими оскорблениями из арсенала пьяных матросов... Девушек все же удалось затолкать в экипаж, но когда их привезли в тюрьму и открыли дверь, сцена повторилась. Пока экипаж ехал от заведения в тюрьму, они изорвали в клочья свою одежду и предлагали сопровождающим их полицейским заняться с ними “делом”».

Девушки кричали во весь голос, расцарапывали себя до крови, одна попыталась вскрыть вены куском разбитого ею стекла; все они провели некоторое время в руанской тюрьме, потом их перевезли в тюрьму Сен-Лазар, где они подготовили мятеж, начавшийся 13 июля 1908 года. Жестокость, проявленная восставшими, была из разряда чрезвычайных. Условия содержания в этой тюрьме были поистине ужасными. До семидесятых годов XIX века несовершеннолетние в этой тюрьме помещались в зверинец. Да, в зверинец! Произошло восстание, завершившееся только тогда, когда восставших победил голод; зверинец закрыли. Девушек перевели в другое помещение, дортуар, который Гюйо описывал так:

«Вообразите себе маленькие решетчатые клетки с деревянными стойками, похожие на клетки для обезьян, в которых стоят две кровати. Кровати разделяет только решетка из проволоки. Такие спаренные камеры соединены между собой одной стороной; они все стоят в длинном коридоре, так что перед и за ними есть проход. Вентиляции в коридоре нет. Шокирующая теснота».

13 июня 1908 года нужно было срочно переводить девушек во Френ. Для переговоров с восстав-

шими прибыл лично Клемансо. Девушки недвусмысленным жестом, «которому недоставало сдержанности», дали понять премьер-министру, что его попытки тщетны. Путешествие в Клермон-сюр-Уаз отнюдь не стало для охранников легкой прогулкой. По прибытии на место девушки закидали охранников своими деревянными башмаками, и двум удалось сбежать. Дополнительный конвой ожидал их на вокзале в Клермоне — девушки вышли из вагонов, «сняв корсаж и высоко поднимая юбки». 14 июля 1909 года случилось новое восстание; группу зачинщиц отправили под конвоем в тюрьму в Бон-Нувель. В течение всего путешествия девушки орали во всю глотку «Интернационал» и похабные куплеты.

После долгой и напряженной борьбы под руководством Беранже в сенат был внесен проект закона, запрещающего проституцию несовершеннолетних. Под давлением врачебных ассоциаций и обществ в поддержку морали правительство приняло этот закон 11 апреля 1908 года. Согласно ему, малолетние проститутки (младше восемнадцати лет) помещались не в тюрьмы, а в детские дома. Реально закон начал действовать только через год, и все равно предусмотренные им школы и приюты не были построены и укомплектованы. Так что в действительности он выполнялся только на бумаге...

«Я три недели занималась своим ремеслом в пригородах Парижа, и до сих пор ни у одного клиента еще не было возможности прийти ко мне дважды, и уверяю вас, что посмотреть на мое “интересное место” выстраивалась очередь, там был и стар, и млад. Понимаете, требуется посмотреть на все это дело моими глазами, чтобы наконец понять, что вокруг полно подонков, которые с приходом лета бродят по пригородам и ищут малолеток! Я этих малолеток видела, им и десяти лет не было, а они занимались тем же, что и я.

Но я, сильная, хорошо сложенная, с моим миленьким букетиком черных волос где надо, с моей

отличной фигурой, с моим чистым телом, я всегда умела отбить у них клиентов».

Это пишет тринадцатилетняя (!) Генриетта Гиймо в автобиографии, которую она собственноручно подарила художнику Мореро и рукопись которой по сию пору хранится в архивах Арсенала. Она дружила с двумя сестрами двенадцати лет, которых выгнала на панель их собственная мать, от них она узнала, «что нужно делать с мужчинами в постели». Впрочем, сама Генриетта занималась этим вовсе не в постели, а под открытым небом под наблюдением сутенера шестнадцати лет. Ее услуги стоили 2 франка за раз.

«Я жила в Сент-Уэне и спокойно, чтобы заработать еще немного денег, сидела на травке и показывала старичкам и юным любопытствующим то, что другие девочки прячут под юбкой и показывают только своему любовнику. Ах! Если бы вы их только видели! Они ложились на живот и не могли глаз оторвать о моего миленького черненького “интересного места”; они делали мне знаки, чтобы я задрала юбку еще немного... Я видела, как мужчины двадцати пяти и даже тридцати лет приставали и соблазняли детей восьми—десяти лет...»

Проституция на природе

Этот тип проституции практикуется на окраинах городов; те, кто ею занимается, делают это эпизодически. Полицейский комиссар из Шато-Гонтье пишет в 1849 году: «Большая часть таких проституток живет со своей семьей, имеет постоянную работу и занимается развратом только по вечерам вне города, в хорошую погоду — на променадах, в плохую — в домах свиданий».

Некая девушка из Лавалья признавалась в 1865 году, что «однажды на лугу близ улицы Кроссардьер получила 2 франка от человека, которого раньше не встречала, после чего совершила с ним

половой акт на близлежащей лужайке». Проститутки отыскивали удобные места между городом и сельской местностью, так как на эту территорию не распространялись правила. С наступлением лета они — то есть все, даже совсем юные, двенадцатитринадцатилетние — покидали отчий дом на много дней, отправляясь в поля пить и развлекаться с мужчинами. Прямо посреди леса под Анжером открывалось одно кабаре за другим: «Поля, посреди которых стоят эти кабаре, служат прибежищем разврата самого гадкого свойства, плоды которого поистине ужасны».

В сельской местности полицейские комиссары не устают подавать жалобы на бездомных проституток, толпы которых разоряют поля. Одним прекрасным июньским утром 1846 года на окраине Майенна некий журналист наткнулся на весьма интересную картину: «Я увидел несколько мужчин и женщин. Никого из них я не знал, они купались. Женщины были одеты, мужчины, как я думаю, были без одежды, так как находились в воде. Я увидел, как мужчина и женщина подошли друг к другу, женщина как бы присела, я видел ее колени. Мужчина был к ней очень близко, они держали друг друга за плечи. Тут-то я и решил, что они совокуплялись; другие в это время играли и резвились в воде».

Составить представление о том, как была устроена такая проституция на природе, довольно непросто. Источников мало, они труднодоступны. Тем не менее кажется, что проституция даже в XVIII веке была явлением, свойственным отнюдь не только городу. Кажется, что вне города взгляды на сексуальность были другие, нравы в деревне были более раскованными. Занятия любовью там не всегда влекли за собой какую-то историю и не требовали стольких церемоний, сколько в городе. Некоторые женщины

предавались разврату без того, чтобы становиться проститутками, поскольку в остальное время они работали в поле и растили своих детей. Некая юная дама по прозвищу Митральеза выводила своих клиентов с собой в поле. Действие происходит в Майенне в июне 1872 года:

«Мы отправились в поле, отошли примерно на сто метров от моего дома... Я легла на спину, подняла юбки, после чего вышеупомянутой К. наслаждался мною в течение полутора часов».

Утренние проститутки

Бродяжки следуют теми же путями, что и всё прочее население Франции: солдаты переезжают с одного места дислокации на другое, и женщины едут за ними; рабочие едут строить железную дорогу из одного места в другое, и женщины едут за ними. Некоторые находят себе жильё рядом с укреплениями и казармами. Обычно они уже в возрасте, некрасивы, даже отвратительны, лето проводят в амбарах, зиму — в строящихся домах. «Они отдаются солдатам и предаются самым гнусным актам разврата везде — на тропинках, у большой дороги, во всякое время, невзирая на прохожих».

Часто это бывшие служанки и работницы, выставленные за дверь хозяевами по достижении известного возраста. Иногда они отдаются просто за кусок хлеба. Отбросы общества, уличные девки в самом конце карьерного пути, оборванки, пьянчужки, женщины, один взгляд на которых вызывает у моралистов отвращение и сочувствие: «Они слишком обездолены, они стоят слишком дешево, чтобы из них можно было извлечь выгоду. Единственная польза от них — то, что у них есть долги, которые хозяин надеется из них выдоить; впрочем, они обычно настолько уродливы и до такой степени отвратительны, что они могут вызывать желание лишь у того, чей разум помутился — сам по себе или под влиянием алкоголя».

Еще ниже представленных дам лежат нищенки. Слишком старые для того, чтобы выходить на панель, они переселяются в места, где предаются разврату, и изо всех сил стараются быть полезными. Они ходят на рынок, сопровождают проституток в баню, на медосмотры и в полицию, ходят с ними рука об руку по бульварам.

Катулл Мендес с ненавистью и презрением писал об этих женщинах, готовых на все ради нескольких су. В «Женщине-ребенке» многие из них отзываются на объявление о наборе артисток в местный театр и выходят на сцену на прослушивание к ужасу режиссера: «Юбки и панталоны висели на них, как на вешалках, они стояли, безобразно выпучив животы, там же, где одежда их протерлась до дыр, были видны обтянутые кожей кости... Глаза их были потухшие, налитые кровью, с лопнувшими венами, с синими веками, казавшимися покрытыми трупными пятнами. Накрашенные кирпичной пылью скулы, намазанная грубой пудрой, не держащейся на висках, кожа, жуткие складки на щеках и шее... Волосы, в которые кое-как, криво вплетен шиньон, как будто сморщенные, коротко стриженные... Дрянная помада... Что это были за женщины? Из какой пригородной дыры они вылезли, эти девки, должно быть, ужасные в раздетом виде, похожие на жеваный окурок сигары? Как этим монстрам вообще пришло в голову прийти сюда и предстать перед нашими глазами, с обнаженными руками и грудью, в платье, прилипшем ко всем частям их тела?»

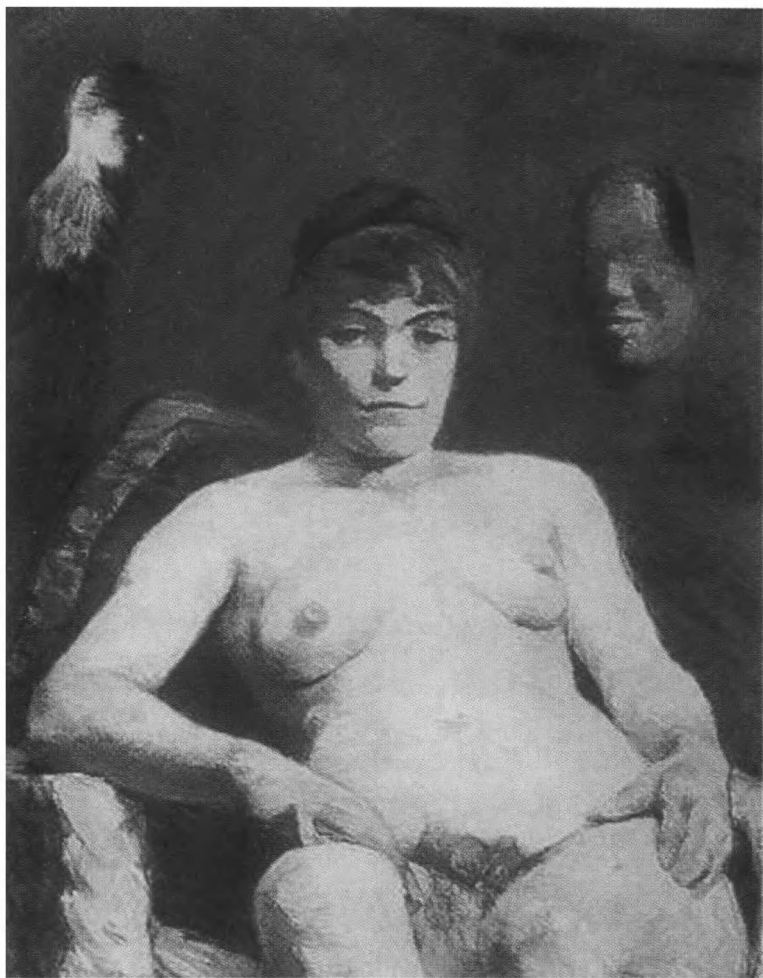
Но это еще не самое худшее. В самом конце ночи на улице можно найти женщин, которых называют «пресмыкающимися». Они настолько ужасны, что выходят на улицу, только когда очень темно. Они бродят по отдаленным кварталам и работают в одной упряжке с местными бандитами. Они ходят по незастроенным площадям и по стройплощадкам. Они спят под лестницами и на набережных такими летучими мышами, они набрасываются на ничего не ожидающего клиента и не отпускают его, пока он не даст им монетку. Они нигде не живут постоянно,

поэтому полиции лишь с трудом удается их поймать. В Париже они ночуют под мостом Шатле, под мостом Согласия: «Когда, при свете желтой луны, ты идешь по серому гравию, одна твоя ноздря чувствует опасность, другая — добычу. От опасности надо бежать, добычу — хватать».

Одну такую «пресмыкающуюся» звали Эпитафия, она умирала от чахотки и предлагала себя за 50 сантимов, а умерла от слишком крепких объятий одного здоровяка у Пон-Ляббе или у Конкарно. Они обычно настолько уродливы и отвратительны, что ни у кого не хватает смелости вступать с ними в нормальный контакт, так что «работают» они уже только руками. В некоторых кварталах даже образуется конкуренция за звание самой уродливой и самой нищей. В Париже это кварталы лачуг на улицах Монжоль и Аслен, где живут уже не люди, а человеческая масса.

«Окна без занавесок, грязные харчевни, комнатухи, кишасшие клопами; там по инерции живут проститутки и прочий сброд, мерзкий, тупой, крикливый. Здесь ночные горшки выливают на землю, здесь если есть полотенце, то оно одно и его не стирают, а просто сушат на печке. Там под неопределенно-коричневого цвета покрывалом видны засохшие следы еще недавно свежей грязи. Пахнет керосином, духами, мочой, плесенью. На особенно загаженном камине стоят два бокала с красным вином, видимо, в ожидании, когда клиент предложит выпить».

Самые дешевые проститутки работают в домах, которые зовут «трущобами терпимости», где аренда комнаты стоит франк в день. Эти комнаты — совершенно простые, они располагаются на первом этаже, освещаются дневным светом через окно и дверь. Проститутки сидят на пороге или на подоконнике и зазывают клиентов. Частенько они оставляют дверь

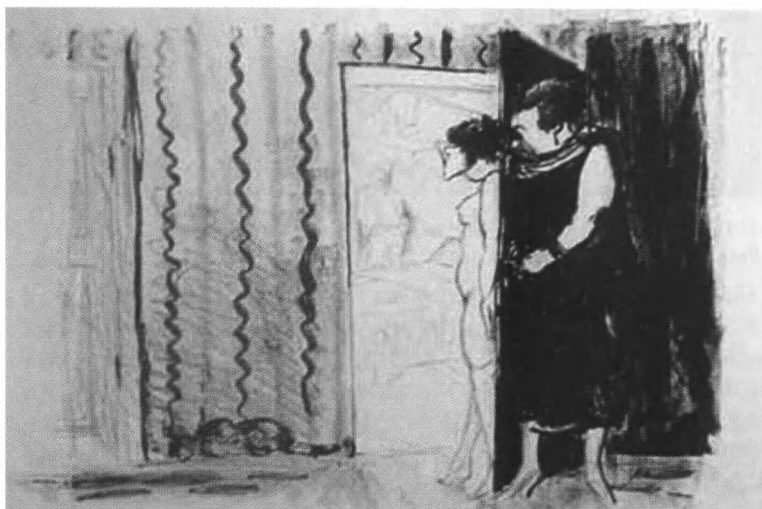

*А. Тулуз-Лотрек. Большая Мария, или Венера Монмартра.
Вупперталь. Музей Фон дер Хейт. 1884 г.*

Посещение клиентами публичного дома.
Сатирический рисунок. Конец XIX в.

М. Верт. «Вы можете уйти».
Литография к книге П. М. Орлана «Игра сумерек». 1926 г.

Лу Бунч, бандерша
одного из публичных
домов в Колорадо.
США. Конец XIX в.

Роза Мей,
проститутка,
известная
в старательских
городках
на Западе. США.
Вторая половина
XIX в.

Парижская проститутка.
Начало XX в.

М. Пецилла. Казенная депеша (французский моряк, оплачивающий проститутку). Франция. Почтовая открытка. Начало XX в.

Нина Патчен, шведская проститутка в мужской одежде. США. Конец XIX в.

Золотая Каска, известная французская проститутка 1900-х годов.

Проститутка, строившая из себя
несовершеннолетнюю девочку.
США. Конец XIX в.

Алиса Зуб Белки, проститутка
Додж-сити, считавшаяся
у местных скотоводов образчиком
традиционной романтической
красоты. США. Конец XIX в.

А. Тулуз-Лотрек. На софе. Нью-Йорк. Метрополитен-музей. 1894 г.

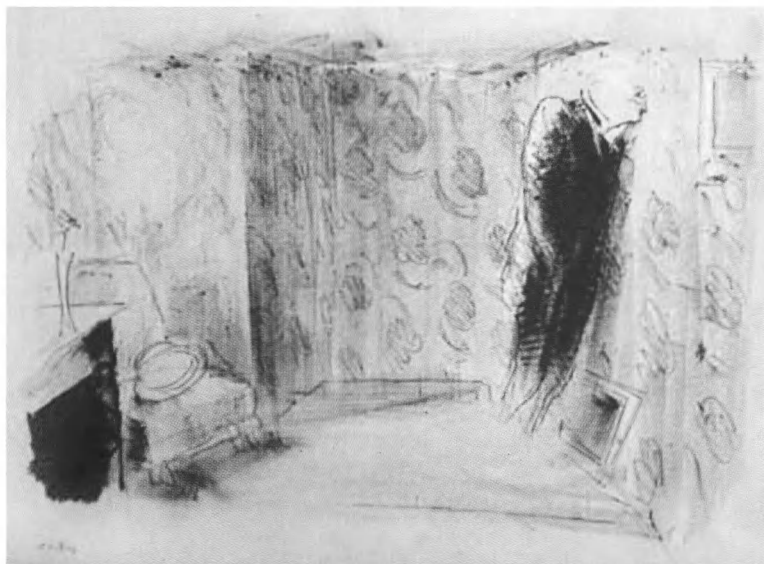

М. Верт. Литографии к книге «Любезная Европа». 1927 г.

М. Верт. «Специально для вас».

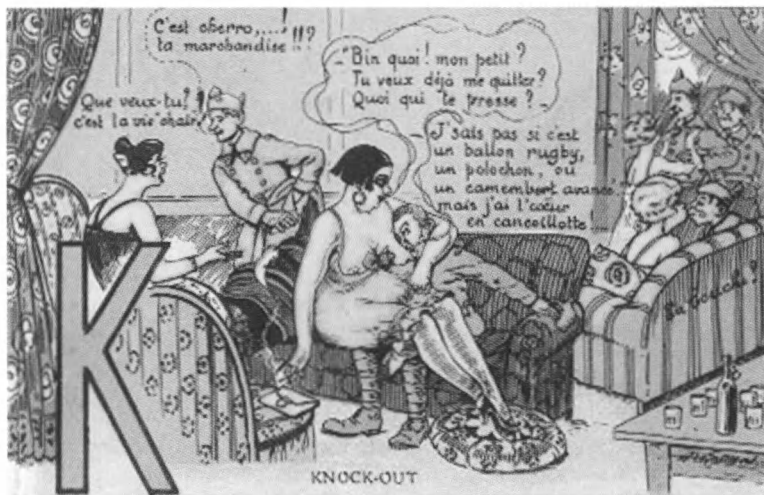
Литография к книге П. М. Орлана «Игра сумерек». 1926 г.

М. Верт. Вуайер. Литография к книге П. М. Орлана
«Игра сумерек». 1926 г.

А. Гаяр. Французская армия и проститутки.
Почтовая открытка. Начало XX в.

У Холман Хант. Пробудившийся стыд. Лондон. Галерея Тейт.
1853—1854 гг.

После бессонной ночи.

Маргарита Готье. *Иллюстрация* М. Роббе.

к роману А. Дюма-сына
«*Дама с камешками*».

Обнаженная, укладывающая волосы.
1906 г.

L'IMPOT SUR LE REVENU

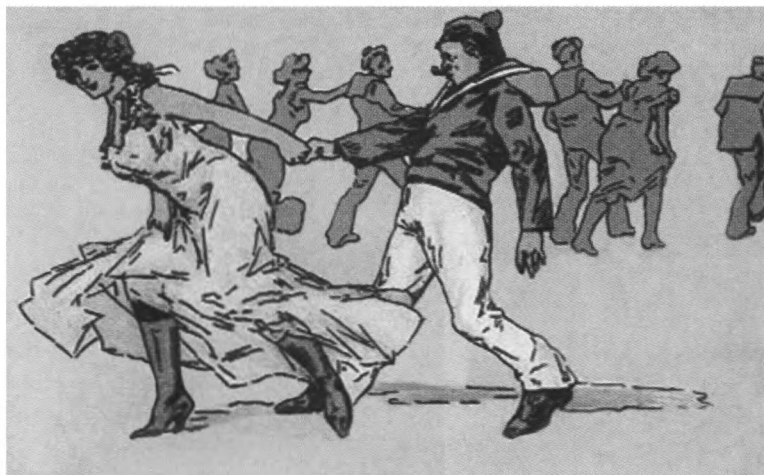

ELLE... T'A ÇA À METTRE ??

Ne crains rien, avec moi ton placement sera bien complé et mon revenu ne sera jamais imposé

Подходный налог.
«Вкладывайте ваши деньги, — говорит проститутка сутенеру, — и не беспокойтесь: мои доходы налогом не облагаются». Франция.
Почтовая открытка.
Начало XX в.

М. Пеццлла.
Буксир (французский моряк и проститутка). Франция.
Почтовая открытка.
Начало XX в.

Выезд обитателей публичного дома на прогулку.

М. Роббе. Простушки. 1906 г.

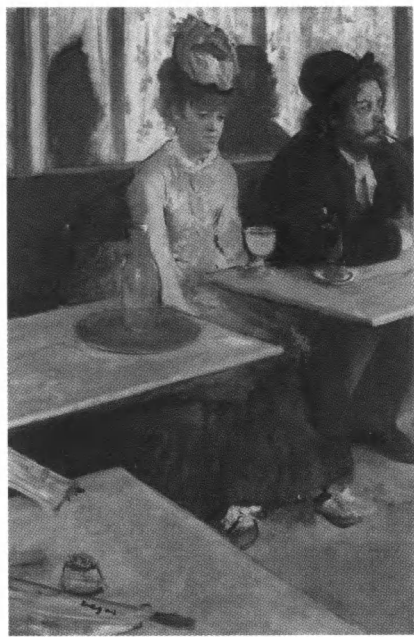

Р. Р. Скапан. Гризетка.

А. Тулуз-Лотрек. Мулен Руж. Ла Гулю. Париж. Национальная библиотека Франции. 1891 г.

О. Ренуар. Танец в Буживале. Бостон. Музей изобразительных искусств. 1883 г.

Э. Дега. В кафе. Париж. Музей д'Орсе. 1876 г.

Чезаре Ломброзо.

Воззвание
женщин Сан-Франциско
по поводу угрозы
роста проституции
из-за проведения
Панамо-Тихоокеанской
международной выставки.
США. 1915 г.

«Удовольствие блохи»
(ноги проститутки).
Почтовая открытка.
Начало XX в.

WARNING!

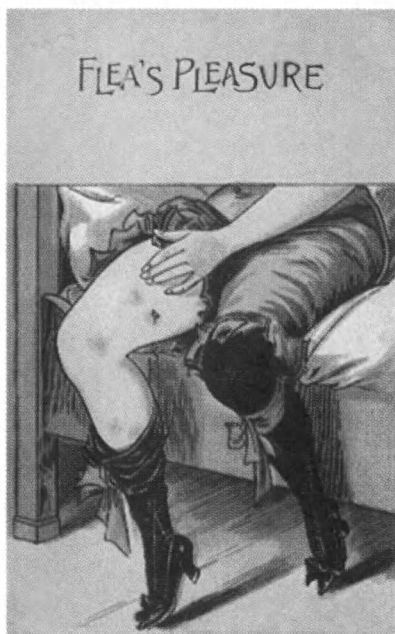
THE women of San Francisco are determined to prevent the letting of a portion of the fair grounds for the purpose of establishing houses of prostitution and are doing all in their power to stay the evil.

HOWEVER this controversy ends, one thing must be remembered. The vice that sacrifices the girlhood and boyhood of the country, and brings contamination upon innocent wives and children—that vice intends to flourish somewhere during the world's fair.

LET it be remembered that the country will be scoured for girls to supply the demand of this nefarious business, and every means that is possible for man to conceive will be used to snare and mislead these girls in order to secure them.

EVERY girl should be warned against advertisements of positions in San Francisco, for every place that is worth while will be taken, and the door that will be open for the strange girl will be the door that leads to perdition.

THE papers that do their duty to the girlhood of the nation will publish the warning, and women of every town and city who would protect the youth of the land, will sound the alarm and caution and guard the girls of their neighborhood.

Замок Венсенн.
В XIX веке это была тюрьма,
куда помещали
среди прочих
и арестованных
проституток.
Париж. XIV в.

Фантина.
Иллюстрация к роману
В. Гюго «Отверженные».

*Д. Г. Россетти.
Найдена.
Дэлавер.
Музей искусств.
1854—1881 гг.*

*Э. Г. Корбу.
Холод.
1869 г.*

В. Ван Гог. Скорбь. Гаага. Коллекция Бреммера. 1882 г.

открытой, и прохожие могут видеть, как они готовят еду, едят, причесываются. Если дверь закрыта, девушка «занята». «Пресмыкающиеся» выходят по ночам в районы таких трущоб и предлагают клиентам еще более низкие цены. Фрежье в своих прогулках по Парижу не раз встречал целые популяции проституток, живущих прямо посреди улицы и спящих на куче тряпок или в лачугах, где вместо стекол окна были затянуты промасленной бумагой и где мусор выкидывали прямо на лестницу, так что он скапливался на нижних ступеньках. Масае, бывший начальник службы государственной безопасности, пишет о «мерзких клоаках» в парижском квартале Бон-Нувель, где проститутки предлагали свои услуги в каморках за 15–30 сантимов. То же самое было и в Марселе в портовых кварталах. «Уже десять лет я работаю служанкой без жалованья в общественной уборной... Я продаю мужчинам удовольствия, соглашаясь на все их требования, я получаю 2 франка за раз, я делюсь своими доходами с хозяйкой». Мэри Марселя никогда не удавалось ликвидировать эти очаги разврата.

Сутенеры

И в шикарных домах свиданий, и в грязных трущобах, везде, где процветает легальная и нелегальная проституция, «жрицам любви» требуются клиенты, и они завлекают их в свои любовные сети самыми разнообразными способами. Свободные женщины бегают тут и там, сутенеры сторожат заработанное. Они работают больше, чем проститутки в борделях, и сильнее устают. Если у девушки нет сутенера, она не может быть проституткой. Чтобы ей досталась часть улицы и комната, она должна находиться под защитой сутенера, своей сводни, своего, так сказать, альтер эго, своего любовника, своего хозяина, своего тирана. Сутенер живет за счет проститутки, обеспечивая ей защиту. Сутенер — это не возлюбленный, которого проститутка выбирает сердцем, не с ним она предается настоящей любви.

Он также и не любовник, то есть любимый клиент бордельной девки или дамы полусвета, тот, кто периодически приходит к ней и получает от нее подарки. Сутенер — чаще всего тот, кто лишил эту девушку девственности, кто живет с ней, кто следует за ней повсюду; он сидит на террасе кафе, наблюдает за тем, как его проститутка выходит на панель и возвращается обратно, считает, сколько клиентов у нее было за день. Он приходит ей на помощь, если возникают проблемы, ранним утром он относит ее, уставшую до изнеможения, в комнату, где они живут, ложится с ней, она засыпает у него на груди. Он одновременно и насильник, и любовник, соблазнитель и работодатель, хозяин, враг и лучший друг. Бывают и «стыдливые сутенеры» — это те, кто имеет работу, но выгоняет свою любовницу на панель для дополнительного заработка.

Сутенеры могут работать по окраинам, скажем, в Гренель, Вилетт, Бельвиль, Менильмонтане, Шаронне, в районе Рынков. Обычно они безработные; такой сутенер начинает с того, что находит себе старуху и работает с ней, затем отыскивает кого-нибудь получше. Сутенеры, работающие в центре города, обычно бывшие официанты или служители отелей. Франсис Карко рассказывает об одном таком сутенере по прозвищу Трехглазый; в свое время он правил холмом Монмартр, демонстрируя свою власть ежевечерне в танцевальном зале Элизе-Монмартр:

«Его звали Трехглазым за то, что на правом виске у него было огромное родимое пятно, которое, когда он наклонял голову, напоминало зрачок; он был в кафе главным. Каждый вечер в заведении наступал час подлинного ужаса, когда он усаживался со своими помощниками в углу зала, а к нему одна за одной подходили женщины и ставили ему выпивку, прежде чем отправиться обратно “работать” Огромный, здоровенный, невозмутимый, непреклонный, он умел шутить, он умел жестоко мстить, и те восемь—десять женщин, что спорили за честь отдавать ему, помимо причитающейся ему части выруч-

ки, еще и так называемую “львиную долю”, пользовались в барах и ночных кафе такой популярностью, что все другие проститутки им завидовали. “Эта милашка Трехглазого”, — шептались между собой господа, когда одна из этих “счастливиц” отказывалась танцевать с ними. “А! Тогда ничего не поделаешь, отказала, значит, отказала”».

Все так и есть — проститутка является собственностью своего сутенера, она принадлежит ему душой и телом. С ним она спит, с ним она занимается любовью, с ним ей должно быть весело. Девушке не разрешается испытывать удовольствие с клиентами; в таком случае ее будут считать извращенкой. Если девушка испытывает с клиентами удовольствие, ее силы быстро сходят на нет, она теряет свою ценность. Только сутенер имеет право доставлять ей удовольствие. Он, кроме того, единственный, кто может стать отцом ее детей. Что это, такая странная смесь любви, удовольствия и материнства? Скорее всего. Дети, которых они рожают, — подлинные плоды любви, всегда желанные: «Проститутка возмущается, если кто-то выражает сомнение по поводу того, от кого она беременна. Они становятся матерями только по воле, с разрешения и в результате “активных действий” своего сутенера. Посылы других мужчин они считают фальшивыми, они лишь терпят их в силу требований своей профессии, с ними они не испытывают тех ощущений, без которых, как они думают, зачатие невозможно. Они точно знают — лишь их сутенеры способны их оплодотворить, потому что только они могут полностью утолить их страсть». Когда они принимают клиентов, они применяют в качестве контрацептива губки. И только своему сутенеру они отдаются целиком.

Сутенерам обычно от восемнадцати до пятидесяти лет, они часто торгуют лошадьми и театральными билетами на лучшие места. Их можно встретить на скачках, на ярмарках, они организуют там лотереи и азартные игры. Когда им нужна новая женщи-

на, они временно нанимаются официантами или помощниками парикмахера. Литература и театр «усилили» образ сутенера, превратив его в страшного бандита, дикаря-людоеда, существо циничное и богомерзкое, которое валяется в кресле в бистро напротив дома свиданий, попивает абсент и считает, сколько раз его «товар» зашел в отель с клиентами. Он бьет свою проститутку, он оскорбляет ее, он отбирает у нее заработанные ею деньги, но она его любит... Почему? Какова природа этого союза? Поставленные перед этим фактом моралисты скрепя сердце вынуждены были признать, что в сердце всякой проститутки все же есть любовь и доброта, пусть и спящие; но, признав это, они со всем остервенением принялись очернять фигуру сутенера, превратив его в подлинное чудовище, которое злоупотребляет своей жестокой властью над несчастной женщиной, надевая маску то соблазнителя, то тирана:

«Молодой ли, старый ли, сутенер во всяком случае ворчун, любитель вкусно поесть, бездельник и вор. По ночам он грабит одиноких прохожих. Если есть возможность, он превращается в педераста и занимается шантажом. Физически он всегда хорошо сложен и силен. Он умеет быть похабно-приветливым. Его костюм, ни одна деталь которого не подходит к другой — он покупал вещи в разных местах и в разное время, в зависимости от того, каковы были доходы его подопечной, — представляет собой ярчайшую картину элегантно нищеты. У него пагубное пристрастие к украшениям. Драки — его самое любимое времяпрепровождение: он дерется с другими людьми, ходит на собачьи бои, ему не важно, кто и с кем дерется... Во всем, что касается морали, его инстинкты самые низменные... Он еще и ревнив, но его ревность — самое неопровержимое доказательство его деградации».

Они встают поздно, сразу после обеда «снимают кассу», обходя места, где живут их проститутки, остаток дня до вечера проводят в кафе или на ярмар-

ке, а с семи часов вечера выходят на панель следить за своими девками. Женщины отдают им все: деньги, честь, достоинство. Сутенер — одновременно судья их жизни и их единственный спутник, он оазис, он убежище, он защита. Он даже в чем-то оправдывает их существование, сообщая ему смысл. Это страстное поклонение, этот добровольный мазохизм служат для проститутки механизмами искупления и очищения, укрепляют в ней мысль о самопожертвовании, откуда уже один шаг до того, чтобы решиться стать матерью. Насколько сильно это чувство, можно понять, взглянув на татуировки проституток: очень часто они выводят на своей собственной коже имя своего сутенера, вечный знак своей любви к нему. По выколотому образу — а это может быть кинжал, сердце, голубь — можно понять, какова природа их любви. Часто татуировки делают сами сутенеры. Если же происходит разрыв, то на теле у проститутки возникают другие образы, выколотые их подругами или профессиональными татуировщиками — сломанная стрела, слезы, могила. Сложно прочесть в этих знаках, тщательно изученных сначала Параном-Дюшатле, а затем Леблоном и Лукасом, свидетельство порабощения. Некоторые решаются говорить о том, что отношения сутенера и проститутки носят садомазохистский характер или подобны отношениям хозяин—раб, однако этот их вывод не находит подтверждения в немногих дошедших до нас свидетельствах самих проституток — в словах, сказанных ими в судах под присягой, в словах, написанных ими в письмах, обнаруженных на развалинах борделей. Да, их били, оскорбляли, подло обманывали, эксплуатировали, но они всегда оставались верными своим сутенерам. Где искать корень такой полной покорности? В страхе или в страсти? В природе самого образа их жизни, небезопасность которой делает наличие защиты вопросом жизни и смерти? Во всяком случае, двусмысленность этих отношений не раз приводила к трагедиям: никто еще не пересчитал их всех, найденных на рассвете в луже крови, чьих убийц полиция даже не пыталась

искать. Карко рассказывает о некоей Пипе Пантере, которая была слишком внутренне свободна, чтобы жить: «Несчастливая Пипа! Как хорошо я помню ее короткую юбку, ее фуфайку, ее зеленые ботинки, ее светлые волосы, ее милое личико. Черт попытал ее стараться быть независимой от своих любовников. Ее судьба да послужит другим примером. Она слишком любила громко смеяться, слишком любила веселиться, была слишком легкомысленна, слишком непохожа на других; и я навсегда запомнил то удовольствие, что отразилось на лицах очень многих местных женщин, когда они прочитали в газетах о ее смерти. Злорадствуя, они говорили: “Ну что ж, одной меньше”».

Для Бери сутенер — воплощение насилия: «Он всегда хладнокровно жесток, когда дело доходит до крови. В душе он подлый трус, что только подчеркивает его страсть совершать кровавые преступления». И все же... Все же отношения проститутки и сутенера выдерживают все испытания благодаря или вопреки страху, побоям, унижениям, изменам, пьянству. Врачи не дадут нам соврать: сколько раз им приходилось видеть, как излеченные ими от кровавых синяков и переломов девушки возвращались к своим мучителям.

«Некая проститутка, узнав, что ее “человек” вернулся в Париж пьяным, нашла его и пошла за ним на некотором отдалении, наблюдая; когда он упал в сточную канаву, она побежала за подмогой, помогла вытащить его на дорогу, но сразу же после этого укрылась в ближайшем почтовом отделении, чтобы “избежать его гнева” На следующий день она отправилась искать его в префектуру, куда, как она была уверена, его отвезли вчера.

Другая, желая остановить своего любовника, который с ножом в руках принялся крушить все, что было в их комнате, добилась лишь того, что он еще больше разъярился и набросился на нее; избежать верной смерти она смогла, лишь выпрыгнув из окна

четвертого этажа. Вылечившись от контузии и переломов, она вернулась к этому же человеку, который шесть месяцев спустя снова заставил ее спасаться бегством через окно».

Как все это понимать? Жизнь проститутки похожа на ад, но как ей из него выйти? Куда ей идти, ведь если при ней не будет кого-то, кто бы мог ее защитить, то к ней пристанет кто-то другой, и этот другой, возможно, окажется еще хуже прежнего. Пощечины, деньги, оскорбления, деньги... снова пощечины... Каждое утро начинается то же самое цирковое представление, что давали вчера.

Вот типичный сюжет. Леон — «кот» Валентины. Валентина — «товар» Леона. Леон бьет Валентину. Валентина выживает, ее тело сотрясают рыдания. Леон торгует кокаином. Жизнь Валентины хуже, чем у чертей в преисподней. Леона арестовывают. Он тут же пишет своей девке. Что это за письмо? Письмо любви? Деловое письмо? «Первое письмо я пишу тебе... Почему? Потому что так я себя меньше чувствую ханжой... Как ты там без меня? Что нового дома? Жду новостей... а также жду, собственно, тебя в четверг в этой вонючей тюрьме, тебя ждет разрешение на свидание со мной. Там ты услышишь из первых уст повесть о моих страданиях и поймешь, что все это так на самом деле. Ты придешь с деньгами... Пятьдесят франков в неделю мне вполне хватит. В канцелярии суда больше не принимают. Также потребуется заплатить моему адвокату, и тут я очень рассчитываю на тебя и твои сбережения, надеюсь, твое доброе сердце не даст тебе меня бросить. Не стоит поступать, как те дети, которые, когда их отец оказался в тюрьме, сбегали со всем нажитым и бросили его навсегда. Будет совсем нехорошо, если ты последуешь их примеру, так как, может статься, настанет день и ты сама окажешься в моем положении, и я клянусь, что поведу себя как подобает, если случится такое несчастье».

Леон — из сутенеров, работающих на окраине, он следит за своей бандой проституток, торгует кокаином на площади Пигаль и не стесняется при случае грабить прохожих. Г-н Дюгатель, который, в отличие от Леона, не плод воображения писателя, а реальная личность, принадлежит к категории «стыдливых сутенеров», которые живут в гражданском браке со своей любовницей и в то же время нещадно ее эксплуатируют. Г-н Дюгатель на протяжении долгого времени пытал свою любовницу. Мечь заставила себя подождать, но в конце концов настигла его, и как-то утром г-на Дюгателя нашли в одном вшивом притоне на улице Вожирар с ножом в груди. Есть, оказывается, предел терпению и любви проституток. Следствие решило, что мотивом убийства стали напряженные отношения между убитым и его любовницей, г-жой Дельпланк, сорока двух лет от роду, «в течение длительного времени занимавшейся известным непристойным ремеслом», которая и предстала перед Парижским городским судом 19 сентября 1844 года. Ее обвиняли в том, что она нанесла убитому удар ножом, отчего он скончался.

«Судья: Как вас зовут?»

Обвиняемая (отвечает, рыдая): Меня зовут Ясинт Виктуар Жозеф Дельпланк.

Судья: Какова ваша профессия?»

Обвиняемая молчит. Молчание — вполне достаточный в данном случае ответ, так как предварительное следствие установило ее род занятий с необходимой точностью.

Судья: Как долго вы жили совместно с господином Дюгателем?»

Обвиняемая: Семь или восемь лет.

Судья: Делились ли вы с ним доходом от вашей богомерзкой профессии?»

Обвиняемая: Да, ваша честь, и когда я не приносила достаточно денег, он меня бил.

Судья: Вы его любили?»

Обвиняемая: Да, ваша честь, я ему говорила, когда он меня бил: “Ты что, хочешь, чтобы я как

твоя законная жена умирала долго и медленно? У тебя есть дети, пошли им денег. Я могу вести хозяйство на то, что зарабатываю, и время от времени ты можешь посылать им пять франков” — “Еще чего! Еще чего, — отвечал он, — денег им слать, да еще часто. А как же я?” Я много раз пыталась устроиться служанкой; куда бы я ни направлялась, он следовал за мной и так себя вел, что мне отовсюду давали от ворот поворот. А когда я возвращалась, он меня бил... У меня вся голова избита этой железкой, которой виноделы протыкают бочки (обвиняемая плачет). Я никогда не осмеливалась жаловаться в полицию, он говорил: “Это я туда должен идти” И он заставлял меня идти с ним вместе в полицию, но он никогда не переступал ее порог.

Обвиняемая бросила проституцию и устроилась служанкой. Он последовал за ней. От отчаяния она бросилась в колодезь, он ее спас и заставил снова выйти на панель.

Обвиняемая: Когда мне не удавалось ничего заработать, он говорил: “Ты наказана” Порой наказание представляло собой сорок восемь часов без еды. В результате я попала в Сен-Лазар и пробыла там три месяца. Когда я вышла из тюрьмы и пришла к нему, то выяснилось, что у него нет ни су, что он продал башмаки; я купила ему одежду на деньги, сэкономленные мной в заключении.

В результате обвиняемая снова стала проституткой в кабаре.

Судья: Вы часто бывали пьяны?

Обвиняемая: Ваша честь, господа, приходившие к виноторговцу, часто говорили мне: “Мадам, не хотите ли бокал вина?” Знаете, ваша честь, бокал вина — это не такая вещь, от которой можно отказаться (смех в зале).

Судья: Приходил ли господин Дюгатель пить в это кабаре?

Обвиняемая: Как только у него заводились деньги, он приходил потратить их в кабаре... Особенно по воскресеньям; он бил меня, и хозяину приходилось прятать меня в задней комнате.

Судья: Событие, являющееся предметом разбирательства, произошло в воскресенье?

Обвиняемая: Да, он пришел, в кабаре никого не было, только одна женщина по прозвищу Свиная Морда. Он стал с ней разговаривать. Я ей до того сказала: “Не держи его, пусть уходит, уже поздно, он же только хочет еще раз меня побить” Наверное, Свиная Морда ему повторила мои слова, так как он направился ко мне и сказал: “Ах вот как, шлюха, ты все полощешь мое имя” Я была на кухне. Он начал бить меня ногами... И тогда я схватила этот проклятый нож и... (обвиняемая рыдает, не может говорить)... Это все он, он же десять раз пытался меня убить. Погодите, вот (обвиняемая снимает шаль, закрывавшую ее грудь, видно, что на ней множественные шрамы от ножевых ранений). Вот шрамы, это он мне нанес ножом. Я никогда никому не говорила. Я слишком его любила».

Г-жа Дельпланк была полностью оправдана.

Есть еще сутенеры, работающие в кафе, которые выдают себя за певцов, парикмахеров, ярмарочных атлетов. Среди них выделяется категория так называемых «запускал», которые обучают юных проституток ремеслу. Обычно они очень хорошо одеты, культурны, они презирают тех, кто носит шелковые шляпы, а их, в свою очередь, презирают сутенеры из высшего света, которые носят цветы в петлицах и посещают салоны в поисках желающих поразвратничать. Не следует забывать и о титулованных развратниках, о бедных студентах, о торговцах, о беглых каторжниках. Сутенером может быть всякий, и как его статус, так и его внешний вид со временем меняется. Несмотря на принципиальную разобщенность, в течение XIX века в среде сутенеров несколько раз возникало нечто вроде корпоративной солидарности.

Так, в начале тридцатых годов XIX века, после принятия закона, запрещавшего проституткам снимать клиентов на улицах города, сутенеры объеди-

нились и подали в префектуру петицию в виде брошюры, озаглавленной «Пять сотен новых воров в Париже, или Перечисление прежних болезней столицы против положения, изданного г-ном Префектом полиции»:

«Сутенер, уважаемый господин Префект, это изящного вида молодой человек, крепкий малый, умеющий за себя постоять, следящий за модой, умеющий танцевать, обожаемый девушками, поклоняющимися Венере, поддерживающий их в повседневной жизни, защищающий их от опасностей, умеющий заставить уважать их и себя, умеющий заставить их вести себя как подобает, именно как подобает... Вы видите, господин Префект, что сутенер — существо высокой морали, полезное обществу; и вот теперь вы превращаете его в бич этого общества, заставляете его заключить его предприятие в стены домов... Мы люди не амбициозные, мы вовсе не хотим жить как аристократы, мы не хотим покупать дома; мы не хотим быть как господин Видок — купить шикарный дом в деревне и кабриолет, мы вовсе не хотим писать мемуары и заставлять общество говорить о нас. Мы хотим всего лишь пить, играть, курить, читать, ходить на спектакли, танцевать, гулять, в конце концов, жить сегодняшним днем и дарить радость той несчастной душе, которую злая судьба заставила заниматься проституцией. Вы издали ваш приказ, и что же теперь будет с нами? Мы не можем ничего об этом знать, ведь мы умеем заниматься только тем, чем занимаемся. Деньги, которые наши дамы отдают нам, чтобы некоторое время не видеть нас, мы тратим ежедневно на наши привычки и желания. Мы все окажемся в нищете, если ваш приказ будет исполнен, и мы вовсе не преувеличиваем, когда говорим, что в результате проведения вашего приказа в жизнь в Париже появятся пять сотен новых воров. А поскольку мы вовсе не хотим пополнять собой число тех, кто сидит в тюрьме и работает на каторге, мы молим вас,

господин Префект, ради всего святого, отмените ваш приказ, издав новый, и возвратите честным гражданам спокойствие, которое вы у них отняли».

Сорок лет спустя в тот момент, когда в Париже прошли массовые задержания сутенеров на дому у их любовниц — сутенера приводили в префектуру, он представлял перед судом и затем его отпускали, — они организовали нечто вроде ассоциации, целью которой было заставить полицию считаться с неприкосновенностью жилища своих подопечных. Кстати, довольно часто сутенеры прятались под кроватью своих проституток и грабили пришедших клиентов!

Сколько их? Если верить моралистам, они наводнили крупные города, распространяя «чуму порока», и за это их надо выслать в заморские колонии; но точную цифру назвать нельзя — в 1891 году «Время» пишет, что в Париже пятьдесят тысяч сутенеров, а полиция в тот же год насчитывает их всего десять тысяч. Можно быть почти уверенным, что большинство из них принадлежало к преступному миру: им периодически приходилось отвечать перед законом за свои действия, и по выходе из тюрем они снова возвращались к эксплуатации проституток. Правосудие учло это обстоятельство, и 27 мая 1885 года был принят закон о высылке из страны преступников-рецидивистов, в котором лица, признанные сутенерами, приравнивались к лицам без определенного места жительства и без определенных занятий, даже в том случае, если у них было постоянное жилье, и отныне подпадали под статью 69 уголовного кодекса с соответствующими последствиями.

С течением времени лицо сутенера меняется: он отказывается от имиджа денди с напыженными волосами, от образа благородного бандита в клетчатых штанах и в котелке и мало-помалу начинает

одеваться, как обыкновенный буржуа, смешиваясь с почти однородной массой посетителей танцевальных залов и кафе. Его отношения с клиентурой ожесточаются: хозяева борделей, клиенты и полицейские начинают воспринимать его как важную шишку и подчиняться. С «высоты» своих всего-то восемнадцати лет он умудряется заставлять играть по его правилам, по правилам сводни, в то время как он сам является, по сути дела, частью общества честных людей. Жан Лоррен вкладывает в уста несчастного Филибера грустные слова, в которых можно видеть отражение этой революции в образе сутенера, с которой он никак не может смириться:

«Раньше хозяин и сутенер понимали друг друга, они были друзья, а теперь между ними идет война, да не на жизнь, а на смерть. Сутенеры забирают себе все, канальи этакие, они указывают, каких женщин брать, а каких нет, они не дают никому заработать, только себе. Они назначают цены, и ладно, я не против, если бы женщины стали от этого счастливее, так нет же! Бедные крошки не получают ни гроша! Они их бьют, они их пугают, они их убивают, если захотят. Вот почитайте новости в газете, бедные девушки за все отвечают собственной шкурой. Они их режут только что не каждый день, и чем моложе сутенер, тем он страшнее, хуже всех эти восемнадцатилетние, куда все катится? Они собственную мать выгнали бы на панель, прости Господи! Ах! Что это за поколение выросло в семидесятые, месье Жак!»

Карко и Макорлан также отметили эту тенденцию. К двадцатым годам XX века сутенеры окончательно себя дискредитировали. Объединившись в банды, воевавшие друг против друга, они сеяли ужас в «горячих» кварталах. Карко рассказывает, что видел примерно десяток осад «Бойкого кролика» и участвовал несколько раз в настоящих боях с применением пистолетов. Защитники проституток превратились в головорезов.

Сутенеры полезны или по крайней мере кажутся таковыми: их основная задача — следить за проститутками и защищать их от полиции. Появляясь под руку с девушкой на улице, предъявляя свидетельства о браке, провоцируя стычки, они изо всех сил стараются избежать ареста. Полицейский быстро становится их злейшим врагом. Более того — он становится их конкурентом! Полиция осуществляет контроль за проституцией, то есть она проводит расследования по требованиям мэрии, префектуры, министерств. Она должна наказывать злоупотребляющих и арестовывать нарушителей. Здесь надо еще раз напомнить, что проституция — это не преступление. Статья 334 уголовного кодекса говорила о непристойном поведении и оскорблении нравов. Поэтому с точки зрения закона проститутки не подлежали ни юрисдикции полиции, ни юрисдикции обычных судов. Тем не менее проститутки и платили штрафы, и садились в тюрьму, иногда в результате откровенного произвола и надругательства над законностью! Отношения юстиции и проституции с давних времен устроены очень странно, будучи сотканы одновременно из молчания, слепоты и незнания. Как говорит Паран-Дюшатле, проститутки хорошо понимают свой статус отбросов общества: «Они хорошо знают, что противостоят всем человеческим и нравственным законам, что они, будучи тем, кто они есть, по самой своей сути не имеют права претендовать ни на какие права, привлекательность которых они осознают, но распространения на себя недостойны». Проститутка по собственной воле покидает человеческое общество и по этой причине не может претендовать на права, которыми обладает любой член этого общества. В начале Великой французской революции некоторые потребовали уничтожить проституцию. Но в тот же самый год, когда Конституционное собрание приняло Всеобщую декларацию прав человека, суд второго округа Парижа вынес следующее решение (от 4 августа 1791 года):

«Вышеупомянутая Мария-Луиза Берто, во вдовстве Дебле, приговаривается к тому, чтобы палач провел ее по всем улицам и перекресткам Парижа, в частности, по площади Пале-Рояль, на осле, спиной вперед, с соломенной шляпой на голове, повесив ей на спину и на грудь таблички со следующей надписью: «Развратительница молодежи», а далее чтобы указанный палач высек указанную Берто в обнаженном виде на указанной площади Пале-Рояль розгами, а также чтобы выжег у нее на правом плече печать в виде лилии; а затем чтобы отвел ее в тюрьму при общественном госпитале Сальпетриер, в каковой она должна содержаться в течение трех лет».

После революции в документах парижской полиции значилось: «Если полиция прежних времен, не уважавшая ничьих прав, полагала, что может притеснять проституток и других униженных, то мы не станем брать с нее пример и быть хищниками, этскими бандами людей в форме, у которых эти женщины состоят в рабстве, ибо из того факта, что эти женщины безнравственны, никоим образом не следует, что они лишены гражданских прав и прав на законную защиту». Были назначены люди, которые должны были провести перепись проституток. В 1796 году была сделана попытка создать новый реестр проституток, в 1797-м перепись попытались сделать регулярной. Эта попытка провалилась. Директория же 7 января 1796 года потребовала от Совета пятисот признать проституцию преступлением и разработать соответствующую уголовную процедуру для работы с лицами, занимающимися ею. Созданная советом комиссия не смогла прийти к единому мнению и утвердить определение проституции... С тех пор законодатели больше не возвращались к этой теме, которая провоцировала столько недовольства и скандалов. Молчание законодателей продолжалось весь XIX век, что привело к самым разнообразным злоупотреблениям и породило мно-

жество юридических коллизий. Исполнительная власть делегировала полномочия по контролю и управлению проституцией местному самоуправлению, каковое положение вещей даже было утверждено в 1884 году принятием соответствующего закона.

В Париже существовала полиция нравов — второе бюро первого отделения префектуры, она делала вид, что является поборницей общественной морали и стоит на страже общественного здоровья. Поэтому, когда с полицейскими чиновниками говорили о морали, они переводили разговор на тему здоровья, и наоборот. Вот как начальник этого бюро, г-н Делаво, определяет его основные задачи в циркуляре от 18 июня 1823 года: «Мы хотим сконцентрировать зло в известных домах, управляемых женщинами, которые бы отвечали за поведение девушек, работающих у них. Полиция полагает, что если ей удастся заточить проституцию в стены домов терпимости, над которыми установлен постоянный и бдительный контроль, то она тем самым сделает очень много на пользу общественной морали». Эта политика не менялась на протяжении целого века, но потерпела сокрушительный крах. Полицейские циркуляры пытались воспрепятствовать росту нелегальной уличной проституции. Так, 11 марта 1829 года вступил в силу запрет «женщинам известной профессии появляться в известных местах на бульварах во всякое время», 15 апреля 1830 года проституткам приказали «осуществлять свою профессиональную деятельность исключительно в домах терпимости». Но затем в 1843 году было опубликовано знаменитое постановление Делессера, которое можно считать признанием провала: «Действия местной власти и военных в отношении этих женщин должны осуществляться исключительно по справедливости и по закону, соответственно, активные действия в их отношении допустимы лишь тогда, когда совершенно очевидны посягательства на общественный порядок и лишь в случаях, не учтенных в законодательстве... Я оставляю за собой право определять сроки наказаний в случаях, когда таковые должны быть назначены».

Скандалы, однако, следовали один за другим, и полицию нравов стали обвинять в самых тяжких нарушениях закона и в подверженности самым грязным формам коррупции. Особенно часто критике подвергалась кадровая политика отдела, общество полагало, что все сотрудники полиции нравов — проходимцы, получающие деньги от бандерш, а вовсе не борцы за нравственность и мораль. Да, Паран-Дюшатле писал, что «сотрудники отдела нравов должны быть умными, беспристрастными, бескорыстными, кристально честными, уважаемыми, у них должно быть крепкое телосложение, им должно быть от тридцати до сорока лет»; разумеется, это вовсе не всегда было так.

Инспекторы нравов должны были следить за домами терпимости, а также за порядком в общественных местах, они должны были отыскивать нелегальных проституток, которые не проходят регулярные медосмотры. Весь Париж разделили на десять участков, каждые три месяца инспектор переходил с одного участка на другой. В сороковые годы XIX века инспектор получал 1200 франков плюс премии каждый квартал, размеры которых зависели от результатов его работы. Тем самым у инспектора появлялась материальная заинтересованность, что, естественно, приводило к тому, что инспекторы пользовались своими репрессивными полномочиями по собственному произволу. Даже среди полицейских лишь немногие отрицали это. Паран-Дюшатле, который всегда верил в силу закона, писал, что инспекторы полиции нравов стали подлинными повелителями подвластных им территорий: «От них никуда не скроешься, они имеют право входить в квартиры, где проживают девушки, без того, чтобы быть обвиненными в нарушении неприкосновенности жилища; если они желают войти в магазины виноторговцев, то им нельзя отказать... раньше они вели войну с сутенерами, теперь они победили и берут себе в помощники работников борделей и даже их хозяев». Газеты не уставали писать про то, что полиция осуществляет самый жестокий произвол в от-

ношении «порочных женщин» и... даже женщин, не являющихся проститутками. Как верно писал Доллеанс, «порок пустил глубокие корни в полиции нравов, она вовсе не ведет нас к большей свободе, но является источником опасности, используя свою власть по собственному усмотрению». Полиция нравов служит как бы дополнительной бригадой мусорщиков и ведет себя соответственно, избавляясь от проституток так же, как мусорщики от грязи на улицах. Газета «Время» писала 20 июля 1881 года: «Метла мусорщика и кулак инспектора нравов, равно как и тележка первого и “воронок” последнего, с равным успехом побеждают как нечистоты, так и проституцию». Поэтому на бульварных девушек устраивают, без зазрения совести, массовые облавы, напоминающие охоту. «Нет парижанина, который бы не был свидетелем этих жестких и отвратительных сцен. Полицейские набрасываются на женщин, как стая бешеных псов, те бегут от них, крича и рыдая; в кафе устраивают подлинный разгром, несчастных проституток избивают, со сладострастием срывают с них одежду; тех, кто смеет сопротивляться, бьют ногами. Если кто-либо из окружающих решается протестовать, его тоже начинают избивать, пока несколько мерзавцев-зевак с удовольствием смотрят на происходящее и хохочут».

Всем известно, что число арестов резко возрастает в те моменты, когда тюрьме-больнице Сен-Лазар требуются новые работники. Команда из пятнадцати агентов может за один час арестовать и отправить в тюрьму до восьмидесяти женщин. Наиболее опасными местами в этом смысле являются в Париже бульвар Пуассоньер и бульвар Сен-Дени. «Если женщина оказывает сопротивление, ее бьют ногами и таскают за волосы, невзирая на то, что она, может быть, больна, беременна, истощена», короче говоря, полицейские делают из нее козла отпущения. Чтобы поддерживать число арестов на должном уровне, полицейские не скупятся на применение силы. Больше

всего девушки боятся облав, так как от них нет спасения. Атлас и Нана дрожат при одной мысли, что могут «попасть в окружение». Они знают, что в этой ситуации у человека от страха подкашиваются ноги и он не может бежать: «Все бегут в разные стороны, слышно, как рвется ткань. Удары, крики. Какая-то женщина падает. Толпа смотрит на все и хохочет, пока полицейские со звериной жестокостью сгоняют девушек в круг». Эти операции часто заказывают местные торговцы, желающие «очистить квартал», их проводят и в борделях, и в домах свиданий. Когда однажды ночью Нана слышит крик: «Полиция!», она сходит с ума и предпочитает выброситься из окна отеля на улице Лаваль, где она укрылась со своей подругой Атлас, нежели быть арестованной. «Дом наполнился криками, в дверях какая-то девушка упиралась изо всех сил, стараясь помешать полицейским увести ее; другую застали в постели с любовником-сутенером, она притворялась честной женщиной, возмущенной подобным обращением, кричала, что подаст на полицию в суд. В течение целого часа на лестнице стоял грохот, люди ходили вверх и вниз, было слышно, как ударом ноги открывают двери, как девушки сопротивляются, дерутся, звуки борьбы заглушали рыдания. Проснулся весь дом, из него вывели группу девушек, их грубо толкали трое агентов под предводительством очень вежливого комиссара, блондина невысокого роста. Когда все закончилось, дом снова заснул».

Масштаб и жестокость репрессий зависят от политической конъюнктуры. С 1856 по 1871 год число арестов держалось на приемлемом уровне, но с 1872 по 1877 год репрессии ужесточились в контексте борьбы с рабочим движением и с «классами — источниками опасности» вообще. Многие также зависело от региона — в Париже все было очень строго, в Лионе все было гораздо хуже. Общественное мнение было возмущено тем, что подобные действия беззастенчиво проводились на глазах у всех и каждого, а газеты не уставали публиковать в рубрике «Новости» сообщения об акциях полиции нравов.

Вот сообщение о событиях, произошедших в 1876 году в Лионе: «На вокзале Перраш полицейский остановил девушку по имени Мелани М., примерно двадцати лет от роду, одетую по буржуазной моде, в тот момент, когда она взяла под руку некоего приезжего. По знаку полицейского появились двое других, они схватили Мелани М. за руки и попытались отвести ее в отделение.

Девушка оказала ожесточенное сопротивление. Последовала ужасная сцена — решив покончить с собой, она бросилась на землю и стала биться головой о мостовую, полицейские изо всех сил тащили ее в отделение прямо через дорогу. В это время мимо проезжал омнибус, кучер не успел остановить его, и колеса переехали девушке ноги. Собралась толпа, многие уважаемые люди города, возмущенные жестокостью полиции, испытывая жалость к несчастной жертве, попытались вмешаться, они потребовали от агентов отправить пострадавшую в больницу Юнивер, откуда бы полицейские забрали ее на следующий день, и вызывались оплатить врачебные расходы. Полицейские отказались и потащили девушку дальше в отделение, она же, несмотря на переломы, продолжала оказывать им сопротивление. Полицейский врач потребовал, чтобы ее отправили в городской приют. Подошел фиакр, девушку закинули в него, один полицейский сел рядом с ней, другой рядом с кучером. Когда фиакр выехал на набережную Шарите, девушка внезапно открыла дверь, выскочила из фиакра и бросилась в Рону. Ее тело уже два дня не могут найти...

На следующий день, около семи часов утра, агент полиции нравов явился в отель Дюгесклен и попытался арестовать некую девушку по имени Мари Данс. В ужасе г-жа Данс открыла окно своей комнаты, расположенной на третьем этаже, и бросилась вниз, получив в результате тяжелейшие телесные повреждения.

В конце недели, в субботу 9 сентября, некая девушка Р. попыталась покончить с собой в полицейском отделении на улице Люцерн. Не сумев заду-

шить себя фартуком, она нанесла себе несколько ударов ножом; к счастью, острие ножа было круглым, так что раны оказались неглубокими. В этом состоянии ее отправили в тюрьму Сен-Жозеф».

В Марселе на набережных полиция вела себя так, что девушки предпочитали бросаться в грязные воды порта, нежели позволить себя арестовать. Одна девушка попыталась покончить с собой. Прохожие вытащили ее, появился полицейский, растолкал всех и сбросил ее обратно в воду: «Пустьдохнет, этошлюха». Девушку спасли, но позже она повесилась в туалете в полицейском участке.

Чтобы выполнить норму, полицейские не стеснялись арестовывать обычных женщин, ведущих честную жизнь, которым в результате приходилось ночевать в участке без малейших шансов на получение помощи. Такая практика вызвала сильное возмущение в обществе. Например, 10 апреля 1877 года в парижской хронике всплыла такая история. Агент по имени Грас встретил около полуночи на площади Сорбонны некую девушку по имени Б. Он остановил ее и объявил, что арестовывает ее. Она возмутилась, объяснив, что вышла за лекарствами для своего сына. Агент, несмотря на это, арестовал ее. Ребенок на рассвете умер, а женщину поместили в Сальпетриер... В том же году некую Мари Лижрон арестовал капрал, когда она вышла на улицу после занятий в вечерней школе. В участке ее заставили написать и подписать заявление о том, что она занимается проституцией, девушка умерла от нервного потрясения. Медосмотр показал, что она была девственницей... После всех этих арестов невинных девушек и матерей семейств, вплоть до жен банкиров, вызванных нежеланием полиции признавать свои ошибки, в обществе поднялась такая паника, что полиции пришлось изменить свои правила. В 1881 году был издан циркуляр, согласно которому «поли-

ция не имеет права арестовывать женщину, если она пристаёт к мужчине; напротив, если она взяла его под руку, то это является посягательством на его честь и свободу, и в этом случае ее должно арестовать».

После ареста женщина проводит ночь в полицейском участке, на следующее утро ее отвозят в префектуру. В участке в одни и те же камеры загоняют всех проституток без разбора по категориям. Выдержать ночь в участке и не потерять сознание практически невозможно. Вот как Мирёр описывает некий марсельский участок, который ему довелось посетить: «Неубранная комната размером десять на пять метров. Войти можно через дверь, на ней тяжелые замки, толстые решетки, она обита железом. В комнате стоят деревянные кровати, почерневшие от времени и грязи, привинченные к полу; они занимают почти все пространство комнаты. Напротив двери есть окно, оно забрано толстыми железными прутьями, прикрыто дополнительным решетчатым навесом. Пол деревянный, выкрашенный в красную краску, постоянно покрыт дурно пахнущей влагой. На оштукатуренных известью стенах похабные надписи. В одном углу — отхожее место, в другом — душ, огороженный каменной кладкой, для подготовки к медосмотру... В комнате находятся около двух десятков женщин всех возрастов, кто одет в грязные лохмотья, кто в изысканные шелка, все они подавлены, почти все полураздеты, бледны, со всклокоченными волосами, со взглядом, одновременно похотливым, молящим и уставшим; почти все босы, на некоторых запачканные кружева, на других даже украшения, блеск которых только подчеркивает их несчастье; некоторые стоят, некоторые сторбившись сидят на краю кровати».

На следующее утро после ареста, не выспавшись, не умывшись, они предстают перед полицейским комиссаром, а затем перед административным судом. Максим дю Кан, который испытывал к про-

ституткам одно лишь презрение, как-то раз присутствовал на таком суде: «Некоторые ухмыляются, некоторые выглядят сонными, самые закоренелые развратницы стараются вызвать к себе жалость, рыдают... Есть и запутавшиеся дети... они постоянно пьяны, алкоголь как будто у них в крови, поэтому они постоянно что-то говорят, не могут остановиться. Бесполезно взывать к ним, угрожать им, кричать, чтобы они замолчали, — их тягучий голос продолжает звучать, они говорят бессвязные слова, роняют их, словно бы это были капли в водяных часах». Комиссар назначает срок наказания. Теоретически после принятия закона Жиго девушка имела право подать на решение комиссара апелляцию, однако апелляционная комиссия практически всегда либо подтверждала решение, либо ужесточала наказание. Впрочем, довольно многих оправдывали — некоторые в течение своей карьеры были оправданы до сорока раз. Если бы это было не так, полицейская система перестала бы работать, так как в среднем одну девушку арестовывали два раза в год. Назначались наказания в виде помещения в тюрьму Сен-Лазар на срок от трех дней до двух недель в зависимости от тяжести проступка: приставание к приезжим на вокзале, уклонение от медосмотра, оскорбление агента полиции при исполнении им служебных обязанностей, посягательство на общественную нравственность, использование фальшивых документов, пьянство... Из префектуры девушки отправлялись в тюрьму. В конце XVIII века их конвоировали только ночью в экипажах, затем их стали отправлять в тюрьму пешком под конвоем солдат прямо по городским улицам, так что «на них могли глазеть все, кому не лень, девушки же не стеснялись привлекать к себе внимание самыми скандальными способами: хохотали во всю глотку, приставали к своим конвоирам; часто случались побеги, иногда девушкам помогали их сутенеры, иногда их отпускали сами солдаты». Поэтому с 1816 года проститутки снова стали перевозить в экипажах. Сначала их содержали в участке Сен-Мартен, затем в Сальпетриере, затем в

замке Венсенн, затем в Пти Форс и, наконец, в Сен-Лазаре, где были обустроены тюрьма и следственный изолятор. В 1836 году тюрьму разделили на три отделения: для обвиняемых и осужденных, для проституток, состоящих на учете в полиции, и для несовершеннолетних. Тысяча сто заключенных-проституток в течение дня занимались шитьем и кройкой, то есть тем же, что и обычные заключенные, от которых они, однако, были изолированы. Они жили в тяжелых условиях: помещения не отапливались, белье менялось два раза в месяц, кормили их ситным хлебом и овощным супом. Содержали их в камерах, где вместо стен были решетки, их письма вскрывались и рецензировались. В комнатах для работы стояла невыносимая влажность, над ними надзирали монахини, которые вслух читали религиозные трактаты. Паран-Дюшатле, впрочем, считал, что эта система слишком либеральна и что нужно ввести более строгий военный режим, который бы дал проституткам понять, что они находятся в учреждении для наказаний, а не в доме отдыха. Для этого он предлагал использовать в тюрьмах английское изобретение — колесо-топчак, то есть клетку-барабан на оси, внутри которого находились люди, приводившие его в движение ходьбой, как белка в колесе. Паран-Дюшатле не смущало, что предлагаемая им вещь — не что иное, как орудие пыток; более того, он писал: «Что до меня, то я двумя руками “за” введение колеса, я требую, чтобы его начали использовать; я поддерживаю его использование, так как это очень эффективное репрессивное средство против проституток; я одобряю все это, так как мне кажется, что это хорошо». К счастью, предложение Паран-Дюшатле не было принято.

Административный арест как мера воздействия практикуется и в провинции. В Марселе, Лионе, Руане проститутки отбывают наказание в переполненных тюрьмах и исправительных домах. Местные власти применяют к ним административные меры не-

мыслимой степени жестокости. В восьмидесятих годах XIX века суды выносили следующие приговоры:

административный арест на срок от пятнадцати суток до месяца за а) появление в неустановленных местах; б) появление на улице в запрещенные часы; в) нахождение в состоянии опьянения на улице и за ночлег на улице и под заборами; г) просьбу предоставить убежище в воинской части; д) прогуливание в общественных местах с целью привлечь к себе внимание путем «пристального разглядывания мужчин»; е) стук в окна частных домов и кабаре; ж) нищенство, выпрашивание милостыни; з) уклонение от посещения врача в течение двадцати четырех часов после того, как это предписано сделать; и) регулярное уклонение от медосмотров; к) появление на улице без головного убора или в декольте; л) уклонение от отъезда из Парижа после получения на руки паспорта;

лишение свободы на срок от двух до трех месяцев за а) оскорбление врачей при исполнении ими служебных обязанностей; б) уклонение от посещения диспансеров и занятие проституцией в случае, если известно, что нарушительница больна; в) брань в общественных местах; г) появления в окне в обнаженном виде; д) приставания к мужчинам «в чересчур настойчивой манере с целью склонить их к разврату против их воли».

Эта жестокость, сопровождающаяся заключением под стражу и изгнанием из города, где проститутка была арестована, распространяется одновременно на нищих и бродяг; после падения Коммуны ситуация усугубляется. Власти, в неясном страхе перед «классами — источниками опасности», оправдывают свои действия угрозой распространения сифилиса. Смертельный ужас перед этой болезнью сплотил врачей, моралистов и юристов. Их тактика состояла в том, чтобы заключить в узкое пространство носителей болезни, сиречь проституток, и тем самым оградить общество от опасностей как медицинского, так и морального плана. В конце семидесятих годов XIX века пришлось признать, что эта политика так называ-

емого «регламентаризма» потерпела полный крах: бордели вымирали, число нелегальных проституток неуклонно росло, а применяемые вслепую репрессии становились все менее и менее эффективными.

Полиция, нужно это признать, никак не соответствовала поставленной перед ней цели. Полицейские говорили: «Без юридического произвола невозможен никакой контроль за публичными девками». Да, действительно, полиция питала большую страсть как к произволу, так и к... коррупции. В 1857 году г-н Дюгаста, начальник службы безопасности, пишет: «Действия инспекторов сопровождаются самыми тяжкими злоупотреблениями. Некоторые полицейские чиновники совершенно не стесняются участвовать в прибылях людей, эксплуатирующих женщин, и защищать их интересы, более того, порой они сами склоняют женщин к разврату и отправляют их к сводням, за что получают от последних компенсацию». В этом плане много объясняет кадровая политика отделов нравов. Агенты — это и бывшие солдаты, которые не желают заниматься настоящей работой, это и просто не весть откуда взявшиеся авантюристы, друзья других агентов, соблазненные возможностью легкой наживы, и, как пишет Фью, «грязные комедианты от любви на свежем воздухе». Вплоть до 1854 года на службу принимали людей с неснятой судимостью. Агенты получали оклад и премии: 3 франка за розыск проституток, «пропавших без вести», то есть тех, кто в течение трех месяцев не являлся на медосмотр, 15 франков за обнаружение тайного дома свиданий, 25 франков за обнаружение дома свиданий, где клиентов обслуживают несовершеннолетние. Общественное мнение резко протестовало против этой системы, и в 1863 году премии отменили. Но инспекторы занимались и другой прибыльной деятельностью — они поставляли в бордели кадры, конкурируя с «обычными» кадровыми агентствами. Так, в Монпелье был скандал, связанный с инспектором, который набирал «персонал»

в странноприимных домах и среди домашних слуг. В результате кампании, проведенной газетой «Пти Меридьональ», его уволили. Агенты «покровительствуют» известным женщинам, выходящим на панель, порой за бесплатный секс, порой просто за наличные деньги. В 1872 году г-н Фресс, начальник полиции Бордо, признается: «Самый грозный бич полиции нравов — коррумпированность ее агентов. Находясь в постоянном контакте с публичными домами и их сотрудницами, им очень сложно устоять от того, чтобы не вступить в сговор с ними, так что мне приходится вести подлинную войну против собственных подчиненных».

В Париже в 1866 году некоего полицейского инспектора изобличили в том, что он содержал собственный дом свиданий, после чего он передал управление одному своему родственнику и попытался втридорога продать его. Полиция также часто закрывала глаза на нарушения правил содержания в богатых борделях, за что также получала деньги. Некоторые сдавали свои полицейские удостоверения «внаем» знакомым, которые «развлекались» с проститутками и обирали их. Гюйо, который не стеснялся писал обо всем этом, приговорили к штрафу в 3 тысячи франков и лишению свободы на шесть месяцев; в приговоре значилось, что обвиняемый «изобразил значительную часть агентов полиции нравов как подонков, вышедших из грязи, которые железными сапогами топчут парижские улицы, которые обирают подконтрольных им женщин, проводя три четверти своего времени в их постели, которые собрали свое состояние, занимаясь сутенерством, которые предаются исключительно пьянству и разврату, ведут звериный образ жизни и утрачивают всякое понятие о морали на следующий день после своего назначения на пост».

В 1881 году, не выдержав девятого вала протестов и агитационной кампании в прессе, во главе которой стоял «Фонарь», префект Андриё вынужден был рас-

пустить отдел нравов. А начиная с 1877 года во Франции переняли эстафету борьбы против рабства от англичан, среди которых ее начала Жозефина Батлер*. Главной целью было искоренить рабство в обществе, прекратить издевательства над проститутками, запретить полиции вести их учет, одновременно улучшив санитарное состояние общества, а вместе с ним и моральное**. Поэтому бывших агентов полиции нравов перевели в медицинские службы. Ни к чему хорошему это не привело, так как они лишь укрепили таким образом свою власть над проститутками. Андриё в своих «Воспоминаниях префекта полиции», по прошествии многих лет от описываемых нами времен, с иронией говорит об этих поддельных миссионерах, которые под прикрытием защиты интересов свободы и добродетели и под предлогом защиты проституток от произвола старались проводить в жизнь свои политические идеи... короче, на самом деле все они были просто левые экстремисты! «В то время как в Великобритании идеи человечности, свободы и уважения к женщине властвовали над умами добродетельных членов движения за свободу женщин, и руководили ими, даже когда они совершали ошибки, то в Париже все было не так, и французские сторонники этого английского движения старались проводить свои политические идеи, заботясь об общественном благе и полностью игнорируя истину... Да, случаи, о которых рассказывали в газетах, были ужасны, но не стоит преувеличивать их масштаб. Полиция нравов совершенно не занималась многим из того, в чем ее обвиняли».

На некоторое время число арестов упало и наказания стали не столь жестокими, но с 1885 года все возобновилось с новой силой. Эту тенденцию следу-

* *Жозефина Батлер* (1828—1906), английский пионер образования для женщин, борец за избирательные права для женщин, борец против детской проституции, сторонница американского движения за запрет рабства (аболиционизма).

** Подробнее о французских сторонниках аболиционизма и их идеологии касательно проституции см. у Корбена.

ет связывать как с ослаблением влияния движения за запрет рабства во Франции, так и с ростом масштабов страха перед венерическими болезнями. Любопытно, как верно подметил Ален Корбен, что «эта смена политики совпадает с изменениями в политике пенитенциарной, причем в масштабе всей планеты; а это подтверждает тот факт, что проститутки являлись жертвами усиленного государственного контроля, закручивавшего гайки все туже и туже и подавлявшего сопротивление во всех его формах». Полиция продолжала поддерживать сторонников регламентаризма. Заметив, что с начала семидесятых годов XIX века посещаемость борделей резко упала, а число нелегальных проституток резко увеличилось, полиция принялась поддерживать бандерш путем ослабления правил содержания борделей, стремясь тем самым облегчить работу себе — ведь она совершенно не собиралась отказываться от старого рецепта: «Чтобы контролировать порок, нужно сконцентрировать его».

Больница

Если девушка не занята тем, что отбивается от полицейского, она проходит медосмотр. Это тоже битва — за право заниматься своим делом. Ее жизнь полна страхов — снаружи ей угрожает облава, изнутри — сифилис. Эта болезнь снится ей по ночам, она не знает, куда от нее деться. Дело даже не в том, что она ее боится — все проститутки знают, как им жить с сифилисом, — дело в том, что если болезнь обнаружат, то ее заточат в больницу. Конечно, в XIX веке зараженных «великим злом» уже не секут и не сажают в тюрьму, но болезнь все равно доставляет носительнице массу профессиональных неприятностей и не дает ей покоя.

«Она откидывала одеяло и осматривала себя со всех сторон. Она поворачивала руки и так и эдак, видя, к своему ужасу, что число розовых пятнышек увеличилось, а некоторые из них, те, что на груди, загноились. Вид множества фиолетовых волдырей

на теле выводил ее из себя. Руками она раздвигала паховые волосы, обращая внимание на малейшие изменения, на каждый симптом, видя со страхом, что там появилась новая опухоль. С каждым днем шанкры становились все более ужасными, она не могла больше сопротивляться, у нее случались приступы бессильной ярости, она думала, что болезнь уничтожит все ее тело целиком, превратит ее в бесформенную массу отбросов, в отвратительный перегной. Когда она больше не могла смотреть на эту страшную картину, она натягивала на себя одеяло до подбородка и закрывала глаза, дрожа».

Система санитарного контроля за проституцией родилась вместе с Великой французской революцией: в 1798 году в Париже были назначены двое врачей, в обязанности которых входил осмотр проституток по месту их жительства. Затем возникает политика регламентаризма, одновременно появляются и начатки системы здравоохранения. В 1802 году префектура принимает постановление, согласно которому проститутки были обязаны проходить медосмотр периодически, для чего два раза в месяц двое врачей под охраной одного полицейского отправлялись в рейд по публичным домам. В 1805 году учреждается диспансер «для осмотра и лечения публичных женщин, страдающих венерическими заболеваниями». В 1820 году сами проститутки открывают медицинский кабинет, но так как в массе своей «жрицы любви» не желали его посещать, он вскоре закрылся. С 1828 года по приказу нового префекта полиции Дебеллейма проституткам было вменено в обязанность проходить медосмотр раз в неделю, для чего в бордели в центре города направлялся специальный врач, в то время как проститутки из борделей на окраинах были обязаны сами отправляться в диспансер. Когда девушки не хотели отправляться на медосмотр, их приходилось приводить силой, что провоцировало драки и скандалы; в результате полиция стала возить их на осмотр в спе-

циальных закрытых экипажах. Уже в те годы проблема венерических заболеваний стояла достаточно остро, префектура полиции Парижа была буквально завалена письмами обеспокоенных глав местного самоуправления.

«Мулен, 29 марта 1829 года.

Уважаемый господин Префект, г-н Министр обороны известил меня, что распространение венерических заболеваний в четвертом гарнизоне стрелков, расквартированном в Мулене, принимает угрожающие масштабы, что число зараженных этой болезнью значительно превышает обычное и что эта зараза не замедлит распространиться еще шире, если гражданские власти не поспешат принять меры в отношении публичных женщин, которые наводняют наш город, каковые меры снизили бы число заболевших и восстановили бы их здоровье».

27 ноября 1829 года префект города Мёрт пишет в Министерство внутренних дел: «В настоящее время в Нанси такое количество публичных женщин, что в результате к нам поступает угрожающее число петиций от отцов семейств и командиров воинских частей, расквартированных у нас. Не говоря о том, что посещение этих женщин приводит к падению дисциплины и семейным скандалам, проститутки также заражают наших солдат постыдными болезнями, так что администрация вынуждена принимать меры, чтобы защитить от них тех еще здоровых солдат, которых эти женщины к себе привлекают».

В Париже диспансерные осмотры проводятся ежедневно, кроме воскресенья, с 11 до 18 часов без перерыва. На осмотр являются девушки в индивидуальном порядке, а также и арестованные, и содержащиеся в Сен-Лазаре. Чтобы быть врачом, осматривающим проституток, нужно обладать поистине экстраординарными качествами, как пишет Паран-Дюшатле: «В диспансере должны работать люди незапятнанные, которые везде могут пройти с высоко поднятой головой, которые не станут краснеть и

смело расскажут своим друзьям о своей профессии». Еще лучше, если такой врач женат и в возрасте, так как в этом случае у него нет соблазна вступить с осматриваемыми в связь! Нужно также хорошо знать свое врачебное дело, разумеется, нужны также такт и уважение. Осмотр должен проводиться строго без свидетелей, так чтобы у девушки — именно так! — не было никакого повода вести себя похотливо.

«И в тюрьмах, и в больницах во время осмотра женщина ложится на некое подобие стола или кровати высотой около метра, который в больницах используется для проведения сложных операций, особенно полостных. К этому столу с одной стороны прикрепляется планка, на которую женщина ставит ноги, а с другой — ставят скамеечку, на которую встает врач... У этого стола очень много достоинств, он особенно полезен в случаях, когда нужно для осмотра применить хирургическое зеркало. Стол позволяет также провести детальный осмотр анального отверстия и паха, повышенная чувствительность которого может подсказать опытному врачу, что у осматриваемой раздражение шейки матки или вагинит».

Но от этого идеального стола пришлось отказаться, так как женщина не могла лежать на нем в головном уборе, который она не имела права снимать. К большому неудовольствию Паран-Дюшатле, врачам пришлось пользоваться стулом на высоких ножках с сильно отклоненной спинкой.

Проститутка была обязана проходить медосмотр раз в неделю. В утренние часы осмотр проводился бесплатно, после полудня — за плату; общественное мнение выступило против, и в Париже плату отменили. Размер платы составлял 2—3 франка в зависимости от дня недели, доходы позволяли покрывать расходы на осмотр. Некоторые смотрели на плату за обязательный медосмотр как на нелегальный налог, девушки считали его попросту штрафом. «Как оценить законность сбора денег, если он не утверж-

ден ни законом о бюджете, ни каким-либо другим законом или административным актом, тем более что собранные деньги идут исключительно на оплату молчания властей, которые решили скрывать от общества эту часть работы полиции по причине, надо полагать, отвращения, которое всякий добродетельный человек испытывает к занятию подобным делом, и равнодушия к нему девушек, вынужденных подвергаться осмотру?»

В Париже, как мы сказали, этот налог был отменен, но он сохранился в провинции вплоть до времен Третьей республики. Отсутствие единого законодательства по этому вопросу приводило к значительному разбросу цен на осмотр: в Марселе осмотр стоил 1—3 франка, в других городах он проводился бесплатно для местных жительниц, в Лионе и Бордо девушки, у которых имелись хотя бы какие-то средства, проходили платный осмотр у частных врачей — они даже считали долгом чести избегать государственных больниц, — которые обычно обращались с ними гораздо бережнее, чем в диспансерах, и заставляли меньше ждать в очереди. В утренние часы в среду и в четверг осмотр проводился бесплатно.

Процедура осмотра подвергалась жесточайшей критике на всем протяжении XIX века. Прежде всего общественное мнение полагало, что осмотр половых органов — это не что иное, как изнасилование, непростительное посягательство на стыд и интимность. С самими проститутками, обязанными по закону раздвигать на осмотре ноги, обращались как со скотом, об этом говорят совершенно чудовищный ритм, в котором работали врачи (в час врач осматривал пятьдесят с лишним женщин, то есть в среднем на осмотр одной женщины уходило тридцать две секунды), и практика пометок в личном деле женщины после осмотра (в дело ставилась печать: S — если женщина здорова, M — если женщина больна*). Сам осмотр, как

* От фр. *sain* «здоровый» и *malade* «больной». — *Прим. пер.*

представляется, не давал никаких существенных результатов: вплоть до 1887 года каждый второй осмотр проходил без использования хирургического зеркала; к тому же санитарные условия в диспансерах были ужасающие. Девушки научились мастерски скрывать симптомы болезни, врачи совершенствовали технику осмотра. Так, доктор Жаннель из Бордо изобрел специальное кресло, которое позволяло без предварительной настройки осматривать женщин разного телосложения: «Женщина поднимается на специальную платформу, проходя между большой pedalю и собственно креслом. Она садится в кресло, откидывается на спинку, одновременно нажимая правой ногой на одну из педалей или на выемку для локтя, а левой ногой нажимает на большую pedal. В результате правое колено отодвигается в сторону и опускается, левое колено также отодвигается в сторону, но поднимается. В этом положении становится видно анальное отверстие, вульва же находится в вертикальном положении. Врач становится немного справа от женщины таким образом, чтобы не отбрасывать на осматриваемые органы тени. Передняя часть кресла должна быть пододвинута к источнику света, например большому окну... Мы смазываем хирургическое зеркало смесью из ароматизированного оливкового масла и половиной сотой доли горького миндаля. Я настоятельно рекомендую использование этой смеси, так как она совершенно устраняет запах из влагалища, который порой может быть весьма неприятным, заменяя его на весьма приятный аромат. Кроме всего прочего, если девушка приходит на осмотр грязной, ее наказывают арестом сроком на 24 часа; то же самое ожидает девушку, страдающую паразитарными заболеваниями».

В борделе, как и в диспансере, хирургическое зеркало не применяется в случае, если у девушки месячные или она беременна. Процедура заканчивается осмотром рта, щек, языка и гортани. Каждый бордель должен был иметь кресло-качалку, а

также кровать для осмотра и набор хирургических зеркал.

Что касается числа проституток, больных сифилисом, то здесь трудно привести точные цифры, поскольку они, как правило, разные в разных работах; надо принимать во внимание и то, что панический страх перед этой болезнью порой сводил с ума даже тех, кто пытался писать научные труды! И все же кажется вполне правдоподобным, что болезнью страдала как минимум половина всех проституток. В половине случаев больной сифилисом проститутке семнадцать — двадцать лет. Напротив, старые проститутки чаще всего не страдают сифилисом — то ли потому, что в течение многих лет подвергались сифилизации, то ли потому, что принимали исключительные меры предосторожности. Обычно заболевшая проститутка живет с болезнью с семнадцати до тридцати лет, порой она не слишком страдает от нее, часто у нее нельзя обнаружить внешних симптомов. Лечение, проводимое в диспансере, дает лишь кратковременные результаты: проститутка извлекается из «оборота», но лечить ее, по сути дела, не собираются. В среднем в Сен-Лазаре проститутку лечили от сифилиса в течение четырех с половиной месяцев. За это время ей делали инъекции, которые обычно не убивали болезнь, а лишь облегчали ее течение. Жизнь девушек во время этого вынужденного содержания столь плачевна, что после выписки из больницы они с головой окунаются в свою старую жизнь, вовсе не заботясь о предосторожностях. Может быть, тут надо говорить о привыкании, о пагубном пристрастии? Может быть, проституция — это нечто вроде наркомании, может быть, проститутки тоже страдают от синдрома отнятия? В это не так сложно поверить... «Сходящие с ума по старым и новым любовникам, они посвящают несколько дней подряд самому разнообразному разврату; в этом состоянии экзальтации они с жаром отдаются всем, о ком мечтают, преступают все возможные границы, и в конце концов мы об-

наруживаем у них, как кажется, симптомы венерических болезней, которые, однако, исчезают после нескольких дней покоя».

Лечение стóит дорого и длится долго, так что очень быстро пропускная способность диспансеров оказывается исчерпанной. Как обслужить всех больных? Поскольку средств на медицинскую систему выделялось недостаточно, то довольно скоро больницам пришлось прибегнуть к практике отказов в приеме, например, больницы соглашались лечить только местных. В национальных архивах немало материалов, живо излагающих отчаяние, в котором находились девушки, зарегистрированные как больные, но которых никто не хотел лечить.

Так, мэрия коммуны Созе выдает 14 июня 1835 года разрешение некоей «Марианне Делорм, дочери Жака Делорма, винодела, проживающего в нашей коммуне, свободно переехать из Макона в Лион и просит оказывать ей всякую возможную помощь. Эта девушка совершенно нищая, ее родители очень бедны, она вынуждена отправиться в это путешествие, так как ей необходимо обратиться в больницу за лечением от тяжелой болезни. Поэтому мы призываем всех добрых людей, каких она встретит на пути, помочь ей и обращаться с ней так, как того требует человечность». К этому документу приложен и другой: «Я, нижеподписавшийся, доктор медицины, подтверждаю, что Марианна Делорм страдает венерическим заболеванием. Поскольку она не имеет средств к существованию, она должна была бы быть принята в больницу Антикай. Однако в больнице Антикай нет свободных мест, и поэтому ей отказано в приеме».

Что стало с Марианной Делорм, мы уже никогда не узнаем.

Если верить врачам, то бордельные проститутки реже страдают сифилисом, чем нелегальные уличные проститутки. Этот довод был главным оружием

регламентаристов, которых очень пугало уменьшение количества борделей и рост числа «уличных девок». По данным анналов службы дерматологической и сифилитической терапии, доля больных бордельных проституток за десять лет — с 1873 по 1883 год — снизилась с 30 до 7,2% и оставалась на этом уровне вплоть до конца века. Вероятно, этому способствовали открытия Пастера, но мы можем также предполагать, что здесь сыграло свою роль и изменение образа мыслей проституток: «Не подлежит никакому сомнению, что в настоящее время проститутки уделяют гораздо больше внимания уходу за собой и чистоте тела, нежели еще двадцать лет назад; они гораздо сильнее боятся заразы и делают все, чтобы ее избежать, не потому, что они боятся заразы как таковой, это им все равно, но потому, что они боятся, в случае заражения, попасть в Сен-Лазар». Разумеется, девушки также могут покинуть бордель на время визита врача или просто его подкупить... Бордель все равно остается «фабрикой разочарований», кунсткамерой болезней, куда мужчины — напомним об этом, хотя это и очевидно — приходят заразиться и заразить девушек, так как известное число последних прибывает в бордель совершенно здоровыми. Чтобы избежать опасности и вернуть господ в бордели, нужно было создать санитарные условия высочайшего уровня, именно: перед каждым осмотром оставлять девушек в запертой комнате под присмотром на два часа, чтобы всякий «макияж», нанесенный ими на известные места с целью скрыть симптомы болезни, исчез, или устраивать внеочередные осмотры без предупреждения.

В Париже было принято отправлять всех больных девушек в Сен-Лазар. К кровати каждой прикрепляли табличку, на которой записывали ее диагноз и состояние здоровья. Поликлиника при Сен-Лазаре работала с 1836 года. Попасть туда можно было со стороны Сен-Дени, ее разместили в здании

бывшего монастыря. Иные говорили о Сен-Лазаре как о грязной помойке, иные — как о заведении, где гигиена и чистота поддерживаются на образцовом уровне. Если верить доктору Беро, «здание большое, просторное, в нем длинные широкие коридоры, каждый выходит во двор, где содержащиеся в здании люди могут прогуливаться два-три раза в день. Комнаты, кровати, белье и все прочее поддерживается в чистоте, достойной высшей похвалы... Больных каждый день кормят супом, мясом и овощами, а также так называемым “тюремным” хлебом высшего качества. Больных никогда не бьют, на них не кричат, так как, даже имея дело с этими источниками зла, мы должны проявлять к ним уважение, тем более что иные из них достойны жалости». Максим дю Кан вторит Беро, изображая совершенно идиллическую картину этакого дворца, где на несчастных изливается свет добродетели: «Паркет блестит, оконные стекла сверкают, оловянная посуда начищена так, что можно подумать, это серебро, здесь все так светло и радостно, все говорят, смеются, иногда спорят; это дом равенства, где вечерние платья и шикарные шляпы оставили в гардеробе, а носят все один и тот же костюм — серое платье и белый чепчик».

Кофиньон увидел в Сен-Лазаре совершенно другое; ему это место напоминает лепрозорий, он возмущен тем, как там ведут себя с больными: подъем в пять утра, затем десять часов работы с двумя часовыми перерывами, с девяти до десяти и с двух до трех. Пища скудная, одна вода, полупустой бульон, сушеные овощи, лишь изредка немного мяса. Если больная смеет протестовать, ее сажают в карцер с крысами. Гюйо увидел в Сен-Лазаре обычную тюрьму, где все пропахло затхлостью, где царит ужасающая антисанитария. Нет ни умывальников, ни ванн, нет полотенец, нет платков; за всем следят монахини, которые считают, что всякая попытка заняться личной гигиеной — посягательство

на стыд. Карко, который как-то посетил Сен-Лазар в середине рабочего дня, тоже говорит об ужасном запахе («здесь пахнет монастырем, потным бельем, супом и лекарствами»), о голоде, терзающем девушек, о местном «рынке» и ценах на нем: юбка — в обмен на полфунта шоколада, туфли — в обмен на кусок ветчины или литр вина. Минимальный срок пребывания там — десять дней, максимальный — двести пятьдесят.

Нана испытывает самый настоящий ужас при мысли о том, что ее могут арестовать и заточить в Сен-Лазар, она представляет себе это место в виде глубокого рва, черной дыры, где женщин хоронят заживо, предварительно обрив. Девушка, нарушившая правила поведения, имеет право на свидание только один раз в неделю, в то время как воровки имеют право на ежедневные свидания. Поэтому проститутки пытаются выставить себя воровками, чтобы иметь возможность видеть своих родственников, свою бандершу или сутенера по вторникам и пятницам. Среди врачей практикуется что-то вроде кумовства. Поскольку по закону для врачей не установлен максимальный срок пребывания на посту, они остаются на своих местах по многу лет: «Даже в самые последние годы мы все еще могли видеть одного старика, из наиболее уважаемых, которого каждый день приводил в больницу коллега или слуга; он полагал, что если оставить его одного, то он не найдет дороги на свое рабочее место, но что касалось его профессиональных функций, то он считал, что выполняет их на высшем уровне».

В провинции ситуация была ничуть не лучше. И в Лионе, и в Марселе пребывание в больнице больше напоминало тюремное заключение, курс лечения же больше всего походил на пытки и наказания. Санитарные требования не выполнялись никогда. Если попытаться составить список наказаний и страданий, которым подвергались во Франции девушки только за то, что они были... больны, то мы никогда

не закончим. В больнице Динан палата для венерических больных была грязнее иной помойки, все стены были в паутине, а монахини устроили на крыше карцеры для недовольных. В военном и гражданском госпитале Сен-Дизье палату для венерических больных запирали на засов, а окна в ней были зарешечены. В больнице Сен-Морис д'Эпиналь прямо рядом с палатой располагался карцер, а сама палата всегда была заперта на ключ. В странноприимном доме в Шато-Тьерри венерических больных сначала держали в палате для буйных, располагавшейся в бывшей пекарне, которая находилась прямо над моргом, а потом поместили в одну палату со стариками, страдающими маразмом. «Ох, им самое место здесь, в одной палате с этим нечистым старичьем!» — восклицает надзирающая за ними монахиня».

Больные регулярно поднимают восстания; впрочем, длются они недолго, так как власти жестоко подавляют их. Мятежи, поддерживаемые всем населением больницы, происходили и в Сен-Лазаре, и в Лионе, и в Сент-Этьене вплоть до самого начала Первой мировой войны. Однако власти совершенно не желали изменять условия содержания проституток, из чего мы можем сделать однозначный вывод о том, как они — дважды заклеянные, своим грехом и своей болезнью, — воспринимались обществом. «Пусть эти женщины, служащие громоотводом для страстей самцов, остаются за решеткой, невидимые для мира, и пусть их постигнут самые жестокие наказания!» — таково было тогдашнее кредо.

К бездействию властей следует добавить и неэффективность большинства самих диспансеров: лечение ртутью, калием и йодом устраняло лишь внешние симптомы заболевания. Главная функция этих диспансеров-лепрозориев, как можно судить, заключалась в заточении больных под предлогом воображаемого лечения; девушек выпускали из них с документами, в которых значилось «практически здоров», но сами они все равно оставались больны сифилисом.

И снова начинало крутиться это адское колесо, снова к проституткам приклеили старые ярлыки «сточной канавы общества», «средоточия греха», «источника заболеваний, передающихся половым путем», «гниющей плоти».

«Она испытывала гордость от того, что больна. Она восторгалась своей силе, своей способности заражать! Ах, мерзавцы измарали ее! Что ж, она сама теперь измарает других, молодых, старых, красивых, уродливых, всех, кто увяжется за ней, всех, кому она только сможет передать этот вирус поцелуем или укусом. Она наслаждалась этой горькой страстью, у нее кружилась голова от предвкушения будущей мести, она не могла дождаться, когда сторицей оплатит злом за зло, когда она начнет заражать всех, без устали... Она шагала по улицам Парижа, по подземным переходам, по галереям, по всем местам, где были прохожие, она была черной дырой, в которую проваливалось все — здоровье, счастье, семья...» (В. Маргерит «Проститутка»).

Уличная девка — находящаяся вне закона, бешеная, взбалмошная, заразная — представляла собой предмет сильнейшего беспокойства для врачей, моралистов и власть предержащих, которые никак не могли возродить былую страсть мужчин к борделям. Изменился образ мышления: статус пансионерок борделей все больше и больше начинает пониматься как рабский, и поэтому изменяется сам образ любви. Разумеется, женщины остаются женщинами, то есть производительницами потомства, но постепенно в головы людей начинает проникать идея равенства, идея товарищества в любви, идея равного обмена чувствами и половыми удовольствиями между мужчиной и женщиной. Юные поколения все больше проникаются этой мыслью; голос феминисток и шок Первой мировой войны, в результате которой очень многим женщинам пришлось научиться жить без мужчин, сумели создать в людях новый образ сексуальности, менее манихейский, чем прежний.

Объяснить эволюцию вкусов невозможно... особенно вкусов сексуальных! Но как иначе понимать возникший тогда вкус мужчин к женщинам, не заточенным более нигде, нежели как стремление, надежду — пусть иллюзорную — найти в них скорее партнера в удовольствии, чем «сточную канаву»?! Да, все эти женщины — публичные девки. В центре отношений все равно остаются деньги. Чтобы получать удовольствие, нужно, как и раньше, платить, но теперь радости получается больше, так как девушка отдается мужчине по собственной воле, а не ждет его покорно в борделе. Попытки заточить порок потерпели крах, а с ними — и сами регламентаристы: никогда уже бордели не вернут себе былой славы, никогда в них уже не будет ходить столько людей, а в 1946 году их вообще запретят. Но в это время уличная проституция будет жить полной жизнью, изменяясь одновременно с модой и веяниями в обществе. Эти девушки несвободны и, вероятно, никогда не будут свободны, потому что причина проституции — нехватка денег, но с тех самых пор, как эра борделей ушла в прошлое, они стали ближе, стали больше похожи на самых обычных людей, стали любить сильнее и перестали воплощать в себе страсть к совокуплению по-звериному в тисках доисторической страсти.

Еще и в наши дни феномен проституции не устает возбуждать любопытство как мужчин, так и женщин. Сексуальные отношения здесь сведены к своим элементарным составляющим и одновременно исчислены. Для этого и служат деньги. Между полами существует своего рода договор. В случае проституции этот договор основан на насилии, на желании, на жестокости, на обладании, на презрении, на отвращении, и прежде всего на неудовлетворенности. Ведь проститутка никогда не принадлежит клиенту целиком. Она принадлежит всем клиентам сразу. Возможно, именно это заставляет сходить по ней с ума. Эта девка ничего не стоит, раз я могу ее купить, но даже занимаясь с ней любовью, я ею не обладаю. Кто такая проститутка? Публичная девка, женщина для удовольствий. Пусть ее сердце принадлежит ее возлюбленному, а ее половые органы — клиентам, она сама принадлежит только самой себе. Пусть в ее тело проникают многие, она все равно сохраняет за собой свою силу и свою тайну. Она умеет отделить любовь от акта любви. Как мы видели, проститутка никогда не испытывает удовольствия с клиентом: она «лучится» — так они говорят — только со своим возлюбленным. По той же причине она и забеременеть может только от человека, которого

любит: и не надо смеяться, как это делают моралисты, не верящие в эти бредни. А что, если это правда? Что, если эти искусницы любви в самом деле постигли все тайны желания, любви и радости?

Проститутка выше всего. Она выше стыда и интимности. Она интригует других женщин своими умениями, она интригует их своим профессиональным, сиречь отстраненным, отношением к «половым штучкам». Многие проститутки в конце XIX века стали самыми воинствующими феминистками, и для некоторых из них они сами — идеальное воплощение женщины, самой униженной, самой замаранной, самой мерзкой. С начала семидесятых годов в Англии образовались лиги под предводительством Жозефины Батлер, поставившие своей целью защищать проституток и изменить это ужасное положение вещей. В ту эпоху их стали называть «белыми рабами», человеческими осколками, игрушками разврата. В начале XX века г-жа Авриль де Сент-Круа переняла эстафету и призвала, от имени всех женщин, положить конец проституции: «Женщины, в полном сознании насилия, совершенного над самым их полом, насилия, воплощенного в регламентаризме, требуют справедливости для всех, даже для тех, кто пал ниже других. Женщины — именно они должны сражаться за свои права! Они должны мечтать, они должны радоваться уюту и радости, которые создает вокруг них не только семья, но самая уверенность в своем материальном будущем, но они должны думать о тех несчастных, у которых нет крыши над головой, которые умирают от голода и холода, которые вынуждены терпеть оскорбления от мужчин, которые вынуждены скрываться от полиции и которые, чтобы попросту выжить, вынуждены зарабатывать свой хлеб проституцией. Те, кому праведная и счастливая жизнь далась легко, должны помнить, что все еще существует, с их собственного молчаливого согласия, ужасное рабство порока, рабство более ужасное, чем во времена Рима». Настоящая пропагандистская кампания, поддержанная социалистами и либералами, нашедшая свой рупор во

многих газетах, среди которых «Фронда», «Трещина» и даже «Аврора», воплощенная в таких людях, как Жорес и Золя, заставила власти признать, что проститутки находятся в рабстве, и отменить его. Так исчезли полиция нравов и регламентаризм.

Разделение полов стало более соответствовать принципу равенства, и нужно было, чтобы родилась новая мораль; нужно было создать, прежде всего в мужчинах, так как именно они — источники проституции, «корень бесчестия», — новое сексуальное сознание. Эта попытка провалилась... Законодательное молчание в сфере проституции продолжалось и стало со временем крайне тягостным, при этом страх перед распространением венерических заболеваний никуда не делся; и в момент, когда был проведен опрос мэрий разных городов относительно пользы запрета публичных домов, оказалось, что в глазах местного самоуправления эти заведения играли важную роль, они все еще рассматривались как полезные, если не необходимые. На самом деле борьба за «правильный» бордель только начиналась. Закон от 14 февраля 1900 года, принятый при префекте Лепине, легализовал дом свиданий, который сразу же включился в санитарную и регламентационную систему. Бордели же должны были избавиться от своих красных фонарей и никоим образом не делать свою деятельность достоянием общественности. Власти перешли к новой политике — разрешать, чтобы более эффективно очищать и контролировать. Одновременно новое законодательство позволило проституткам вести легальную жизнь — под контролем держательницы дома свиданий, реже подвергаться полицейскому произволу и требовать к себе лучшего отношения в больницах. Когда вслух высказывали идеи создания домов свиданий, которыми бы управляли сами проститутки, это вызывало только пожатие плечами. Проститутку продолжали считать «необходимым злом»: лучше не давать этому злу выходить за рамки, чем пытаться его искоренить.

Кампания по защите уличных проституткок, которая на какое-то время захватила всю прессу и значи-

тельную часть литературы, перед началом Первой мировой войны уступила место кампании против порнографии, против уличных пороков, против проституции несовершеннолетних и против торговли женщинами. Агрессивные моралисты снова захватили лидирующие позиции, и образ проститутки снова был вымаран в грязи... Но грянула война, и сексуальное поведение мужчин резко изменилось.

«Мужчины, которые прежде наслаждались супружеской верностью, оказались внезапно оторваны от своих семей и, зная, что им ежеминутно угрожает смертельная опасность, забыли осторожность, свойственную им в мирное время. Они стали вступать в поверхностные и непродолжительные связи, которых они тщательно избегали когда-то в своей гражданской жизни, и так снова стали распространяться зерна разврата и венерические болезни. С другой стороны, и их жены, предоставленные сами себе, часто живущие впроголодь, позволяли себе на некоторое время находить отсутствующему мужу замену».

Анонимность, частые переезды, желание получать радость от жизни, не надевая на себя пут, снова привели к возникновению борделей, которые процветали вплоть до начала наступления немецкой армии в 1918 году. В некоторых борделях имелись даже бомбоубежища! Эта бешеная сексуальная активность сопровождалась необычайным ростом числа заболевших венерическими болезнями; за первые два года войны число мужчин, страдающих от сифилиса, увеличилось на две трети. Контроль был усилен, и на фронтах были открыты венерические центры. Однако сифилис еще никогда не мешал солдату быть бравым и бесстрашным! Так что, несмотря на патриотические призывы к воздержанию, бордели жили своей счастливой жизнью вплоть до последнего сражения — для того лишь, чтобы в двадцатые годы XX века снова умереть, на этот раз почти окончательно. Бордели не пережили послево-

енного экономического кризиса, большинство превратились в отели или в дома для сдачи внаем под бюро. В 1920 году в Париже насчитывалось всего двадцать борделей...

Бордель умер, да здравствует бордель. Ностальгирующие старики плачут, в то время как новые клиенты никак не могут сделать свой выбор. Париж, несмотря ни на что, как был, так и остался гигантским публичным домом, так что в нем сотнями процветали дома свиданий и им подобные заведения... Продажная любовь стала индустрией. Все протекает в быстром темпе, в этих новых храмах любви акты длятся лишь короткое время — ведь оно и есть деньги. Теперь уже и речи нет о том, чтобы пропустить стаканчик, перед тем как заняться делом... Бандерши прежних времен отправились на свои виллы доживать старость, новые бандерши умело управляют новыми домами, где поддерживается гигиена. После открытий Вассермана сифилис перестал быть неизлечимой болезнью, и каждый клиент теперь мог удовлетворить свою страсть без опасений за будущее... Меньше темных фантазий, конечно, но больше безопасности. Нет больше таинственных ожиданий, охватывавших мужчину при виде женщины, нет больше магической атмосферы ночной любви, в которую так любили окунаться все...

Нет, мы не собираемся плакать по ушедшим временам и верить романтическим сказкам о проституции прежних времен. Но, на наш взгляд, бордель, возможно, вовсе не был, как говорили моралисты, своего рода Карфагеном, который должен был быть разрушен. Его существование, в конце концов, никогда не мешало возникновению скандалов, не предотвращало ни проституцию несовершеннолетних, ни порабощение женщин. Закон Марта—Ришара, запретивший бордели в 1946 году, ставит своей главной целью поддержание общественной жизни на высоком моральном уровне. Этот закон дает проститутке право выставлять себя напоказ, дает ей право быть хозяйкой своей собственной жизни. После этого презрение к проституткам стало постепенно схо-

дить на нет. Проститутка из воплощения порока превращается в половых дел мастера. Тем хуже для господ, которые ищут острых ощущений в сфере похоти, они больше их не найдут:

«Месье, делайте ваш выбор!

Ведется вежливый разговор о том, что сегодня напечатали в газетах. Никакого цинизма. Да и зачем? Все привычно — костюм, место, профессия; в них больше нельзя увидеть ничего экстраординарного.

Они стоят здесь, как продавщицы за прилавком, ждут постоянных клиентов. Просто они торгуют, скажем, не овощами, а собой. Ничего тут такого нет. Если закрыть глаза, то можно легко представить их себе в комнате за чаем с консервжкой дома, где они живут».

Грех, каковым является акт любви, становится все легче взять на душу, и тело от этого взрослеет; от этого и спорт, и купания, и солнечные ванны. Свобода распоряжения собственным телом влияет и на отношения в законных супружеских парах. Наступило новое время в сексе, как остроумно написал Ален Корбен. Девушки отправляются «на работу» и считают заработанные ими деньги. Секс — это бизнес. Проститутки, когда-то бывшие отбросами общества, начинают восприниматься как модели для эмансипации! В 1923 году из печати вышла следующая листовка, подписанная неким Робером Кайла: «В проститутке есть красота, она, возможно, в ней от ее цинизма, от ее полной беспечности, дерзкого игнорирования порабощения всякого рода. Она отрицает, она признает, она провоцирует, она свободна от всех условностей. Именно поэтому художники так любят этих парий, которые так звонко смеются, в бесстыдстве которых так много чего-то насмешливо-животного, наличие чего в себе другие не готовы признать». А Хавелок Эллис писал так: «Главный мотив, по которому женщины временно или постоянно занимаются проституцией, — это отыскать

средства для собственного личного роста, который наше общество, основанное на механической работе, жестко сдерживает. Огромное большинство наших молодых девушек инстинктивно становятся проститутками по той простой причине, что они чувствуют неясный призыв стать самими собой, найти себя, в чем они порой сами себе стыдятся признаться».

Культурная ценность проституции также начинает осознаваться... Кажется, что проституция — сознательный выбор, символ свободы. Желание стать проституткой перестает быть позорным. В 1925 году среди писателей и интеллектуалов был проведен опрос на эту тему. Карко воспевал проституцию, а Лафушардьер утверждал: «Проституция — единственная честная форма любви, та, которая не питается ложью. В общении с проституткой тот, кто платит, будь он последний мерзавец, находит именно то, что ищет, потому что его желание ведет его к вещам возможным. В общении с равнодушной любовницей никто не может проявить страсти, любовник никогда не найдет в ней то, что ищет, потому что он ищет другое».

Мужчина, эта знаменитая фигура умолчания литературы о проституции, наконец оказывается вызван на нравственный суд. Ведь без него, читаем мы в результатах опроса, не было бы никакого рынка любви. «Публичную девку клеймили каленым железом, тем самым она оказывалась во власти тех, кто хотел ее преследовать; и лишь она одна — но никогда не мужчина, ее равный партнер, который должен был нести равную ответственность», — пишет Флекснер.

Мужчина больше не хозяин, он больше не источник спроса, он больше не источник желания. Некоторые женщины требуют создания специальных борделей для себя, общество робко начинает при-

завать, что женщина тоже имеет право испытывать половое желание. Да, женщина тоже может хотеть заняться любовью! И проститутки начинают меньше бояться, потому что оказывается, что не они одни воплощают в себе порок, зло, разврат. «Нужно хорошо понимать, что непостоянные половые отношения не только могут быть совершенно свободны от всякого расчета, от всякого промискуитета, но — по меньшей мере со стороны женщины — сопровождаться самым высоким напряжением чувств, будь она любовница или подруга сердца».

Кажется, секс начинает неплохо уживаться с любовью и законные жены начинают полагать, что имеют право на то, чтобы их мужья их хотели так же, как они хотят проститутки. Это новое направление буржуазной сексуальности еще неокончательно сформировалось, но оно, как мне кажется, сформируется со всей неизбежностью. В этом свете образ проститутки утрачивает свою таинственность и становится образом уважаемым. Но переходить границу между женщиной честной и женщиной публичной опасно: от последней исходит беспокойство, любовь с ней очень остра, но от нее идут трещины в отношениях, она стóит дорого. Вспомним о Дневной Красавице, которая излечивается от своей фригидности, но взамен, в результате своих проказ, получает мужа, который парализован и нем!

Проститутки, конечно, больше не расплачиваются жизнью за свою грязную профессию. Кто может без отвращения и возмущения читать, даже сегодня, рассказ об агонии Наны, брошенной всеми, в буквальном смысле разлагающейся от накопленного ею в своем теле порока, превратившейся в комок вонючей плоти, бывшей отравительницы общества, которая тяжелейшими страданиями расплачивается за свою злобу, за свою красоту, за свое презрение? Кто готов смириться с концом Люси Тираш, тоже обратившейся в мешок с гноем, бесформенную массу, которая ложится на кровать в больнице, умирая от

сифилиса, и мечтает о любви? Кто согласен презирать гонкуровскую Элизу, сходящую с ума в своей камере, ничего не соображающую, впавшую в детство, с бегающими глазами, губами, с которых готовы сорваться миллионы слов, но которые остаются немые, которые никогда больше не заговорят...

Презрение и ненависть, впрочем, никуда не делись. Структуры, статус и экономика проституции значительно изменились с тридцатых годов по сегодняшний день. Тейлоризация* секса и новое отношение к телу потрясли многих, но проституция хотя и изменила свой статус, не изменила своей природы. Некоторые проститутки до сих пор живут в ужасающих условиях, в рабстве у сведен; их насиляют, пытаются, выставляют как товар на международный рынок против их воли. Само слово «проституция» все еще связано с массой запретов, подавлением, насилием. Так зачем же о ней говорить? Зачем рассказывать историю проституции и историю проституток, которые, как мне не устают повторять многие, не имеют истории? Я постаралась восстановить некоторые фрагменты этой истории, которой у них якобы нет. К счастью, на сегодняшний день они этим занимаются сами — и занимаются уже два десятка лет...

* Переход к организации труда на основе глубокой специализации и рационализации трудовых отношений; приводит к интенсификации производства. Теория разработана американским инженером Ф. У. Тейлором (1856—1915). — *Прич. пер.*

БИБЛИОГРАФИЯ

- Adan P.* Chair molle. Bruxelles, 1885.
- Andrieux P.* Souvenirs d'un préfet de police. Paris, 1885.
- Beraud F. F.* Les filles publiques de Paris et la police qui les régit. 1839.
- Bizart L.* La vie des filles. Paris, 1934.
- Blanchard C.* Dames de cœur. 1949.
- Bloy L.* Sueurs de sang. Paris, 1892.
- Bruant A.* Les Bas-fonds de Paris. Paris, 1897.
- Butte.* Etat sanitaire au point de vue de la syphilis des filles soumises dans les maisons de tolérance de la ville de Paris. 1903.
- Camp M., du.* Paris, ses organes, ses fonctions et sa vie dans la seconde moitié du XIX siècle. Paris, 1873.
- Carco F.* Amour vénal. 1938.
- Carco F.* Bohème d'artiste. Paris, 1942.
- Carlier F.* Etude de pathologie sociale, les deux prostitutions. Paris, 1871.
- Cavaillhon.* Courtisane platonique // Les Parisiennes fatales. 1889.
- Chaleil M.* Le corps prostitué. Paris, 1979.
- Chevalier L.* Classes laborieuses et classes dangereuses à Paris pendant la première moitié de XIXe siècle. Paris, 1958.
- Choisy M.* Un mois chez les filles. Paris, 1928.
- Coffignon A.* La Corruption à Paris. 1888.
- Cogniard P.- J.* La Prostitution – Etude de science criminelle. 1938.
- Commagé O.* Recherches sur les maladies vénériennes à Paris dans leur rapports avec la prostitution clandestine. Paris, 1897.
- Corbin A.* Les filles de noce. Paris, 1978.
- d'Urville F.* Les Ordures de Paris. Paris, 1879.
- Daumard A.* La Bourgeoisie parisienne de 1819 à 1848. 1963.
- Desmaze C.* Le crime et la débauche a Paris. Paris, 1881.
- Ellis H.* La Prostitution, ses causes, se remèdes. 1929.
- Esquiros A.* Les Vierges folles. 1890.
- Farge A.* Le goût de l'archive // Seuil, 1989.
- Farge A.* Vivre dans la rue au XVIII siècle. Paris, 1979.
- Fiaux L.* La police de mûrs. Paris, 1888.
- Fiaux L.* Les Maison de tolérance, leur fermeture. 1894.
- Flexner A.* La prostitution en Europe. Paris, 1919.
- Gaucher.* Article au séance academique du 28 mars 1916 // Bulletin de l'Académie de Médecine. 1916.
- Goron M. F.* L'Amour à Paris. 1899.
- Grimmer C.* La Femme et le bâtard. Amours illégitimes et secrètes dans l'Ancienne France. Paris, 1983.

- Guyot Y.* La prostitution, étude de physiologie sociale. Paris, 1882.
- Haïddar S.* La Prostitution, La Traite des femmes et des enfants. Paris, 1937.
- Hamel M., Tournier C.* La prostitution, enquête. Nice, 1927.
- Jeannel.* De la prostitution publique. Paris, 1863.
- Julien.* Articles divesers // Revue de medecine légale. 1900.
- Lano P., de.* Courtisane, 1883.
- Lecour C. T.* La Prostitution à Paris et à Londres. 1789—1870. Paris, 1870.
- Lorrain J.* La maison Philibert. Paris, 1904; lattes, 1979.
- Mac Orlan P.* Nuits aux bouges. Paris, 1929.
- Mireur H.* La Syphilis et pa prostitution dans leur rapport avec l'hygiène, la morale et la loi. 1875.
- Parent-Duchatelet A. J. B.* De la prostitution dans la ville de Paris. Paris, 1836; réédition 1857.
- Philippe C.- L.* Bubu de Montparnasse. Paris, 1901.
- Regnault F.* L'évolution de la prostitution. Paris, 1906.
- Reville M.* La prostituition des mineures selon la loi pénale. Paris, 1896.
- Richard E.* La prostitution à Paris. 1890.
- Sainte-Croix A., de.* L'esclave blanche. Alençon, 1913.
- Tarnowsky P.* Etude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses. 1889.
- Taxil L.* La prostitution contemporaine. Sans date.
- Ternau J.* Maisons closes de province. Le Cénomare, 1986.
- Virmaître C.* Paris impur, Les maisons de rendez-vous. Paris, 1889.
- Virmaître C.* Trottoirs et lupanars. Paris, 1893.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	6
Глава 1. Любовь под балдахином	20
Клиенты	31
Деньги	40
Приемы	44
Глава 2. Любовь в борделе	48
Требования к борделям	50
Устройство рынка	56
Категории борделей	62
Наём на работу	79
Бандерша	82
Бордельные девки	88
Повседневная жизнь	98
Ожидание	107
Болезнь	109
Желание	112
Дети	119
Лесбиянки	121
Прогулки на свежем воздухе	124
Любовники	126
Отъезд	127
Глава 3. Любовь на улице	132
Регистрация	141
Подпольные проститутки	142
Улица	145
Проститутки в пивной	148
Проститутки в кафе	151
Певички	154
Танцовщицы	157
Дома свиданий	159
Маленькие проститутки	162
Проституция на природе	172
Утренние проститутки	174
Сутенеры	177
Полиция	190
Больница	205
Эпилог	219
Библиография	228

А 31 Адлер Л. Повседневная жизнь публичных домов во времена Мопассана и Золя / Пер. с фр. И. В. Свердлова. — М.: Молодая гвардия, 2005. — 230[10] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 5-235-02739-6

С того самого момента, как на планете возник вид *homo sapiens*, женщины и мужчины торговали своим телом. Но все наблюдатели — врачи, историки, моралисты, полицейские, идеологи, художники, романисты — соглашались в том, что в XIX веке проституция радикально изменила свой облик, свой статус и даже, не побоимся этого слова, саму свою природу. Что же произошло?

Об этом обстоятельно и подробно расскажет вам эта книга.

УДК 94(44) «15/19»

ББК 63.3(4Фра)-28

Адлер Лаура

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПУБЛИЧНЫХ ДОМОВ
ВО ВРЕМЕНА МОПАССАНА И ЗОЛЯ**

Главный редактор **А. В. Петров**

Редактор **И. В. Черников**

Художественный редактор **Н. С. Штефан**

Технический редактор **В. В. Пылкова**

Корректоры **Л. С. Барышникова, Т. И. Маляренко,**

Г. В. Платова, Т. В. Рахманина

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 15.06.2004. Подписано в печать 14.12.2004. Формат 84×108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Гармон». Уч.-изд.л. 12,6+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 44429.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994 Москва, Сущевская ул., 21. Internet://mg.gvardiya.ru/ E-mail:dsel@gvardiya.ru.

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994 Москва, Сущевская ул., 21.

ISBN 5-235-02739-6

Всех любителей
гуманитарной литературы
приглашаем посетить
новый специализированный
магазин-салон

КНИЖНАЯ СЛОБОДА

открытый при издательстве «Молодая гвардия»

В продаже самый широкий ассортимент
биографических изданий,
книги по истории, философии, психологии
и другим отраслям гуманитарных знаний.

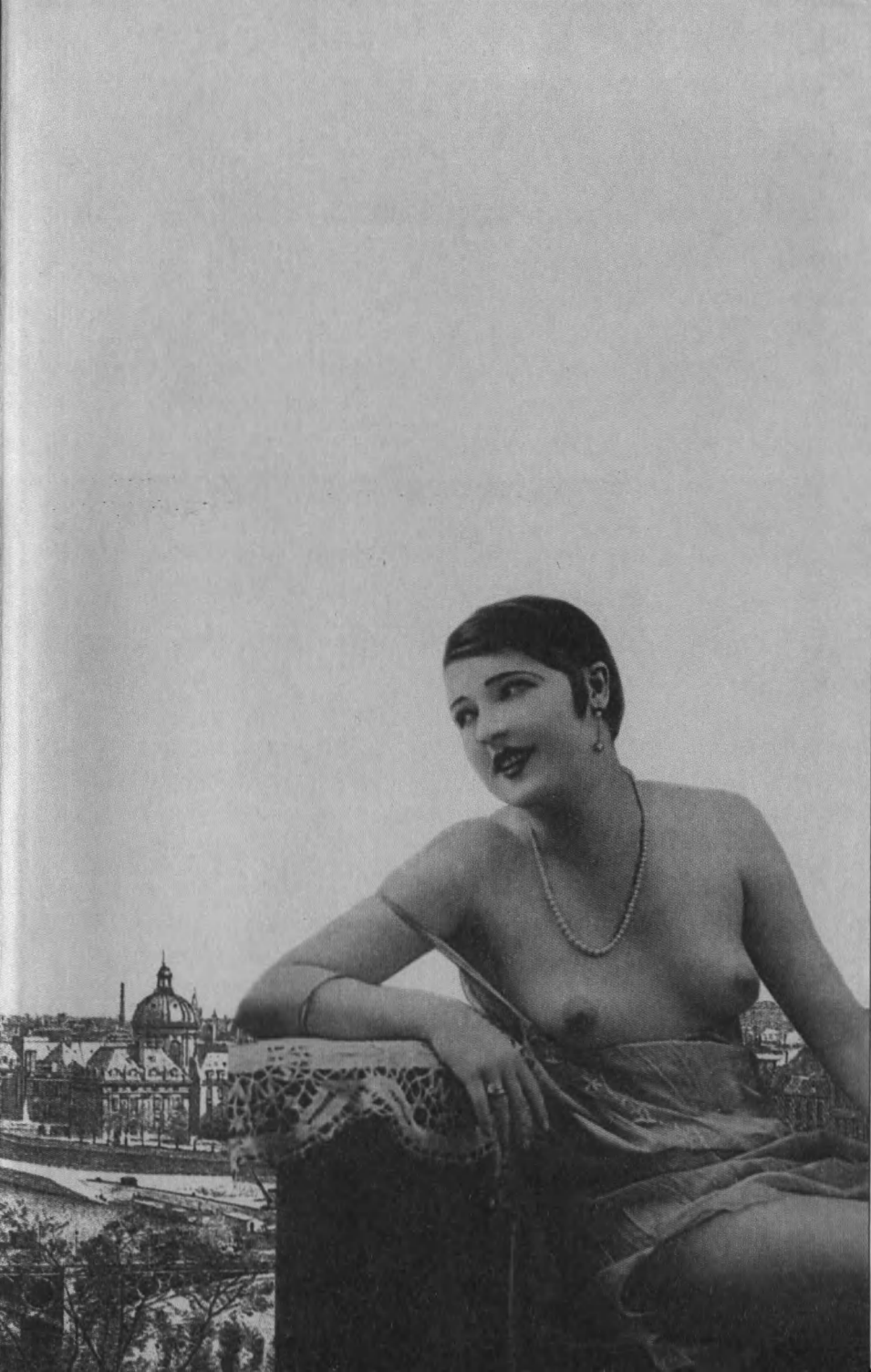
Наш адрес: ул. Новослободская, 14/19, строение 4.
Проезд до станций метро «Менделеевская» (в минуте ходьбы)
или «Новослободская».

Телефоны: 972-05-41, 787-64-77.

<http://mg.gvardiya.ru> © book@gvardiya.ru

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

М. Брион

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВЕНЬ ВО ВРЕМЕНА
МОЦАРТА И ШУБЕРТА

А. Шураки

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЛЮДЕЙ БИБЛИИ

Л. Тихвинская

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ТЕАТРАЛЬНОЙ
И ЛИТЕРАТУРНОЙ БОГЕМЫ
СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Э. Буйновский

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПЕРВЫХ РОССИЙСКИХ
РАКЕТЧИКОВ И КОСМОНАВТОВ

М. Вострышев

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИИ
В ЗАСЕДАНИЯХ
МИРОВОГО СУДА
И РЕВТРИБУНАЛА

М. Аникович

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ОХОТНИКОВ
НА МАМОНТОВ

ISBN 5-235-02739-6

9 785235 027398 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ